

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

А. И. АКРАМ

СОКОЛ КУРАЙШТОВ

Абд ар-Рахман, пришелец в Испанию

MIRAS

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

А. И. АКРАМ

СОКОЛ КУРАЙШИТОВ

Абд ар-Рахман, пришелец в Испанию

Русское электронное издание

Перевод, редакционная подготовка и вёрстка — MIRAS

t.me/islamiras

Предисловие

«Мусульманское завоевание Испании» я написал в Мадриде, где в 1978–1980 годах был послом Пакистана. Уже за этой работой стало ясно, как обширна история мусульман в Испании, как блистательны их достижения и как долги и кровопролитны войны, которые они вели, — не только с христианами, но и между собой. Широко было и полотно, на котором они изобразили судьбу западного ислама и его воздействие на христианскую Европу.

Тогда я и понял: уложить военную историю ислама в Испании в один том — значит обойтись с предметом несправедливо. Нужен был ряд книг, которые прямо и внятно сказали бы заинтересованному читателю, что произошло и почему это произошло. Я решил написать их все. «Мусульманское завоевание Испании» — лишь первая в этом ряду. Последней предстояло рассказать о трагическом падении Гранады в конце XV века.

Перед вами вторая книга. Она о человеке нескольких имён: Абд ар-Рахман ибн Муавия, Абд ар-Рахман Первый, Абд ар-Рахман Пришелец, Сокол Курайшитов. Это был человек железной воли. Он совершил почти невозможное и, при почти невозможных обстоятельствах, наложил свою печать на мир, который не желал оставить ему места в истории. Здесь его путь — от бегства с Евфрата, когда он был ещё юношей, едва вышедшим из отрочества, до смерти в полноте лет и почестей, господином Кордовы и основателем династии, которой предстояло править Испанией без малого три столетия. Это жизнь и походы человека, которого любили немногие, ненавидели многие и которого все боялись и уважали.

Рукопись я подготовил в 1981 году в Равалпинди, вскоре после отставки с государственной службы. Затем, как и с прежними книгами, я поехал за границу: нужно было довести разыскания и увидеть места, о которых идёт речь. Случилось это только летом 1983 года.

Две недели я провёл в Лондоне и большую часть времени просидел в британских библиотеках. Оттуда — в Испанию. В Мадриде работа шла в Испано-арабском институте культуры. Потом я вылетел в Кордову и остановился в гостинице по соседству с великой мечетью: её замысел и основание принадлежат Абд ар-Рахману, хотя увидеть завершение этого благородного здания ему было не суждено.

Там я встретил старого друга, Мануэля Сальсинеса Лопеса. Он и сам писатель и помог мне разыскать места, которые я особенно хотел увидеть. Рельеф земли, к сожалению, изменился. Там, где когда-то звенело оружие и грохотали военные барабаны, теперь пусто: места исчезли из памяти или остались лишь именами на карте, часто уже в испанском обличье. Такова Мусара неподалёку от Кордовы — поле первой битвы Абд ар-Рахмана, битвы, которая повернула историю Испании. Ныне это свалка, где город жжёт свой мусор. Я стоял и смотрел, как горит этот мусор, — там, где более двенадцати веков назад решалась история Испании.

В пути я на несколько дней отлучился в Португалию: португальское правительство пригласило меня прочесть лекции о Южной Азии в Институте стратегических и международных исследований и в Институте национальной обороны. Я слетал и в Фару, на юг страны, в Институт арабских исследований Университета Алгарве, и говорил там о мусульманском завоевании Испании. Меня поразили ревность и постоянство учёного профессора Жозе Домингоса Гарсии Домингиша. Как председатель совета института он направляет его занятия и старается вернуть интерес к мусульманскому прошлому Португалии. За этот приезд я благодарен большому другу, Рую Ж. де Бриту-и-Кунье, португальскому послу в Исламабаде.

В трёх прежних книгах — «Меч Аллаха», «Мусульманское завоевание Персии» и «Мусульманское завоевание Египта и Северной Африки» — сражения разобраны до мелочей. Подробности сохранены историей, а чего не записали историки, то на месте держит устное предание, и держит на удивление верно. В арабских странах, где я бывал ради этих книг, местные жители помогали мне восстановить события, рассказ о которых отцы передавали сыновьям и бережно хранили веками.

В Испании иначе. После отвоевания христианские государи нарочно стирали всякий след мусульманского присутствия. В вещественном виде от него остались Хиральда Севильи, Мескита Кордовы, Альгамбра Гранады да кое-где дворцы и сады. Этот гнёт против памяти тех, кто принёс земле красоту и учёность, длился столетиями. Лишь в недавнее время более свободные порядки и возвращённый интерес к мусульманскому прошлому заставили испанцев — по крайней мере людей более вдумчивых и открытых — осознать, какое великолепное мавританское наследие им досталось.

От этого пробела, то есть от нехватки подробных сведений и устного предания, страдает эта книга и будут страдать следующие. О тактических

передвижениях в сражениях, из которых складывается рассказ, подробностей немного. Жаль. И всё же это книга о войне, военная история, от которой неотделимы события политические.

События понятнее, если видеть ближайшее прошлое, из которого они выросли. Чтобы верно смотреть на то, о чём рассказано здесь, читателю полезно коротко знать историю мусульманской Испании до этих событий. Для того и написано введение: краткий очерк завоевания, взятый из «Мусульманского завоевания Испании». Внимательный читатель заметит и другую особенность. Во всех прежних войнах, в Испании и за её пределами, мусульмане бились с неверными: с персами, римлянами, коптами Египта, берберами Северной Африки, готами Испании. В этом томе почти вся описанная война идёт между верующими. Бербер против араба, араб против араба, — трагически, мусульманин против мусульманина. Христиане выходят на сцену лишь изредка, как преходящий эпизод. В следующих томах это несколько изменится: христиане вернутся и займут в военной истории мусульманской Испании более заметное место.

За плечами четыре книги, и каждая стоила долгих разысканий и дорог, так что для этой помощи потребовалось немного. Те, кто сделал мои поездки содержательнее, уже названы. Остаётся поблагодарить личного секретаря, Мухаммада Садика Бега, перепечатавшего рукопись.

Итак, это моя вторая книга о войнах мусульманской Испании. Читатель найдёт её интересной и насыщенной сведениями. Мусульманскому же читателю она напомнит, какой урон терпят мусульмане, когда забывают, кто их настоящий враг, и обращают оружие друг против друга. Так не раз бывало в истории. Так бывает и сегодня.

Равалпинди
сентябрь 1983 г.
А. И. Акрам

Об арабских именах

Краткое объяснение арабских имён поможет читателю увидеть родство, которое в имени обозначено, и понять, почему один и тот же человек известен под разными именами.

Араба — и по сей день так называют во многих арабских обществах — знали по трём именам. Первое было его собственным, скажем Талха. Второе — именем отца, скажем Абдуллах, и тогда его называли ибн Абдуллах, то есть сын Абдуллаха. Третье — именем сына, скажем Зайд. Его можно было звать Талха, или ибн Абдуллах, или Абу Зайд; последнее — самая почтительная форма обращения. В иных грамматических положениях «Абу» звучит как «Аби».

Отца тоже называли по сыну, и потому у сына встречалось имя вроде Талха ибн Аби Усман, то есть Талха, сын отца Усмана, — Усман здесь брат Талхи. Человек мог зваться даже Талха ибн Аби Талха, что буквально значит: Талха, сын отца Талхи.

То же правило — для женщин. Девушку по имени Асма называли Асма бинт Абдуллах, то есть дочь Абдуллаха. Став матерью, она брала имя сына или дочери и становилась, например, Умм Зайд — мать Зайда.

Тонкие различия арабского произношения — между «с» и межзубным *th*, между «з» и межзубным *dh* — в этой книге опущены, хотя для араба они совершенно реальны и звучат по-разному. Чтобы чтение было проще, всюду взяты звуки, привычные в Пакистане: «с» и «з».

О географии Испании

Испания — почти что материк в материке. В известном смысле она сразу и Европа, и Африка, и лучшее в обеих. От Африки её отделяет Гибралтарский пролив, от Европы — Пиренеи, и пролив как преграда не серьёзнее гор. Пиренеи в чём-то даже труднее для движения. Любопытно, что Сьерра-Невада, самый заметный хребет юга, геологически продолжает горы Рифа в Северной Африке, по ту сторону пролива. Ложе Гвадалquivира геологи считают остатком прежнего пролива между Атлантикой и Средиземным морем: всё, что лежало южнее, относили тогда к африканскому материку. Позднейшие движения земной коры оставили от того пролива лишь выход к Атлантике. Из-за этого особого положения Испания была местом встречи двух материков и порогом, с которого шли и туда, и сюда.¹

Это обширный полуостров почти в четверть миллиона квадратных миль. Земля резких контрастов: альпийские горы поднимаются выше снеговой линии и смотрят на плодородные долины, широкие плоскогорья разорваны хребтами, которые называют сьеррами — по-испански «пила», — за зубчатый рисунок гребней. Семь восьмых очертания полуострова — морской берег, омывтый Атлантикой и Средиземным морем, и почти весь берег горист, кроме бухт, заливов и речных дельт, где часто лежит низкая болотистая земля.

В общих чертах полуостров прорезан тремя большими хребтами с востока на запад: Кантабрийскими на севере, Гуадаррамой в середине и Сьеррами на юге. Землю поят многие реки, большие и малые. Из пяти крупных Эбро впадает в Средиземное море, а четыре другие — Тахо, Дуэро, Гвадиана и Гвадалquivир — текут на запад, в Атлантику. Только Эбро не участвует в орошении Месеты.

Месета — центральное плоскогорье Испании, больше половины поверхности полуострова. При средней высоте около двух тысяч футов это самое высокое плоскогорье Европы, если не считать Швейцарии. Оно незаметно и полого склоняется с севера на юг и с востока на запад. Жёсткая, открытая ветрам столовая земля разделена Кордильерой на север и юг: эти две части позже явятся в истории как Старая и Новая Кастилия.

1. Речь идёт не о нынешней Испании, где западную часть полуострова занимает Португалия, а обо всём полуострове, известном как Иберия.

Горы Испании, хотя выше названы три главных хребта, дробятся на отроги и множество меньших цепей; здесь названы не все. Главные — в нескольких словах.

Кантабрийские горы — самые северные. Они нависают над берегом Кантабрийского моря. Туманные, холодные, покрытые лесом, они держат в себе тихие долины и по облику и климату более всего европейские. Пиренеи — восточное продолжение Кантабрийских гор, гранитный массив с вершинами выше одиннадцати тысяч футов и со средней высотой большей, чем у Альп. На двести восемьдесят миль они идут высокой зубчатой стеной от Бискайского залива до северо-западного угла Средиземного моря. И в них есть извилистые долины и зелёные пастбища.

Посреди полуострова тянется хребет, называемый Иберийской системой: от атлантического берега близ Лиссабона на север и северо-восток от Мадрида и дальше к Каталонии, на северо-восток полуострова. В этом хребте несколько сьерр, и концы их разделены проходами. Самая красивая — Сьерра-де-Гуадаррама, искажение арабского Вади-р-Рамль, «долина песка»: так зовётся река, от которой горы взяли имя.

На юге лежит долина Гвадалквивира, в римское время Бетиса. Она отделяет Сьерра-Морену к северу от Сьерра-Невады к югу. В последней — высочайшие гребни полуострова, свыше одиннадцати тысяч футов. Она полого спускается к югу и юго-востоку, и по обоим склонам у неё глубокие поперечные долины. Этому хребту суждено было видеть самое долгое мусульманское владычество в Испании и его трагический конец — падение Гранады.

Есть на полуострове и другие холмистые края: галисийский и португальский уступы на западе и ещё несколько сьерр. Для этой истории они не настолько важны, чтобы говорить о них особо.

Для нас важнее всего южная область, нынешняя Андалусия. Она тянется от Атлантики на западе до Средиземного моря на востоке и составляет четверть полуострова. Яркое солнце и достаток воды питают здесь влажную плодородную почву, особенно в широкой долине Гвадалквивира. Кроме этой долины край большей частью холмист, но и в холмах есть глубокие долины с богатой землёй. Красивая прибрежная полоса этой области привлекла первых поселенцев и видела древнейшие цивилизации Испании. Ей предстояло стать настоящей, типичной мусульманской Испанией.²

Введение

В начале VIII века Испанией правили готы, германский народ, вышедший из варварского мира. Точнее, это были вестготы, западные готы, в отличие от остготов, восточных готов, которые владели Италией и другими землями. Вестготы завоевали в Испании римскую державу и стали её наследниками. В середине VI века они взяли Толедо, сделали его столицей и покончили с семью веками римской власти. С тех пор Испания была королевством вестготов.

Это был народ храбрый, сильный, воинственный, закалённый войной и даже упивавшийся ею. Враг из них выходил тяжёлый: они знали военные хитрости и умели и наступать, и обороняться, но в способе боя склонялись к наступлению и опирались прежде всего на конницу, которая составляла главную массу их войска.

Последним готским королём был Родерик, прославленный полководец. После смерти короля Витицы в 709 году его избрал на престол сенат. Сыновья покойного короля не смирились с воцарением Родерика. Свергнуть его оружием они не сумели и стали сеять в стране недовольство новым королём. Родерик, однако, был достаточно силен, умел и любим, чтобы устоять против царевичей и поддерживавшей их партии.

Такова была Испания, когда в неё вошёл Тарик ибн Зияд, берберский полководец, остриё мусульманского войска Мусы ибн Нусайра, арабского наместника Северной Африки. В конце апреля 711 года Тарик перешёл пролив, отделяющий Северную Африку от Испании, с семью тысячами берберов и высадился у подножия гранитной скалы, которую прежде звали горой Кальпе, а теперь назовут Джабаль Тарик, горой Тарика; позже имя искажится в Гибралтар. Несколько дней он провёл в стычках со слабыми готскими отрядами, затем двинулся к Тарифе на южном берегу Испании и принял там подкрепление: пять тысяч берберов из Северной Африки. Когда они прибыли, Тарик сжёг корабли и пошёл на север, навстречу королю Родерику, на восточный берег реки Барбате, в нескольких милях к юго-востоку от городка Касас-Вьехас, ныне Беналуп-де-Сидония. Здесь сорок тысяч христиан-готов, по большей части конных, стояли против двенадцати тысяч мусульман-берберов, по большей части пеших.

2. Это географическое описание взято из книги автора «Мусульманское завоевание Испании».

Битва при Барбате началась 19 июля 711 года. Первыми ударили готы. Три дня мусульмане с трудом держались под готской конницей. В конце третьего дня Тарик обратился к войску со знаменитыми словами: «О люди, куда вы побежите? Впереди враг, позади море. Клянусь Аллахом, ничего вам не остаётся, кроме веры и стойкости». В следующую ночь сыновья покойного короля Витицы, стоявшие на крыльях готского войска, завязали с Тариком переговоры и предложили перейти на его сторону.

На четвёртый день Тарик пошёл в контратаку: двойной охват и сильный удар в лоб. Готские крылья покинули войско Родерика, а главные силы готов после упорного сопротивления были смяты. Родерик утонул в Барбате. Остатки его армии побежали с поля, и берберы гнали их по пятам. Позже Тарик напишет своему главнокомандующему: «Мы преследовали бегущих три дня после дня победы и не снимали мечей с шей побеждённых».

После этого разгрома три сына Витицы явились к Тарику за наградой. Тарик отправил их к Мусе ибн Нусайру, а Муса — в Дамаск, к халифу аль-Валиду. Халиф принял их с почётом и в награду за службу подтвердил за ними большие отцовские имения, которые отобрал было Родерик. Царевичи осели в этих имениях и пожинали плоды верности мусульманам: Ахила — в Толедо, Артабас — в Кордове, Ольмондо — в Севилье.

Тарик двинул армию на Кордову. У Эсихи путь ему заступило ещё одно немалое готское войско. Здесь, в середине августа, снова разгорелся жестокий бой, и христиане снова были разбиты наголову. Это было второе по тяжести сражение Тарика в Испании, и оно надломило способность готов сопротивляться. Они ещё будут стоять, но спорить с мусульманским продвижением и угрожать самому присутствию мусульман в Испании они уже не могли.

Тарик задумал идти глубже. Один отряд он послал на юг, другой — брать Кордову, а сам с главными силами пошёл на Толедо. Первый отряд напал и взял Эльвиру, рядом с будущей Гранадой, Малагу и Арчидону. Второй, под началом яркого полководца Мугиса, прозванного Руми, то есть Римлянином, осадил Кордову и в конце октября принудил её сдаться. Тарик подошёл к Толедо, и готская столица открыла ворота победителю. В следующие недели он зачищал готские остатки в краю Гвадалахары и Алькала-де-Энарес, а в октябре — ноябре 711 года вернулся в Толедо. Наступала зима.

Больше Тарик своими силами не сражался: его удерживал Муса ибн Нусайр, который завидовал его славе и хотел оставить часть славы завоевания себе. Но дело Тарика было сделано, и сделано превосходно. Он сломал хребет готской силе в Испании. Оставалось сопротивление сравнительно малое, и дальше им занимался главнокомандующий, Муса ибн Нусайр.

Муса ибн Нусайр был одним из великих людей мусульманской истории и в своё время первым полководцем на свете. В июне 712 года он перешёл Гибралтарский пролив с восемнадцатью тысячами арабов. Высадившись в Альхесирасе, он пошёл на север, взял Медину-Сидонию и Кармону, затем осадил Севилью. Город пал после двух или трёх месяцев осады. Оставив в Севилье небольшой отряд, Муса двинулся на север и подошёл к Мериде, сильному укреплённому городу на западе Испании. Осада шла с живыми и кровавыми схватками восемь месяцев, пока гарнизон не сдался на условиях 30 июня.

Пока стояла осада Мериды, сын Мусы Абд аль-Азиз действовал с конным отрядом. Жители Севильи восстали и перебили мусульман, оставленных там гарнизоном. Затем Абд аль-Азиз провёл несколько небольших операций против городов на юго-западе, прежде всего Ньеблы и Бежи, а после этого пошёл на юго-восток Испании, гоня перед собой большое готское войско графа Теодомира, одного из самых видных полководцев и вельмож вестготов. Теодомира наконец принудили к бою и разбили наголову, но хитрый гот сумел выговорить у мусульман выгодный договор, прежде чем сдать свою областную столицу Ориуэлу 5 апреля 713 года. После этого он правил областью как почтенный и почти независимый государь, хотя по букве подчинялся мусульманской власти в Испании.

После падения Ориуэлы Абд аль-Азиз послал колонну вдоль восточного берега, и та взяла Аликанте. Другие отряды, посланные его отцом Мусой, покорили юго-запад Испании, включая Лиссабон и Кадис. Весь юг оказался под мусульманской властью.

Через месяц после падения Мериды Муса выступил к Толедо. Там он обошёлся с Тариком крайне сурово. Он бранил его всенародно, обвинил в неисполнении приказов, бросил в тюрьму и дал понять, что велит казнить. Мугис Римлянин сумел убедить главнокомандующего не делать этого, пока дело не решит халиф. Затем Мугис поехал в Дамаск и рассказал халифу о распре Мусы и Тарика. Халиф не только запретил Мусе трогать Тарика, но

и приказал вернуть того в командование. Приказ исполнили сразу, и Тарик снова получил свою должность.

Весной 714 года началось завоевание северной Испании. Верховным вождём был Муса, передовым отрядом командовал Тарик. Муса взял Сарагосу, Уэску, Лериду, Барселону, Жерону, Таррагону, Валенсию и Дению. Укрепившись на северо-востоке Испании, он вошёл в землю, которая теперь Франция, а тогда была северо-восточной окраиной вестготского королевства Испании. Тяжёлый бой дали при Нарбонне, последнем оплоте вестготской власти, и снова победили мусульмане. Нарбонна стала пределом их продвижения. Отсюда они повернули назад и вернулись в Сарагосу.

Из Сарагосы оба полководца пошли на запад двумя отдельными колоннами покорять северную середину Испании, нынешние Кастилию и Леон. Кое-где встречали отпор, но преодолевали его легко. Среди событий этого похода было и такое: Тарик обратил в ислам знатного полководца по имени Кассий, по-арабски Каси. Сыновьям Кассия предстояло основать на севере страны готско-мусульманскую династию, и она ещё сыграет важную роль в позднейшей истории мусульманской Испании.

Колонны Мусы и Тарика прошли равнины Кастилии и сошлись у Асторги. Оттуда они повернули на север уже одним войском и при Луго, в нескольких милях за Овьедо, встретили последнее устроенное сопротивление и дали последний победоносный бой. Остатки готского войска рассеялись в горной Астурии, в Пиках Европы, и быстрые отряды мусульманской конницы преследовали их и вылавливали.

Стоял август 714 года. Немногие, кто уцелел в горах, были сломленными, упавшими духом беглецами и мусульманам уже не угрожали. Врагов, с кем биться, не осталось. Не осталось и сопротивления, которое нужно было ломать. Испания принадлежала теперь миру ислама. Вскоре после этого Муса и Тарик по приказу халифа аль-Валида отправились в Дамаск, а сын Мусы Абд аль-Азиз был оставлен в Севилье наместником Испании.

В Дамаске с Мусой очень дурно обошёлся халиф Сулайман, вступивший на престол вскоре после возвращения полководца. Полководца судили, всенародно унизили, лишили всех должностей и всего богатства и посадили под своего рода домашний арест, чтобы остаток жизни он прожил в сравнительной бедности. Тарик вернулся в Испанию и жил там на почётном покое. Халиф обратился и против сыновей Мусы ибн Нусайра. По его приискам

Абд аль-Азиз был убит в марте 716 года, когда стоял впереди на молитве в мечети Севильи.

После его смерти воины сами избрали править собой племянника Мусы, Айюба ибн Хабиба. Айюб правил около шести месяцев и за это время перенёс столицу мусульманской Испании в Кордову. Затем прибыл человек, назначенный халифом.

Этот последний шаг стал рубежом ранней истории мусульманской Испании. Кончилось время, когда страну держали Муса ибн Нусайр и его семья, и началось правление чиновников, которых назначал прямо Дамаск или мусульманский наместник в Кайруане. Кайруан был столицей Северной Африки, и оттуда наместник от имени халифа простирает власть на новозавоеванную Испанию. С этой переменой порвалась непрерывность командования. Оставайся Абд аль-Азиз жив и у власти, он укрепил бы и уплотнил мусульманскую власть в стране. Теперь поток политических и военных решений прервался. Для мусульман это было несчастьем, а для ядра христианского сопротивления — удачей: угли его в северных горах Астурии гасли, но ещё не погасли.¹

Новым правителем Испании стал аль-Хурр ибн Абд ар-Рахман ас-Сакафи. С этой точки мы и подхватываем в настоящем томе нить военной истории мусульманской Испании.

1. Этот очерк взят из книги автора «Мусульманское завоевание Испании».

ГЛАВА 1

Война во Франции

Халифом в Дамаске был Сулайман ибн Абд аль-Малик — человек тщеславный, преданный удовольствиям и весьма красивый, известный тем, что поглощал пищу в огромном количестве.¹ Именно он обошёлся с Мусой ибн Нусайром, завоевателем Испании, с дьявольской жестокостью и устроил убийство его сыновей: Абд аль-Азиза в Севилье и Абдуллаха в Кайруане. В 716 году он назначил своего вольноотпущенника Мухаммада ибн Язида наместником в Кайруане и сказал ему: «О Мухаммад ибн Язид, бойся Аллаха, Единого, у Которого нет сотоварищей. Ступай и трудись там, куда я назначил тебя правителем, по правде и справедливости. Я назначаю тебя правителем Африки и Магриба».²

С этими благочестивыми словами, ещё не отзвучавшими у него в ушах, Мухаммад ибн Язид отправился в Северную Африку вступать в должность. За благочестивыми словами халифа последовали его же приказы: заточить сына Мусы, Абдуллаха, который оставался правителем до прибытия нового назначенца, и замучить его до смерти. Приказы халифа были исполнены немедленно.

Африка, как её знали ранние мусульмане и как её тогда знали римляне, не была нынешней Африкой. То была северная полоса материка, от Барки в Ливии примерно до Алжира, со столицей в Кайруане, в нынешнем Тунисе. За Алжиром лежал Магриб, что буквально значит «запад», со столицей в Танжере. Обе области, каждая из которых была тогда большой провинцией ислама, ныне вместе составляют Северную Африку, от Ливии на востоке до Атлантического океана на западе.

Испания была провинцией при наместнике Африки.³ Такой порядок шёл со времён Мусы ибн Нусайра, который был наместником Африки и в то же время завоевателем Испании. Так что теперь Испания тоже оказалась под властью Мухаммада ибн Язида, нового наместника в Кайруане. Вскоре

1. Масуди. «Мурудж», т. 3, с. 158.

2. Ибн Таари, т. 1, с. 47.

3. Слово «наместник» мы употребляем условно, поскольку он представлял халифа, который во всех отношениях был монархом и передавал своё царство по наследству членам своей семьи — братьям или сыновьям.

после убийства Абд аль-Азиза в Севилье наместник назначил правителем Испании видного полководца по имени аль-Хурр ибн Абд ар-Рахман ас-Сакафи.⁴ Аль-Хурру предстояло сменить в Кордове прежнего правителя, Айюба ибн Хабиба, племянника Мусы ибн Нусайра.

В Кайруане опасались, что переход власти может не пройти мирно. При той жестокости, с какой халиф Сулайман обошёлся с Мусой и его семьёй, и при том уважении и любви, какими эта семья пользовалась в Испании, осторожность была уместна. Поэтому аль-Хурр взял с собой охрану в 400 всадников, на всякий случай. То были не рядовые воины, а знатные люди из лучших арабских родов. Аль-Хурр прибыл в Кордову в августе 716 года (зиль-хиджжа 97 г. х.) и застал прежнего правителя, ожидавшего его с почтением. Айюб ибн Хабиб удалился в свой дом. Смуты не было, и аль-Хурр утвердился как правитель Испании. С его водворением в мусульманской Испании открылась новая пора — пора дерзких и кровопролитных вторжений во Францию.

В позднейшей главе будет описано политическое положение Франции, или Галлии, как она тогда называлась, в первые годы VIII века. Пока читателю достаточно знать немного об областях на юге Франции, либо смежных с Испанией, либо достаточно близких, чтобы до них доходили походы, предпринятые из Испании. Таких областей было три: Аквитания, Септимания и Бургундия (см. карту I).

Аквитания составляла большую часть Франции, почти треть страны. Она лежала у Атлантики; южным её пределом были Пиренейские горы, а река Луара обозначала северную и восточную границы. Некогда входившая в вестготское королевство Испании, теперь она была независимым франкским герцогством (по сути — королевством) под властью герцога Эда, чьей столицей была Тулуза.

Септимания продолжала прибрежную полосу Испании уже на французской земле и тянулась от восточных предгорий Пиренеев до реки Роны. Позже этот край называли Лангедоком, хотя Лангедок уходил по Роне дальше на север. Слово «Септимания» значило «семь городов», и область звалась так из-за семи городов в ней, а именно: Каркассона, Нарбонны, Безье, Нима, Агда, Лодева и Магелона. Область всегда была частью вестготского

4. Мусульманскую столицу Испании Айюб ибн Хабиб перенёс из Севильи в Кордову, но есть известия, что перенос совершил аль-Хурр.

королевства Испании. После того как вестготская власть в основной части полуострова была сокрушена, Муса ибн Нусайр вошёл в Септиманию и покорил Нарбонну, столицу области, но позднее оставил её и повернул назад. Септимания всё ещё была вестготской, но не была уверена в своём положении: независимое герцогство или графство, зажатое между франками на севере и мусульманами на юге и не знавшее, кого следует бояться больше.

К востоку и северо-востоку от Септимании лежало королевство Бургундия. Оно шло от средиземного берега на север, к западу от Альп, вверх по долинам Роны и Соны. В V веке то было могущественное королевство бургундов, германского варварского народа, но в VI веке его захлестнули франки и покончили с бургундской династией. Позже, однако, оно снова возникло как независимое королевство, и теперь, в начале VIII века, это была страна бургундов и франков под властью ветви меровингских франков.

Всего доступнее из Испании и всего уязвимее для мусульманских набегов была Септимания: географически она продолжала прибрежную полосу северо-восточной Испании уже на французском берегу. Пиренеи обрывались, не доходя до моря, и движению не мешали. К тому же Септимания была частью вестготской Испании, которую мусульмане только что завоевали, и им естественно было продолжить движение вперёд в этот край как часть войны с христианами. Потому первый мусульманский поход и был маршем в Септиманию.

За мусульманскими походами во Францию стояло несколько побуждений, и каждое толкало к военному предприятию. Была жажда славы у полководцев. Было искание заслуги перед Аллахом у всех мусульман — в священной войне против неверных. Был неосызаемый вековой порыв расширять пределы ислама и подводить всё новые части человечества под закон Корана, чтобы спасти сынов Адама от их грехов. Был и соблазн приобрести богатство, хотя западные писатели его преувеличили и несправедливо выставили единственной причиной походов.

Последнее обвинение — чрезмерное упрощение. Было известно, что христианские монастыри во Франции владеют огромным богатством: золотыми и серебряными украшениями и сосудами, а также драгоценными камнями огромной цены. Для ранних мусульман, с их простым равенством людей пустыни, храм был местом поклонения, а не местом, где хранят

казну, и потому богатство церквей и монастырей было законной добычей. Лучше было обратить его на пропитание верных, чем оставлять лежать в церкви внешним и бесполезным украшением места, которое ни в каком украшении не нуждалось.

Аль-Хурр, полководец смелый и напористый, был первым из начальников походов во Францию. Ища славы на войне и заслуги перед Аллахом, он выступил из Кордовы весной 718 года со значительным мусульманским войском. Сначала он взял Барселону. То было, собственно, повторное занятие: город за три года до того завоевали Муса ибн Нусайр и Тарик ибн Зияд и, по-видимому, оставили без гарнизона, когда ушли покорять север Испании. Из Барселоны аль-Хурр пошёл береговой дорогой в Септиманию. Каковы были в точности его завоевания, неизвестно, и сообщения о том, что он взял Нарбонну, вероятно, неверны. Он, однако, разослал отряды по разным округам Септимании и собрал военную добычу в большом количестве.

Так прошло несколько месяцев. Затем ему пришлось вернуться в Испанию: среди христиан в Наварре начались беспорядки, да и в Кордове был некоторый разлад. В Испании дела шли нехорошо и с возвращением аль-Хурра не стали лучше. Он был человеком жёстким и непреклонным, сурово карал ослушников, и тяжёлая рука его падала на всех без различия племени и веры. Военное умение и суждение не сопровождалось у него равным даром управления и политического устройства, и оттого суровые его приёмы восстановили против него народ. В нём стали видеть угнетателя, а богатства, привезённые из Франции, мало смягчили этот облик. Жалобы людей дошли до нового халифа, и тот решил, что Испании пора иметь другого правителя.

Новым халифом в Дамаске был Умар ибн Абд аль-Азиз, благородный и благочестивый мусульманин, прямой нравом и с сильным чувством справедливости, совсем не похожий на прочих омейядских халифов, к роду которых принадлежал. О нём были так высокого мнения, что мусульмане называли его Пятым халифом, иначе говоря, ставили в вере, чистоте и добродетели на одну ступень с первыми четырьмя халифами ислама. К несчастью, ему не суждено было править долго: его халифат длился всего два с половиной года.

Умар ибн Абд аль-Азиз напряжённо трудился ради дела ислама, чтобы укрепить веру и вернуть ей первоначальную чистоту, пострадавшую от рук

недавних халифов. Особенное внимание он обратил на Северную Африку, куда послал учителей и наставников, даже таби'инов. Таби' (буквально «последователь») — это человек, который знал сахаби; сахаби (буквально «сподвижник») — человек, который знал пророка Мухаммада, мир ему. Теперь, спустя 90 лет после смерти Святого Пророка, сахаби уже не осталось, и таби'ины были выше всех по святости и пользовались глубочайшим почитанием. Халиф послал в Северную Африку десять таби'инов. Эти учителя и наставники много сделали для очищения мусульманской жизни в Ифрикии и обратили множество берберов, дотоле не принявших ислам. Слышав о неустройстве в Испании и о тщетности суровых мер аль-Хурра, которыми тот пытался поправить положение, халиф отрешил его от должности и на его место назначил полководца, уже служившего в Испании: ас-Самха ибн Малика ал-Хаулани. Назначая его, халиф постановил, что отныне Испания отделяется от Африки и будет управляться прямо из Дамаска. Ас-Самх принял правление в апреле 719 года (рамадан 100 г. х.).

Халиф наставил ас-Самха вести людей правым путём ислама, направлять дела государства по правде и справедливости и брать с завоёванных земель и поместий пятую часть их стоимости как установленную долю казны. Прежде, по-видимому, это не исполнялось как должно. Он попросил нового правителя и о подробном географическом описании Испании, чтобы немного лучше узнать страну. Умар ибн Абд аль-Азиз даже помышлял о выводе мусульман из Испании. Он опасался, что им будет причинён вред: они ушли очень далеко от сердца исламских земель, оторвались от своих и глубоко увязли в борьбе с врагами ислама. К счастью для мусульманской Испании, его отговорили приводить этот замысел в исполнение, заверив, что мусульмане, умножившись в Испании и расселившись по земле, не подвергаются опасности потерять ни жизнь, ни веру.

Ас-Самх оказался дельным правителем. В первый год правления он занят был делами областей и сделал управление более дельным. Он внимательно следовал наставлениям добродетельного халифа и утвердил в управлении справедливость и беспристрастие, заслужив хвалу и благодарность всех, кем правил. Из памятных его дел — постройка большого моста через Гвадалквивир в Кордове. Старый римский мост давно обрушился, а недавно рассыпалась и юго-западная стена Кордовы. Испросив дозволение халифа, ас-Самх отстроил мост из камня рухнувшей стены. Мост этот был построен в 101 г. х.

Приведя внутренние дела Испании в порядок, он обратился к священной войне. На войне он был столь же храбр и отважен, сколь справедлив и умен в правлении. К тому же он стремился возродить дух ислама, одушевлявший прежние поколения мусульман. Весной 720 года он выступил из Кордовы с большим войском, перешёл Пиренеи у их восточной оконечности и вступил во Францию. Разделив войско на быстрые конные колонны, он прошёл ближайшие округа Септимании, ломая сопротивление, где его встречал, и утверждая власть ислама над завоёванной землёй. В каждой части Септимании, взятой его колонной, ас-Самх наложил подати и джизью; последняя была небольшой подушной податью с немусульман в обмен на ручательство защиты от внешних врагов. В делах же местного управления жители завоёванной земли были оставлены под властью собственных должностных лиц и под собственными законами.

Главным делом этого года было завоевание Нарбонны, древнего кельтского города, теперь столицы Септимании. Город лежал близ моря, и к нему можно было подойти на судах со Средиземного моря. Поскольку он стоял на главной оси наступления в юго-восточную Францию, место это имело немалое стратегическое значение. Ас-Самх осадил Нарбонну; осада длилась 18 дней, после чего он взял город приступом и положил конец сопротивлению. То была главная добыча ас-Самха в этом походе.

Мусульмане провели зиму в Нарбонне. В это спокойное время ас-Самх превратил город в твердыню для обороны, восстановил укрепления и обратил его в неприступную крепость. В крепости собрали большие запасы продовольствия и оружия; отныне её должен был занимать значительный мусульманский гарнизон. Предусмотрительность, с какой ас-Самх готовил Нарбонну как крепость, окажется ценной в последующие десятилетия, в войне ислама с франками.

Когда зима прошла, ас-Самх снова выступил в завоевательный поход. На этот раз целью его была Аквитания. Оставив в Нарбонне гарнизон, он двинулся с главными силами на запад; конница рассыпалась по округе, чтобы вычистить остатки сопротивления в соседних землях. Мусульмане взяли Каркассон без труда и продолжали наступление, пока не подошли к Тулузе, в конце мая или в начале июня 721 года.

Тулуза была столицей Аквитании. Эта обширная область в V веке входила в вестготское королевство, но в начале VI века её захлестнули франки, и она стала франкским герцогством, чьи правители большую часть времени

действовали как независимые государи. Нынешний герцог, Эд, был одним из самых смелых и удачливых франкских военачальников, человеком и хитрым, и храбрым; о нём ещё будет сказано в позднейших главах. Мусульманам предстояло найти в нём противника стойкого и врага лукавого.

Эд с тревогой смотрел, как мусульмане далеко и широко ходят набегам по соседней Септимании. Его ободряло знание того, что мусульманские силы слабее тех, какие он сам мог собрать против них. Едва он получил весть, что мусульмане идут на его столицу, он собрал свои силы — главным образом германских варваров из франков и готов, к которым присоединилось множество гасконцев, коренных жителей земель между Тулузой, западными Пиренеями и Атлантикой. Ему удалось собрать очень большое войско против мусульманских пришельцев. С этим войском он ушёл от города, оставив гарнизон на стенах, и скрылся в некотором отдалении. Замысел его был таков: пусть мусульмане ввяжутся в дело под Тулузой и истощат силы, пытаясь сломить её оборону и одолеть гарнизон, а в удобный час он неожиданно обрушится на них главными силами. Замысел был очень умён.

Подойдя к Тулузе, мусульмане осадили город и стали готовить осадные машины — катапульты, чтобы обстреливать город. Между мусульманами и защитниками произошло несколько стычек, и в каждой перевес был на стороне мусульман. Если гарнизон и не был многочислен, мусульмане не могли этого знать; не знали они и того, что внутри города стоит лишь малая часть неприятеля, а большая часть христианской силы лежит скрытно в некотором отдалении. Уверенный в победе, ас-Самх готовился к последнему приступу на Тулузу.

И вдруг одним утром лазутчики донесли, что с тыла мусульман, обращённых лицом к городу, подходит несметное полчище. То был герцог Эд: он шёл со своим войском варваров, главным образом пешим, чтобы захватить мусульман врасплох. Тучи пыли, поднятые его войсками, затмевали свет солнца.⁵ Мусульмане сильно уступали числом. Внезапное и неожиданное появление большой неприятельской силы обыкновенно парализует застигнутых врасплох, но уверенность, добытая мусульманами за десять лет победных действий против христиан в Испании и Франции, была достаточно крепка, чтобы выдержать этот удар. Ас-Самх увидел в случившемся

5. Конде, с. 95; Арслан, с. 71.

не беду, а вызов. Мусульмане повернулись лицом к христианам, полные мужества и решимости, а ас-Самх наскоро перестроил войско для боя в открытом поле, имея за спиной город.

Эд намеревался захватить мусульман врасплох и ударить им в тыл, пока они заняты обороной Тулузы, но, подойдя, нашёл, что мусульмане не только выстроены против него для боя, но уже наступают на него. Ас-Самх решил не ждать христиан, а перехватить у них почин. Полки под его началом были главным образом конными и потому более пригодны к подвижным и наступательным действиям, чем к стоячим и оборонительным. И он предпочёл атаковать. Не смущённый численным превосходством христиан и читая стихи Корана, он бросил конницу в дело. Мусульмане смело пошли в атаку на наступающий фронт христиан.

Христианский фронт продолжал наступать, и оттого возникло необычное положение: две противные силы шли друг на друга разом, а не так, как бывает чаще, когда одна атакует, а другая обороняется. Когда они сблизились достаточно, мусульманская конница ударила, а варвары стояли, готовясь принять удар, уверенные в своём числе и в предводительстве неустрашимого герцога. Два войска сошлись, и бой завязался. Численности противных сил мы не знаем. Мы знаем примерное место поля боя — близ Тулузы, почти под самыми её стенами. Мы знаем дату этой роковой встречи: 10 июня 721 года (9 зу-ль-хиджжа 102 г. х.).

То была тяжёлая и беспощадная схватка, без пощады с обеих сторон, страшнее, по словам летописцев, чем можно вообразить. Два войска ринулись друг на друга, как «два потока, низвергающихся с гор на равнину», как «две горы, столкнувшиеся друг с другом».⁶ Было страшное побоище, и земля была усеяна телами павших. Обе стороны бились героически, и победа долго колебалась на весах.

Оба командующих полководца показали себя достойными вождями храбрых людей. И всё же о том, как вёл себя мусульманский полководец, мы знаем больше, чем о его противнике. Ас-Самх был повсюду, храбрый, как лев, и рычал, как разъярённый жеребец;⁷ кровь врагов текла с его рук и с его меча. Куда он ни ударял, враги падали под его ударами. Так сражаясь и побуждая своих биться, он глубоко врезался в ряды христиан, и здесь его

6. Там же.

7. Там же.

поразило христианское копье, пронзившее его насквозь, от бока до бока. Мусульманский полководец бездыханным упал с коня и в смерти обрёл радость мученичества, которой жадно искал.

Картина разом переменялась. Смерть командующего привела мусульманскую конницу в расстройство. Под напором франкских атак мусульмане поспешно отошли с поля боя, оставив очень много убитых, и среди них многих знатных начальников. В этом критическом положении командование войском принял Абд ар-Рахман ибн Абдуллах ал-Гафики, и только героические усилия этого великолепного воина спасли мусульман от полной катастрофы. Он искусно отвёл войска от Тулузы и благополучно привёл остатки армии в Нарбонну, где по общему согласию был избран командующим мусульманским войском. Абд ар-Рахман был офицером, которым глубоко восхищались и которого любили за чудеса храбрости, явленные им в бою, особенно при Тулузе и при отступлении от Тулузы.

О подробностях этой битвы мы знаем очень мало: о тактических манёврах, о действительной численности противных сил и прочем. Даже место поля боя известно лишь приблизительно, то есть под стенами города Тулузы. Известно, что мусульмане потеряли много убитыми, хотя и герцог Эд дорого заплатил за победу. Для мусульман их отпор при Тулузе был больше, чем поражение в бою; тяжелее потери людей и земли была нравственная тяжесть того, что они проиграли. Впервые с тех пор, как десять лет назад они ступили на берег Испании, мусульмане потерпели поражение и оставили поле боя христианам. Христианам было показано, что мусульман можно разбить. То была первая победа германского народа над мусульманами; она охладила мусульман к вступлению в землю франков и обратила их дальнейшие действия на юго-восточную Францию — Септиманию и долину Роны. То была победа герцога Эда. Честь быть первым западноевропейским полководцем, нанёсшим мусульманам военное поражение, принадлежит Эду, а не Карлу Мартеллу, как обычно полагают; Карл вскоре явится в нашем рассказе.

Но пока Эд торжествовал небывалую победу, он не знал, что уцелевший его противник, Абд ар-Рахман, однажды не только выбьет его из столицы Тулузы, но и выгонит из самого герцогства Аквитании. Абд ар-Рахман жил теперь одной мыслью — о мести. Он жил в ожидании дня, когда снова сойдётся с франками, особенно с герцогом Эдом Аквитанским. А пока он ушёл с остатками войска в Испанию, оставив гарнизон держать Нарбонну.

Наместник Африки одобрил то, что он принял командование в Испании, и утвердил его назначение, но лишь как временную меру. Два месяца спустя был назначен другой правитель, ещё один пылкий боец священной войны, по имени Анбаса ибн Сухайм из племени кальб.

Умар ибн Абд аль-Азиз был мёртв. Благородный халиф умер за год до Тулузы, 10 февраля 720 года (25 раджаба 101 г. х.), и с его смертью кончилась светлая полоса благочестия в девяностолетнем правлении династии Омейядов. Даже враги Омейядов почувствовали утрату, и один из них скорбел: «О сын Абд аль-Азиза, если бы человеческие глаза могли плакать по кому-либо из дома Умайи, мои глаза должны были бы плакать по тебе».⁸

После Умара ибн Абд аль-Азиза на дамаскский престол вступил Язид ибн Абд аль-Малик. С принятием им халифата Испанию снова подчинили Ифрикии, иначе говоря, наместнику в Кайруане. На следующий год после прихода к власти халиф назначил наместником всей Северной Африки бывшего раба, Язида ибн Аби Муслима — человека ужасного, который оказался ужасным правителем и в свой срок встретил справедливый конец: его убили берберы. К счастью для мусульман Испании, до их страны ему почти не было дела, кроме назначения правителей. Через два месяца после битвы при Тулузе он назвал правителем Испании Анбасу ибн Сухайма ал-Кальби, сменив Абд ар-Рахмана ибн Абдуллаха ал-Гафики.

Смена Абд ар-Рахмана произошла не из какого-либо суждения наместника о самих людях, а из-за противодействия сослуживцев Абд ар-Рахмана. Избрав его командующим, когда войско было под ударом кровавого отпора при Тулузе и положение было критическим, полководцы затем заколебались. Ими двигала зависть. Абд ар-Рахман был кумиром войска; воины восхищались им не только за храбрость и героизм в бою, но и за щедрость, с какой он награждал их за добрую службу. Полководцы завидовали его славе и любви войска. Поэтому они писали наместнику, утверждая, что Абд ар-Рахман непригоден к высшему командованию. Они не оспаривали его мужества и отличных военных качеств; они критиковали его управление и щедрость и то, что после успешного дела он ни в чём не умел отказать своим людям.

Происки завистливых соперников привели к тому, что наместник отрёшил Абд ар-Рахмана и заменил его Анбасой, который тоже был уважаемым

8. Конде, с. 93.

полководцем и слыл человеком мужественным и рассудительным. Он принял командование в августе 721 года (сафар 103 г. х.), и такова была чистота сердца Абд ар-Рахмана, что, вместо того чтобы оскорбиться отрешением от командования, которого он столь явно заслуживал, он встретил нового правителя и искренне, сердечно поздравил его с назначением. Абд ар-Рахман вернулся к прежнему командованию в Испании, вероятно во главе одной из частей войска.

Положение, которое застал Анбаса, нисколько не ободряло. Во-первых, души были подавлены потерей людей при Тулузе и мыслью, что мусульмане больше не могут считать себя непобедимыми. Во-вторых, хотя Анбасу вообще уважали и никто не завидовал его повышению, отрешение высокочтимого Абд ар-Рахмана войско приняло дурно. Наконец, вследствие мусульманского поражения при Тулузе готы снова поднялись во многих частях Септимании, чтобы вновь заявить о своей независимости от мусульманской власти. Самое большее, что могли мусульмане, — удерживать Нарбонну и карать тех мятежников, которые заходили слишком далеко.

Затем начались беспорядки в северной области Испании. Наущаемые священниками и вождями, многие местные жители воспользовались затруднением мусульман в Септимании и отказали мусульманской власти в своих округах. То был отголосок Тулузы, и он тёмной тучей висел над северным горизонтом.

Несколько месяцев Анбаса занимался делами управления и устройством границ. После недавних неудач войско было не в лучшем виде. Анбаса заключил, что бросать его в военные предприятия было бы ошибкой, пока оно снова не достигнет вершины боеспособности и рвения. И он сосредоточился на том, чтобы заново устроить гражданское управление и войско, поднять дух солдат и готовиться к следующему походу. Это было нетрудно. Люди верили в священную войну, верили в её заслугу. Им нужен был лишь полководец, который повёл бы их на франков; и полководцы были, не менее воинов одушевлённые духом ислама. Анбаса выждал более года, прежде чем выступить в поход.

Главные очаги мятежа в северной Испании были Кантабрийские горы и область к югу от реки Эбро: Тудела и Тарасона. Восстание в первом из этих мест, то есть в Кантабрии, под человеком по имени Пелайо, должно было иметь далёкие последствия, и о нём особо сказано в следующей главе. Другой край, среднее течение Эбро, Анбаса взялся усмирять первым, когда

почувствовал, что войско снова в должном порядке. Для начала он употребит его против сравнительно более лёгкого врага — разрозненных мятежников Испании, — а затем перейдёт к более трудному делу, к вторжению во Францию. То был очень разумный образ действий: идти от более лёгкого к более трудному.

В 105 г. х. Анбаса выступил из Кордовы против христианских мятежников в области Эбро. Сборным местом была Тарасона, и здесь он ударил крепко, чтобы подавить мятеж и вернуть мятежников к покорности. Действия его увенчались полным успехом. Он покорил край, разрушил каждый замок, где поднимали знамя мятежа, и покарал предводителей. Чтобы отбить у местных жителей охоту к новым безрассудным предприятиям, он увеличил подати с городов и сёл, участвовавших в мятеже. Отныне всякий город, взятый вторично, то есть после мятежа, будет платить двойную подать. Анбаса завершил эти действия к концу года, и надолго в этом краю воцарилось спокойствие.

В начале 724 года (середина 106 г. х.) Анбаса с большим войском перешёл восточную оконечность Пиренеев, чтобы вести священную войну против неверных. Он дошёл до Нарбонны, уже бывшей в руках мусульман, и отсюда начал первые действия: набеги, в которых колоннам предоставлено было свободно проходить по соседним округам Септимании. Его люди налетали на города и сёла, иные жгли, иные грабили. Мы знаем, что Анбасе это было не по душе, что он не одобрял лишних тягот для людей, на чьей земле шла война, но ему приходилось с этим мириться: войско хотело добычи и рвалось в священную войну, чтобы её добыть. К тому же набеги эти были направлены против общин, которые отказались от покорности мусульманам, и они немало значили для того, чтобы вновь утвердить превосходство мусульман над противниками и создать должное расположение умов.

Когда набеги шли уже некоторое время, Анбаса собрал силы и двинулся на Каркассон. Он обложил город, и вскоре после начала осады защитники сдались мусульманам по договору, который оставлял их в покое в обмен на уплату обычных податей, освобождение мусульманских пленников, державшихся в городе со времени Тулузы, и возвращение всей добычи, отнятой у мусульман после Тулузы и всё ещё лежавшей в Каркассоне. Анбаса остерегся какого-либо угрожающего движения к Тулузе, где хитрый герцог наблюдал и выжидал.

Имея в руках Нарбонну и Каркассон, Анбаса двинулся теперь на северо-восток. Быстрым ударом он взял города Безье и Ним и все города между ними; каждый сдался без сопротивления. Со взятием округа Нима мусульмане впервые вышли к реке Роне.⁹

Здесь Анбаса остановился, чтобы устроить своё завоевание. Вестготские жители области покорились миром и вернулись к покорности мусульманам, от которой отпали после битвы при Тулузе. Они согласились платить подати и подушную джизью и в залог доброго поведения дали заложников, которых для верности отослали в Барселону. Вся Септимания была теперь взята. Мусульмане вышли к Роне, и 724 год завершился успехом.

Зима прошла, и с приближением весны 725 года (конец 106 — начало 107 г. х.) Анбаса был готов к следующему делу. То должен был быть набег огромного размаха. Выступив из Нима, он пошёл вверх по Роне и вступил в сердце Бургундии, королевства бургундов и франков под властью франкской династии. Мусульмане взяли Вьенн и Лион. Из Лиона они пошли вверх по берегу Соны и разграбили Макон и Отён; последнее произошло 21 августа.

До сих пор войско действовало более или менее единой силой под руководством Анбасы. После Отёна оно разделилось на несколько колонн, которые прошли край к северу от Бургундии; мусульманские конные отряды дошли до Дижона и даже до Люксёя у подножия Вогезов. Другая сильная колонна пошла на запад, к Неверу на Луаре, а ещё одна ударила на Санс, в 60 милях к юго-востоку от Парижа.

В большинстве этих набегов франки и бургунды почти не оказывали сопротивления. Куда ни проезжала мусульманская конница, местные жители складывали оружие и просили мира, и мир им так же охотно давали. Мусульмане довольствовались тем, что собирали сокровища церквей и монастырей, и добычи было так много, что брали лишь казну, оружие и коней, оставляя прочие ценные вещи, которые подобрали бы в земле победнее. Было и некоторое разорение монастырей, особенно в Лионе, Отёне и Люксёе.

Всё это время герцог Эд наблюдал из Тулузы, не тревожась мусульманскими набегами, потому что то была не его земля. Карл Мартелл, правив-

ший в Париже и вскоре представленный читателю, был занят войной с дикими саксами, алеманнами и тюрингами, не давая им перейти реку Рону против его франков. Острое соперничество двух франкских государей, Эда и Карла, мешало им согласовать усилия против опасности, исходившей от новой мусульманской силы в Испании. Так что не нашлось никого значительного, кто противостоял бы мусульманам. Они взяли всё, что хотели, и овладели всей землёй, которую обзрели.

Лето кончилось. Настала осень. Анбаса снова собрал силы и пошёл назад. То был набег исполинского размаха, а не завоевательный поход. На этой ступени мусульмане не намеревались утверждать свою власть ни над какой частью Франции, кроме Септимании, которую считали своей. Это завоевание им предстояло удержать, и его устроили как область ислама. И войско вернулось в Септиманию.

На обратном пути произошла стычка с какими-то франками. Где это случилось, мы не знаем, но Анбаса участвовал в ней лично и бился с обычным своим мужеством. В этой стычке он был тяжело ранен и вскоре умер от ран. Случилось это в декабре 725 года (шаабан 107 г. х.). Анбаса был вторым мусульманским главнокомандующим, принявшим во Франции мученическую смерть.

Перед смертью Анбаса назвал своим преемником Узру ибн Абдуллаха ал-Фихри, и Узра отвёл войско в Нарбонну, а затем обратно в Испанию.¹⁰

9. Есть одно сообщение (Арслан, с. 72), будто мусульмане взяли также Арль в устье Роны, но это неверно. Арль стоит на восточном берегу реки, а Рону мусульмане нигде не переходили — во всяком случае, не в этом походе.

10. Его имя передают и как Урва.

ГЛАВА 2

Человек по имени Пелайо

События, о которых теперь пойдёт речь, произошли раньше событий предыдущей главы. Они предшествуют даже действиям Анбасы на реке Эбро, но помещены здесь, чтобы не разрывать связного рассказа о действиях во Франции. Поскольку эти события — веха в отвоевании Испании христианами, здесь они взяты целиком, отдельно от действий во Франции и на Эбро.

Ни один писатель не возьмётся изложить эти события — точнее, эпизод Пелайо и Ковадонги — без серьёзных сомнений в их исторической достоверности. Крайне односторонние известия, какими мы располагаем, простираются от пожатия плечами мусульманских историков до великой романтической эпопеи, сочинённой испанскими, — со всевозможными чудесами. Ранняя испанская история отвоевания — такая смесь факта и вымысла, истории и предания, нерасторжимо сплётённых, что отделить одно от другого и дать рассказ о событиях, приемлемый для всех, чрезвычайно трудно. Нигде нет такой путаницы, как в деле Ковадонги. Для исследователя этот эпизод — кошмар, от которого, однако, не уйти.

Завоевание Испании Муса и Тарик завершили летом 714 года. Последнее организованное сопротивление христиан было сломлено при Санта-Мария-де-Луго,¹ в 5 милях к северу от Овьедо. Беглецов этого боя, укрывшихся в Пиках Европы (высокой и труднодоступной части Астурийских гор), преследовали и вылавливали мусульманские разъезды; вернувшись, они донесли, что всё чисто и что жалкие люди, если кто и уцелел в холодных неприступных горах, никакого значения не имеют. Завоевание Испании было завершено, когда в сентябре 714 года Муса и Тарик по повелению халифа двинулись в Дамаск.

После только что упомянутой битвы при Луго Тарик вышел к кантабрийскому берегу и стал первым мусульманским правителем Хихона. Когда Мусу и Тарика отозвали в Сирию, Муса оставил в Хихоне берберского мусульманского военачальника по имени Мунуса и поручил ему весь север

1. Ныне Луго-де-Льянера.

страны, особенно область Астурию. Мунуса был христианином в Магрибе, принял ислам незадолго до вторжения Тарика и сражался под его началом во время завоевания Испании. О его конце, пришедшем в должный срок, сказано в следующей главе. Это был блестящий предводитель, храбрый воин, человек хитрый и бессовестный, и притом очень некрасивый, с ненормальным пристрастием к красивым женщинам. Он был первым мусульманским военачальником, которому довелось иметь дело с человеком по имени Пелайо.

Пелайо был знатным вестготом, сыном герцога Фафилы, хотя неизвестно, какого места тот был герцогом.² Герцог состоял при дворе короля Эгики (687–701). При преемнике Эгики, Витице, предпоследнем короле готской Испании, Пелайо был пажом, а затем королевским дружинником, но навлёк на себя королевский гнев и был изгнан из Толедо. После смерти Витицы он, вероятно, примкнул к стороне Родерика, последнего вестготского короля Испании, и, вероятно, сражался в битве при Барбате, которая открыла мусульманам двери Испании. Рассказ о Пелайо полон этих «вероятно».

По мере мусульманского завоевания Пелайо и другие готы продолжали отходить на север, и шаг их ускоряли наступавшие конные отряды Тарика и Мусы. После последней битвы при Луго, в которой он мог участвовать, а мог и не участвовать, Пелайо прибыл в Хихон на северном берегу Испании. Дальше отступать было некуда; и когда мусульмане утверждали свою власть в стране, обещая христианам мир и безопасность в обмен на покорность и уплату джизьи, Пелайо осел в Хихоне с прекрасной сестрой, на которую пал взгляд Мунусы, мусульманского правителя Астурии. В эту пору у Пелайо, по-видимому, были хорошие отношения с правителем.

В 717 году Мунуса отослал Пелайо заложником в Кордову, чтобы обеспечить спокойное поведение готов и прочих христиан, живших в Астурии. Испанские источники, однако, утверждают, что он сделал это затем, чтобы очистить поле для любовного приключения с сестрой этого человека.³ Едва Пелайо покинул Хихон, Мунуса женился на девушке. Ничего необыкновен-

2. Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия», с. 120. Даже то, что он был готом, сомнительно (Леви-Провансаль, т. 4, с. 386) и зависит от шатких свидетельств ненадёжных ранних христианских источников вроде хроники. Родословие в том виде, в каком его передают эти источники, принимается.

3. Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия», с. 122.

ного в этом не было: множество знатных испанок уже вышли или ещё выйдут замуж за арабских и берберских начальников. Вдова короля Родерика, королева Агела, вышла за сына Мусы, Абд аль-Азиза, и жила с ним в Севилье до самого его убийства.

Позже в том же году Пелайо тайно ушёл из Кордовы и вернулся в Хихон. Он пришёл в ярость, узнав, что сестра выдана за мусульманского начальника. Он открыто объявил, что против этого союза, и, опасаясь за жизнь, бежал из Хихона, одновременно поднимая знамя мятежа против мусульманской власти. Побуждения его не сводились к оскорблённой семейной чести. Около этого времени мусульманский правитель Испании, аль-Хурр, готовил первый поход на Францию, куда отныне обратятся мусульманские силы. Пелайо счёл эту пору удобной, чтобы воспользоваться занятостью мусульман в другом месте и поднять восстание в Астурии.

Узнав о бегстве, Мунуса послал за Пелайо конный разъезд. Мусульмане едва не схватили его при Бресе,⁴ но беглец прослышал об их приближении и ушёл, а мусульманские всадники гнались за ним по пятам. Он вышел к реке Пилонье, где, как нам рассказывают, ушёл от рук преследователей, переплыв реку на коне, тогда как им пришлось остановиться на берегу.⁵ Это странно: Пилонья — мелкая горная речка, которую перейдёт вброд и ребёнок, и едва ли найдётся место, достаточно глубокое, чтобы конь мог плыть. Как бы то ни было, Пелайо ушёл и не останавливался, пока не достиг Кангас-де-Ониса, небольшого селения на реке Селье, в одной из нижних долин на северных склонах Пиков Европы. Кангас-де-Онис лежит примерно в 30 милях к востоку от Хихона.

Затем Пелайо послал весть местным жителям Астурии, то есть коренным астурийцам, звать их вместе противостоять мусульманским завоевателям. Он корил их за то, что они не продолжили бой и так скоро склонились перед чужеземным завоевателем, и звал готовиться к войне мщения, которая изгонит мусульман из страны. Астурийцы были неиспорченным и не романизованным горным народом; они охотно откликнулись на его призыв и во множестве сходились к новому поборнику христианства. Они уверили его, что будут биться за свою свободу и за землю, которая ещё оставалась в их руках.

4. Вероятно, Санта-Крус-де-Брес (Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия»).

5. Пидаль, т. 6, с. 23.

В самом конце 718 года в Кангас-де-Онисе было общее собрание, и народ избрал Пелайо своим предводителем. По-видимому, это было собрание прежде всего астурийцев, и избирали астурийцы, а не готские беглецы, хотя кое-кто из последних, несомненно, присутствовал и позднее составил ядро войска Пелайо. Кроме того, они избрали Пелайо каудильо, то есть вождём, а не новым королём на место покойного короля Родерика,⁶ хотя испанская история кое-где именует его королём — первым королём Астурии. С избранием каудильо началось поприще Пелайо как отца отвоевания. Путь Пелайо начался.

Теперь мы подходим к битве при Ковадонге — столкновению, которое невозможно описать сколько-нибудь точно. Из-за недостоверных и преувеличенных рассказов никто не может изложить ход этой битвы так, как изложил бы военный историк, — с подробностями передвижений, действий и исхода. Возможно, это и не было битвой в собственном смысле; вероятно, и не было. К тому же район действий так извилист — крутая, тесная, гористая местность, — что читателю нельзя предложить карт, которые помогли бы понять ход дела.⁷ Дальше автор попытается изложить события так, чтобы в них был смысл и чтобы влияние спеси и пристрастия было сведено к минимуму. Прежде чем рассказывать, уместно, однако, показать читателю образцы крайних и противоречивых известий мусульман и христиан о том, что, несомненно, было мусульманской неудачей. Затем мы перейдём к здравому, возможному и вероятному рассказу о самом деле.

Мусульманские историки не признают этого поражением, сколь бы малым оно ни было. Эпизод они почти обошли молчанием. Всё, что мы от них знаем, таково: поднялся «злой неверный» и стал мутить христиан в Галисии; мусульманские силы выбили мятежников отовсюду, где те поднимались, и вновь покоряли Галисию, пока Пелайо не загнали в горы, где он укрылся с 300 приверженцами; мусульмане продолжали теснить и убивать мятежников, многие умирали от голода, пока не осталось 30 мужчин и 10 женщин, а остальные погибли или снова покорились мусульманской власти; эти немногие несчастные едва держались мёдом, который доставали из расщелин пещеры, дававшей им приют; из-за суровой местности и трудности

6. Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия», с. 135–136.

7. Недостатка в стратегах-любителях нет: они выдумывают и подробно описывают ход битвы, который едва ли покажется убедительным военному уму.

покончить с беглецами мусульмане устали от этого дела и ушли, сказав с презрением: «Тридцать диких ослов! Какой от них вред?»⁸ Пелайо уцелел.

Испанские рассказы, основанные на очень ранних христианских источниках, главным образом на «Хронике Альфонсо III», составленной в конце IX века, дают баснословное описание дела.⁹ Нам говорят, что мусульманское войско насчитывало 187 000 человек под началом Алькамы, одного из лучших мусульманских полководцев того времени; что там же, с мусульманами, был Оппа, брат покойного короля Витицы и митрополит Севильи, чтобы уговорить Пелайо покориться; что мусульмане били катапультами по пещере, где укрылся Пелайо; что камни, пущенные этими машинами, отскакивали от пещеры и убивали самих арабов, а копья ранили их единоверцев; что в последовавшей христианской контратаке было убито 125 000 арабов, остальные бежали с места боя, но не ушли от мщения Господня; что, когда они переходили вершину горы у реки Девы, гора оторвалась от своего основания, низринула арабов в реку и раздавила всех 63 000.

Отвергая обе крайности в передаче событий, перейдём теперь к более вероятному ходу дела — логическому восстановлению по всем доступным известиям, допуская возможность ошибки, но не обременяя рассказ примечаниями и пояснениями.

Случилось это летом 722 года (в начале 104 г. х.), во времена Анбасы ибн Сухайма и до его завоевания Септимании и Бургундии.¹⁰ Пелайо был в Кангас-де-Онисе. Свежие астурийские новобранцы, подстрекаемые новым христианским вождём, принялись налетать на мусульманские посты в округе и вообще старались сеять тревогу и уныние. Для отсталого горного народа, притом смелого и свободолюбивого, такая роль была естественна. Мятеж, хотя и ограниченный по виду, по-видимому, мало-помалу распространялся по Астурии.

Мусульмане не собирались оставлять безнаказанными выходы мятежников. По приказу из Кордовы Мунуса вышел из Хихона действовать против мятежников всеми силами, какие у него были. Больше нескольких тысяч человек у него быть не могло, и уж во всяком случае не войско в десятки

8. Маккари, т. 3, с. 17; Ибн Изари, т. 2, с. 29; «Ахбар маджмуа», с. 28.

9. Пидаль, т. 6, с. 26–28; Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия», с. 75 и след.

10. Так у Маккари (т. 3, с. 17). По Ибн Изари (т. 2, с. 29) и «Ахбар маджмуа» (с. 28), это произошло на двенадцать лет позже, во времена Укбы ибн Хаджаджа. Первую дату обычно принимают испанские учёные и автор этой книги, хотя и не исключено, что верна другая.

тысяч: войска нужны были для большого наступления во Франции и для поддержания спокойствия в других частях Септимании. Итак, Мунуса с теми силами, какие у него нашлись, и при помощи подчинённого военачальника по имени Алькама ударил по мятежным силам и обратил их в бегство. Каждый город и каждая деревня Астурии (мусульманские историки называли этот край Галисией) были твёрдо возвращены под мусульманскую власть, и большинство участников восстания рады были сложить оружие и вернуться к мирной жизни, в том числе к уплате податей мусульманам.

Пелайо, чьи партизаны сильно поредели, отступил. В его отряде были и коренные астурийцы, и готские беглецы. Он ушёл в верхние Астурийские горы, известные как Пики Европы, примерно в 40 милях к юго-востоку от Хихона, — часть Кантабрийского хребта. Пики Европы, пространство примерно в 25 миль на 15, — массив высоких скалистых гор с крутыми обрывистыми склонами, узкими теснинами, снежными вершинами, извилистыми долинами и быстрыми горными речками. Местность грозная: отличная для партизан, которые норовят досадить, и кошмар для регулярного войска. Это великая твердыня, созданная природой как почти неприступная крепость.

В эту горную крепость и отступил Пелайо. Следом шли мусульмане, по-прежнему нанося мятежникам тяжёлый урон. Всё больше их сдавалось и возвращалось к прежней покорности мусульманскому государству, пока с Пелайо не осталось лишь 300 человек. С этим малым отрядом он взойшёл на заметный холм — гору Аусеву; у её восточного подножия лежала узкая долина, и по ней бежал небольшой ручей.

Здесь Мунуса придержал погоню: он не хотел вводить главные силы в трудную холмистую местность и не считал это нужным против разбитых остатков мятежников Пелайо. Он послал полк под началом Алькамы с приказом взять Пелайо (невольного шурина правителя) живым или мёртвым. Этот полк перебил многих беглецов на горе Аусеве и согнал их по восточному склону на дно долины. С Пелайо оставалось теперь 30 мужчин и 10 женщин.

По этой узкой долине тёк поток, называемый рекой Энной (ныне Рио-де-Ковадонга); долину стискивали высокие горы, иссечённые гребнями и отрогами. То была идеальная страна для засады и внезапного удара партизан: природа давала им всё для укрытия и маскировки. Не было простора для манёвра и даже места, чтобы развернуть крупный отряд войск в одной

точке. (Автор этих строк, побывав на месте и осмотрев поле столкновения, не мог вообразить в деле более нескольких сотен человек, да и тем было бы тесно.)

Над дном этой долины, там, где склон горы Аусевы почти отвесен, в скальной стене обрыва стоит пещера. Её устье — в 100 футах над дном долины, и добраться до него можно лишь с великим трудом. Пелайо и верные его люди, доведённые до отчаяния, бежали с вершины горы, а воины Алькамы — по пятам, и укрылись в этой пещере. Это был их последний ход: они попались, как крысы в норе, из которой нет выхода. От нападения они были укрыты, но выйти не могли. Пещера эта была известна как Куэва-де-Санта-Мария — имя, вероятно, данное после события и из-за события, — а ныне зовётся Ковадонга, что значит «Пещера нашей Госпожи». Речь идёт о Деве Марии.

Алькама спустился с горы и встал перед пещерой. Устье пещеры нельзя было взять приступом: подход был обрывист. Дело требовало искусства скалолаза, почти что восхождения по скальной стене. Мусульмане так же не могли атаковать пещеру и взять её, как христиане — выйти из неё. И мусульмане стали держать осаду, а христиане затянули пояса. Еды у них не осталось; они жили теперь мёдом, который соскребали из расщелин в скальных стенах и потолке пещеры. Надолго его не могло хватить. Терпеливо христиане ждали смерти — или чуда.

Затем чудо произошло, хотя и невзрачное. У мусульман лопнуло терпение. Дело было трудное, и, как они это видели, хребет мятежу они уже сложили. Местность делала дальнейшие действия очень трудными, если не невозможными. Они могли застрять надолго, стеречь 30 голодающих несчастных, которые не желали выходить из пещеры, тогда как мусульмане не могли войти в неё и покончить с ними.

Хватит, подумал Алькама. Он находил себе занятие лучше, чем день за днём, даже неделю за неделей сидеть в этой глуши. «Тридцать диких ослов! — сказали мусульмане. — Какой от них вред?»¹¹ С этими словами они оставили окрестность пещеры. Алькама бросил последний презрительный взгляд на устье пещеры. Быть может, он видел измождённое лицо Пелайо, который, не веря глазам, смотрел на чудо: его осаждавшие уходили. И мусульмане ушли — прямо в пасть засады.

11. Маккари, т. 3, с. 17; «Ахбар маджмуа», с. 28.

То были астурийские горцы, сидевшие в засаде. Неизвестно, сколько их было и где именно они стояли. Едва ли то была военная хитрость Пелайо: сила этого гота была в мужестве и твёрдости нрава, а не в полководческом искусстве. Ни один полководец, достойный этого имени, не вошёл бы по своей воле в пещеру, где враг запрёт его и где через несколько дней он умрёт от голода. Этот сбор астурийцев был движением стихийным. Как все горные люди, они знали полевое ремесло: знали, как использовать местность, как быстро по ней двигаться и как становиться невидимыми среди кустов и валунов, рассыпанных по скалистым склонам. Быть может, верность делу свободы, быть может, жажда мести за товарищей, убитых в недавних делах, быть может, надежда на добычу, быть может, все эти побуждения вместе и привели к засаде на мусульман, когда те вереницей уходили от Ковадонги узкой долиной.

Астурийцы обрушились на мусульман в самом неожиданном месте и в самый неожиданный час. Незадолго перед тем мусульмане были победителями в долине, а христиане жались перед ними; теперь на них с фланга и с тыла кинулись толпы орущих варваров, многие — в звериных шкурах. Отряд охватила паника. Алькама встретил засаду храбро, но был убит и упал с коня. Остальные мусульмане дрогнули и бежали, куда вёл инстинкт, и при этом несли ещё большие потери от твёрдо ступавших астурийцев. Удар был жесток. Большая часть полка всё же сумела вырваться из засады и спастись, добравшись до реки Сельи, в нескольких милях от Ковадонги, где снова была в безопасности. Уцелевшие из полка Алькамы донесли своему военачальнику.

Дурная весть глубоко огорчила Мунусу. То была первая неудача мусульман в этом краю и одна из очень немногих за всю войну завоевания. Причиной был не Пелайо, полумёртвый сидевший в своей пещере, а выносливые горцы, с которыми в их горах биться было куда труднее, чем с вестготами на открытой местности. Не из страха перед Пелайо, а из нежелания связываться с дикими астурийцами в столь же дикой их стране мусульмане решили очистить эту землю. Мунуса вывел войска из Пиков Европы на запад от реки Сельи, протекавшей мимо Кангас-де-Ониса — прежней и будущей ставки Пелайо. Правитель довольствовался тем, что наблюдал за движениями христиан с западного берега этой реки, но дальнейших движений не было, пока жив был Мунуса.

С военной точки зрения это было незначительное дело — ряд действий против партизан, завершившийся засадой. Битвы не было, и потери мусульман были невелики, во всяком случае меньше того урона, какой они нанесли христианам за всю операцию. Возможно, поэтому мусульмане не обратили внимания на дело Ковадонги и сочли его не более чем булавочным уколом, хотя мусульманский правитель Астурии смотрел на него серьезнее. Трудно вообразить, чтобы такой боевой полководец, как Анбаса, завоеватель Септимании и Бургундии, не принял вызова Пелайо, в котором увидел бы выскочку, и не выступил с силой, достаточной, чтобы раздавить мятежников Астурии.

С психологической точки зрения, как это видели местные христиане, то была громадная победа. Впервые они провели успешное дело против мусульман: те дрогнули и бежали под ударом засады, оставив своих мёртвых на месте боя. Астурийцы стали отцами отвоевания (звание, на которое они и поныне с гордостью притязают в Хихоне и Овьедо), а готы словно очнулись от дурного сна сплошных поражений. Суеверные увидели в Ковадонге вмешательство сверхъестественных сил: сама Дева Мария пришла в пещеру спасти верных своих. Христианам предстояло теперь мало-помалу подняться из того поверженного состояния, в каком оставило их мусульманское завоевание, заново собраться, переустроить войско, отстроить церкви, восстановить свои обычаи и вновь утвердить власть над землями, прилегающими к Пикам Европы.

Для Пелайо это было испытание мужества, и он выдержал его с честью. Он бился с отвагой и упорством и не оставлял борьбы даже перед бесславной смертью от голода — лишь бы не сдаться целиком врагу, которого ненавидел.

ГЛАВА 3

Абд ар-Рахман и франки

Оказал себя достойным вождём, вполне заслужившим хвалы, какими осыпали его испанские историки. После Ковадонги он перешёл в Кангас-де-Онис и сделал его столицей своего маленького государства, королевства ещё в зародыше. Здесь к нему присоединялось всё больше христиан — патрициев, беглецов, недовольных, идеалистов, искателей удачи и людей глухого края, готовых идти за новообретённым вождём в борьбе против захватчиков их земли. Из скромных начал Кангас-де-Ониса предстояло подняться новому христианскому королевству, первому со времени мусульманского завоевания Испании.

Много веков спустя испанский мусульманский историк Ибн Саид сокрушался: «Презрение, которое мусульмане выказали пещере и людям, укрывшимся в ней, привело к тому, что потомки этих самых людей завоевали наши великие города, так что ныне даже прекрасный город Кордова в их руках».¹

Салические франки жили по берегам Рейна, там, где река впадает в воды Северного моря. Они были одним из германских варварских народов. Во второй половине IV века н. э. они двинулись на юго-запад и основали несколько мелких королевств, или вожеств. Из них важнее прочих было королевство Турне (Суассон), которым правил Хильдерик.

Сын его Хлодвиг (482–511) пустился в завоевания и расширил королевство, подчинив большую часть Галлии, как тогда называлась Франция. Он одолел германские племена к востоку от Рейна, разбил вестготов в Аквитании и покончил с остатками римской власти в Галлии. Ещё недавно всего лишь могущественный варварский вождь, к началу VI века Хлодвиг утвердился королём большей части Франции, кроме Бургундии, которую поколение спустя возьмёт его сын. Новым королевством он правил из Парижа и заложил основания трёх столетий франкского имперского владычества над Западной Европой. Хлодвиг также стал римским католиком. Династию, им

1. Маккари, т. 3, с. 17.

начатую, назвали Меровингами, по деду его Меровею, первому великому вождю салических франков.

Сто лет спустя, в первой половине VII века, королевство распалось на несколько княжеств, а потомки Хлодвига превратились в ленивых, неспособных королей лишь по имени. Власть перешла в руки майордома, или старшего по дворцу. Он же был начальником войска и соединял в своём лице должность первого министра и главнокомандующего. Королю отводили загородный дворец, откуда он раз в год выходил председательствовать на ежегодном собрании франков.

Когда майордомом стал Пипин II (679–714), он принялся восстанавливать королевство. Он разбил всех мятежников и всех соискателей власти и вернул в королевство прежние составные части Галлии, в том числе Аквитанию и Бургундию. Пипин правил всем королевством. Перед смертью, в 714 году, он бросил незаконного сына Карла в темницу по обвинению в убийстве своего законного сына Гримоальда.

По смерти Пипина королевство вновь распалось, и варвары-враги снова подняли голову. Герцог Аквитании Эд (Одон) объявил о своей независимости, как и правители большинства прочих княжеств. В смуте, наступившей после смерти отца, Карл бежал из темницы и вскоре утвердился господином Парижа. Это был Карл Мартелл, человек, которому предстояло большую часть жизни провести в походах против врагов и в подавлении мятежей. Путь его будет связан, хотя и не к добру, с герцогом Эдом, правителем Аквитании и потомком Хлодвига.

Аквитания объявила себя независимой в 672 году, ещё до того, как Пипин II стал майордомом. Но затем явился Пипин, сломил её сопротивление и снова включил её в королевство. Теперь же, едва тело Пипина остыло в могиле, Эд отрёкся от верности Парижу и встал заодно с нейстрийцами, своими северными соседями, против центральной власти Парижа. На этот раз силу мятежников сломил Карл. В 719 году он разбил Эда и нейстрийцев в битве близ Суассона. Эда привели к покорности, но в Аквитанию Карл не вступил, главным образом потому, что ему пришлось спешить на северо-восток бить диких швабов, тюрингцев и алеманнов, которые на деле были ничуть не большими варварами, чем сами франки. В 725 году Карл воевал на Дунае, когда Анбаса поднялся по Роне.

Отношения Карла и Эда по-прежнему были отравлены враждой и недоверием. Карл подозревал, что Эд при первом случае объявит себя вполне

независимым от франкского королевства (и он был прав). Эд боялся, что Карл вторгнется в Аквитанию, едва освободится от напора варваров (и он тоже был прав). Обоих теснили с двух сторон враги и возможные враги: Карла — варвары на северо-востоке и Эд на юго-западе, Эда — Карл на северо-востоке и мусульмане на юге. К тому же Карл и Эд были двумя самыми могущественными государями франков, и это прибавляло к их отношениям острое соперничество.

Чтобы справиться с шатким положением, в каком он оказался, Эд решил на приём классической дипломатии: обезвредить одного врага мирным договором, а силы и старания обратить на другого. Он обратился к мусульманам за миром, и тем мусульманином, к кому он обратился, был Мунуса.

Мунуса был христианином из берберского племени Гаммара, жившего в округе Танжера, в Магрибе. Незадолго до мусульманского вторжения в Испанию он принял ислам, участвовал в завоевании под началом Тарика ибн Зияда и показал себя отличным предводителем людей. Он был храбр, силен и дерзок. В бою он был одним из самых удачливых полководцев Тарика, и жестокая жилка в его нраве несколько не мешала воинскому делу. После завоевания Астурии он сурово обходился с христианами и, по христианским известиям, однажды сжёг священника живьём.²

Некогда правитель Астурии, в годы после походов Анбасы в Септимианию и Бургундию (725) и прежде чем Абд ар-Рахман начал свой поход против франков, о котором скоро будет рассказано, Мунуса стал командующим на границе Пиренеев. Ставка его была в Ливии, крепком укрепленном городе в области Сердань. Мусульманские историки звали его Мадинат-уль-Баб, по «Ла Сюдад де ла Пуэрта», и ныне его отождествляют с Пучсердой, немного к востоку от Андорры.³ Из этой горной крепости Мунуса наблюдал за границей и время от времени ходил в набеги на Аквитанию, не входя в серьезное соприкосновение с силами Эда. Так он был известен герцогу, который, возможно, кое-что знал и о его нраве.

Эд вступил с Мунусой в переговоры. Где и когда они встретились, неизвестно. Герцог хотел перемирия с мусульманами, чтобы те не ходили в набеги на Аквитанию и не вели военных действий, вредных его земле. Он

2. Пидаль, т. 6, с. 415.

3. Конде, т. 1, с. 107.

знал, что мусульманам такое перемирие невыгодно: взамен за то, что они приостановят набеги, ему нечего было им предложить. В побуждение он предложил Мунусе в жёны свою дочь. То была Лампегия, девушка редкостной прелести, славная красотой по всей земле.⁴

Предложение оказалось для Мунусы неотразимым. Желание обладать девушкой победило всякое сомнение, какое у него могло быть насчёт договора с неверным государем без власти и дозволения правителя Испании, тем более что договор этот явно шёл против интересов мусульман. Он принял предложение герцога и подписал перемирие, получив взамен одну из прекраснейших молодых женщин своего времени. Она была набожной христианкой, но для Эда политические и военные интересы стояли выше религиозных сомнений. Так Мунуса, один из самых безобразных людей своего времени, привёз прекрасную юную невесту к себе в дом в Сердань. Дата этого события не записана, но приходится на 731 год.⁵ Это и погубит Мунусу, но мы ещё вернёмся к нему.

По смерти Анбасы ибн Сухайма в земле франков в конце 725 года командование принял Узра ибн Абдуллах ал-Фихри,⁶ как правитель и начальник войска, и привёл экспедиционное войско назад в Испанию, оставив гарнизоны в удобных местах Септимании. В следующие три года мусульмане не вели во Франции действий, кроме малых набегов, вроде тех, что предпринимал Мунуса. Узра правил лишь два месяца, и за ним шло несколько правителей, из которых ни один не ходил во Францию. Эти правители, ради исторической справки, были таковы: Яхья ибн Салама — март 726 г. (шавваль 107 г. х.); Хузайфа ибн аль-Ахвас — июнь 728 г. (раби аль-авваль 110 г. х.); Усман ибн Аби Ниса — ноябрь 728 г. (шаабан 110 г. х.);⁷ аль-Хайсам ибн

4. Некоторые историки называют её Нумеранс и Минина, другие же утверждают, что так звали сестёр Лампегии.

5. Иные говорят, что Мунуса захватил девушку в набеге, но эти известия недостоверны. Маловероятно, чтобы он заключил договор, уже владея девушкой по праву завоевания, когда такой договор явно противоречил интересам мусульман и заключался им в ущерб. Из письма Абд ар-Рахмана к Мунусе, о котором будет рассказано ниже, ясно, что перемирие с Эдом было заключено уже после того, как Абд ар-Рахман стал правителем Испании.

6. Его имя передают и как Урва.

7. Некоторые писатели смешивают этого Усмана ибн Аби Ниса с Мунусой, говоря, что второе имя — испанское искажение «Аби Ниса» (Конде, т. 1, с. 103). Это неверно, хотя подобные искажения арабских имён и впрямь бывали часто. Усман ибн Аби Ниса был араб: его освободили от должности правителя, и он вернулся в Кайруан, где позже умер. Мунуса же был бербер и был убит в Испании, о чём вскоре будет рассказано.

Убайд — апрель 729 г. (мухаррам 111 г. х.); Мухаммад ибн Абдуллах — февраль 731 г. (зу-ль-хиджа 112 г. х.).

В апреле 731 года (сафар 113 г. х.) Абд ар-Рахман ибн Абдуллах ал-Гафики, один из уцелевших при Тулузе и временный правитель после гибели в той битве Самха ибн Малика, вновь выступил как правитель Испании.⁸ Он всё это время был там, но теперь на должность его назначил наместник Северной Африки. Назначение стало для мусульман в Испании источником ликования, а для христиан — облегчения.

Абд ар-Рахман был одним из лучших полководцев своего времени, одним из храбрейших бойцов, одним из самых благочестивых и самых прославленных воинов ислама. Любовь воинов к нему шла от отваги и отличных воинских качеств, подкреплённых, казалось, безграничной щедростью. Сверх того, мусульмане чтили его, потому что он был табиин, то есть последователь сподвижника Пророка (мир ему). Несколько лет юности он провёл в обществе Абдуллаха, сына халифа Умара, и передавал предания Пророка, слышанные им от Абдуллаха.⁹

Едва приняв должность, Абд ар-Рахман принялся выправлять управление страной, пострадавшее от равнодушия одних и неумения других из его предшественников. Он объезжал области, исправлял несправедливости и смещал продажных чиновников. Он был человек справедливый и милосердный и особое внимание уделял делам христиан, возвращая им многие церкви, несправедливо у них отнятые.¹⁰

Всё это было лишь подготовкой. Главной его целью было биться с франками, и желание это горело в его сердце тлеющим огнём: стяжать заслугу в священной войне и свести счёты с Эдом Тулузским. Он жил этой мечтой много лет, и теперь, как правитель и главнокомандующий, имел власть её исполнить.

Абд ар-Рахман принялся собирать войско и готовить большой поход во Францию. Он написал наместнику в Кайруан, прося подкреплений, и оговорил, чтобы присланы были лишь воины, проникнутые духом священной войны. Наместник призвал охотников, и из них выбрали только тех, кто отвечал ожиданиям Абд ар-Рахмана. Этот отряд, из арабов и берберов,

8. Некоторые историки относят его назначение на год раньше.

9. Маккари, т. 3, с. 1.

10. Арслан, с. 87; Конде, т. 1, с. 105.

отправили в Испанию. Абд ар-Рахман послал их в Памплону, чтобы они привыкли к пограничной жизни, а также потому, что Памплону он избрал местом сосредоточения войска перед выступлением во Францию. Большая часть 731 года ушла на эти приготовления. К концу года Абд ар-Рахман был готов выступить из Кордовы.

Но сперва нужно было испытать франков в Аквитании. Он пойдёт в их землю малыми силами и займёт Эда, пока не закончит сосредоточение. С этой целью он написал Мунусе, начальнику границы с Аквитанией, чтобы тот начал действия и тревожил врага набегам, пока сам он не придёт к границе с главными силами войска.

Приказ этот грянул для Мунусы как гром. Он надеялся оставаться в мире с северным франкским соседом и пользоваться новой невестой, обладание которой было частью этого мира. Нарушить перемирие с Эдом или даже предать его его нисколько не смущало: грубая натура была к подобному нечувствительна. Тревожила его любовь к Лампегии, которую он потеряет, если нарушит перемирие с её отцом и начнёт против него враждебные действия. Он был без памяти влюблён в девушку и ради этой любви готов был на всё, даже предать единоверцев. Поэтому он написал Абд ар-Рахману, что ходить в набег на Аквитанию не следует: он, как начальник границы, заключил с герцогом Эдом перемирие, которое такие набег исключает. Условия перемирия надлежало соблюдать.

Абд ар-Рахман уже знал о браке своего полководца с дочерью герцога и о том, что полководец глубоко влюблён во франкскую жену. В этом не было ничего дурного или необычного: множество арабских и берберских начальников брали в жёны христианок из знатных родов. Но о перемирии с Эдом он не знал и никак не ждал, что Мунуса из-за этого пойдёт против мусульманского правителя. Письмо Мунусы привело его в ярость. Он тотчас ответил, что перемирие с герцогом Эдом заключено без его ведома и дозволения и потому силы не имеет. Правитель снова велел Мунусе исполнить порученное.

Мунуса потерял надежду отговорить Абд ар-Рахмана от войны с франками. Сам он будет уклоняться от участия в ней как можно дольше, а может быть, и вовсе, но любовь к новой жене толкнула его на измену и вероломство. Возможно, свою роль сыграло и то, что он был бербер, а многие берберы таили злобу на арабов. Он написал тестю и сообщил ему о замыслах Абд ар-Рахмана против Аквитании и о той роли, какую ему самому велели

сыграть в этом деле и какую он отказался сыграть. Он велел герцогу быть настороже.

Вскоре Абд ар-Рахман проведал о переписке Мунусы с герцогом Аквитании. Положение Мунусы было ясно: набегов, приказанных главнокомандующим, он исполнять не станет. Ясно было и преступление: он совершил измену, сообщив неприятельскому полководцу военные замыслы своего начальника. Мунуса был изменник, и с ним поступят соответственно. Абд ар-Рахман избрал для этого дела начальника по имени Ибн Зайян, дал ему под начало отряд надлежащей численности и велел идти в Сердань и доставить Мунусу живым или мёртвым.

Мунуса ровно ничего не знал о подходе отряда правителя и, кажется, не ждал такой реакции из Кордовы. Первым знаком, что против него действуют, было прибытие Ибн Зайяна к Ливии. Мунусу застигли врасплох, и он не придумал ничего лучше, как выбраться из крепости, пока его не схватили. Наскоро собравшись, он выскользнул с малым конвоем воинов и бежал в горы. С собой он взял прекрасную невесту, причину всего этого, ради которой жертвовал и этим миром, и будущим. Отряд направился во Францию, где Мунуса думал искать убежища у тестя.

Далее была тесная погоня в Пиренейских горах, с вершины на вершину, от перевала к перевалу и «от камня к камню». Но конец был уже близок. Нам говорят, что из-за усталости пути и дневного зноя, щадя прекрасную спутницу, Мунуса отдыхал с нею у источника посреди зелёного цветущего луга, где большие скалы давали беглецам укрытие.¹¹ И вдруг, без предупреждения, на отряд напали воины Ибн Зайяна. Немногие, кто был с Мунусой, рассудили, что лучше бежать, и пустились наутёк, бросив господина и госпожу на произвол судьбы.

Здесь Мунуса дал свой последний бой, защищая себя и прекрасную принцессу. В отчаянии он обнажил меч, когда воины подступили. Храбрый и сильный, он бился «как лев»,¹² пока, пронзённый множеством копий и покрытый ранами, не пал мёртвым у ног нападавших.¹³ Это был бы трогательный

11. Конде, т. 1, с. 107.

12. Арслан, с. 89.

13. По одному известию (менее вероятному) его там не убили: он сам бросился с высокой скалы на дно пропасти, чтобы не попасть в руки преследователей (Пидаль, т. 6, с. 415; Конде, т. 1, с. 107).

тельный рассказ о любви и жертве и славный конец доблестного бойца, когда бы он не был виновен в измене и вероломстве.

Ему отрубили голову и привезли в Кордову вместе с Лампегией, и то и другое представили Абд ар-Рахману. Правитель был ошеломлён красотой девушки. Он сказал: «Клянусь Аллахом, я и не думал, что в Пиренейских горах водится такая дичь».¹⁴

Принцессу он отправил в Дамаск, где её выдали за сына халифа.¹⁵

Смерть Мунусы, трагическая, но заслуженная, пришлось на конец 731 года. Вскоре после этого Абд ар-Рахман начал двигать войско к Памплоне, в Наварре, которую избрал местом сосредоточения и откуда начнёт поход во Францию. Полагают, что это было крупнейшее мусульманское войско, какое когда-либо собирали для действий во Франции, войско арабов и берберов, но о его численности мы ничего не знаем.¹⁶ Это было войско всадников, сила целиком конная, созданная для быстрых действий, в которых тяжёлые франкские отряды были бы беспомощны. Это было войско летучих отрядов, скачущих эскадронов, партий всадников, опережавших весть о своём появлении: они разили и исчезали прежде, чем жертва успевала изгот-товиться к обороне или позвать на помощь.

Весной 732 года (начало 114 г. х.) Абд ар-Рахман перевёл войско через Пиренеи перевалом Ронсеваль (где полвека спустя потерпит крушение арьергард Карла Великого) и вышел на равнины Гаскони, к юго-западу от Аквитании. Цель Абд ар-Рахмана была тройкой: стяжать заслугу в священной войне, отомстить за мусульманское поражение при Тулузе, нанесённое руками Эда, и изъять сокровища Галлии на благо правоверных. С этими целями он рассыпал эскадроны широким фронтом, ради свободы движения и ради удобства собирать добычу, и двинулся на север, в направлении Бордо. Мусульманские всадники пронесли по Гаскони, почти не встретив сопротивления ни от гасконцев, ни от франков, ни от вестготов, ещё живших на этой некогда вестготской земле. Войско вышло на южный берег Гаронны, близ города Бордо, и нашло врага ожидающим его.¹⁷

Герцог Эд уже был предупреждён Мунусой о намерениях и планах Абд ар-Рахмана. Поэтому его не застигли врасплох. Он собрал немалое войско

14. Конде, т. 1, с. 108; Арслан, с. 89.

15. Амир Али, с. 147.

франков и готов и изготовился встретить Абд ар-Рахмана там, где тот изберёт место для ответного боя. Поскольку Абд ар-Рахман избрал направлением наступления Бордо, два войска сошлись немного южнее этого города, на левом берегу Гаронны, где Эд развернул войско, чтобы биться с пришельцами и спасти свой город.¹⁸ Эд разумно не дал втянуть себя в стычки и сосредоточил войско для большого сражения в месте, для него жизненно важном, то есть у Бордо. Мы не знаем наверное, пошёл ли Абд ар-Рахман к Бордо потому, что там был Эд, или Эд пошёл к Бордо потому, что туда шёл Абд ар-Рахман. Вероятнее второе: обычным местом Эда была бы его столица, Тулуза.

Этого мгновения Абд ар-Рахман ждал — отомстить за кровь правоверных, принявших мученичество при Тулузе, — и мусульмане бросились в бой с жадой возмездия. К несчастью, у нас нет подробностей того, что, должно быть, было прекрасным сражением. Мы знаем лишь, что Эд был жестоко разбит, что войско его изрубили и что мусульмане учинили такое опустошение, что хронист и священник VIII века Исидор Паценсис будет сетовать: одному Богу известно, сколько христиан полегло в той битве.¹⁹ Герцогу удалось уйти с частью войска, но одному выйти против мусульман в поле он уже не мог.

После битвы мусульмане подошли к городу и нашли ворота затворёнными. Они обложили город и несколько дней спустя взяли его приступом. Бордо теперь было их. Местное сопротивление сломили, и всех, кто сопротивлялся, предали мечу. Поскольку город был взят боем, а не на условиях

17. Автор отвергает мнение меньшинства историков, основанное на реконструкции французского востоковеда Кардонна, будто Абд ар-Рахман сперва прошёл вплоть до Роны в Восточной Франции, переправился через реку, осадил Арль, сразился с Эдом и лишь затем двинулся к Бордо в Западной Франции, где снова бился с Эдом и разбил его. Это не опирается на исторические свидетельства и не имеет военного смысла. В вопросе о том, откуда шли к Бордо, автор следует мнению большинства историков, в том числе Леви-Провансала, Хитти, Конде и Санчеса-Альборноса. Быть может, иные учёные смешали движение Абд ар-Рахмана с походами, которые позже вели другие, о чём рассказано в конце следующей главы.

16. Ранние франкские источники называют невозможную цифру в 400 000, а некоторые неназванные арабские источники определяют силы Абд ар-Рахмана в 70 000–80 000 — цифра всё ещё невозможная (Инан, т. 1, с. 97).

18. Некоторые писатели говорят, что Эд встретил мусульман дальше в глубине, на берегу Дордони, в месте в 10 милях к северо-востоку от города и недалеко от впадения этой реки в Гаронну. Это маловероятно: Эд стал бы биться впереди города, чтобы спасти его, а не после того, как город уже потерян и разграблен.

19. Санчес-Альборнос. «Мусульманская Испания», т. 1, с. 79; Инан, т. 1, с. 90.

сдачи, его разграбили, и в руки победителей попала большая добыча, в том числе клады золота, серебра и драгоценных камней.

Должно быть, именно в Бордо случился эпизод, который мусульманские историки приводят как пример веры и щедрости Абд ар-Рахмана, хотя место прямо не названо. Среди прочего победители добыли золотой идол, усыпанный жемчугом, рубинами и изумрудами. Возможно, то было изваяние Иисуса. Абд ар-Рахман велел его разбить и, отложив пятую часть стоймости в долю казны, роздал остальные четыре пятых воинам.

Это дошло до слуха мусульманского наместника Северной Африки, Убайды ибн Абд ар-Рахмана, и, по-видимому, очень его разгневало, хотя причина гнева неясна. Либо он полагал, что столь бесценный трофей не следовало разбивать, а надлежало отослать в дар в Дамаск, либо считал, что Абд ар-Рахман подверг себя и своих людей ненужной опасности, зайдя так глубоко в землю франков. Он написал полководцу резкое письмо с суровым выговором. Абд ар-Рахман, будучи благочестивым верующим, ответил: «Вот, если бы небеса и земля были сшиты, Аллах и тогда открыл бы выход богобоязненным».²⁰

Тем временем Эд отходил на север с остатками некогда победоносного войска. Это был человек ожесточённый. Отдав дочь в жёны мусульманскому полководцу в надежде приобрести дружбу мусульман и, возможно, их помощь против Карла, ненавистного соперника и возможного врага, он теперь оказался бит теми самыми мусульманами и выбит из лучших городов своего герцогства. Ему не оставалось ничего, кроме как проглотить гордость и со смирением обратиться к майордому Франции, в котором он теперь видел меньшее из двух зол.

Эд написал Карлу, как франк франку: «Что за позор постиг нас и будет смущать наше потомство? Мы слышали об арабах и боялись их прихода с востока. Теперь они пришли с запада, покорили землю Испании и одолели её великое войско и обильные средства малым числом и скудным снаряжением. У них даже нет лат!»

Карл к этому времени закончил действия против германских варваров северо-востока и устранил эту угрозу Франции. Теперь он был свободен заняться другими врагами, но на помощь Эду спешить не собирався. Ему было приятно видеть герцога униженным, а его области разорёнными

20. Ибн аль-Асир, т. 5, с. 64; Ибн Абд аль-Хакам, с. 216–217.

чужой рукой. Он даже надеялся, что мусульманам удастся схватить Эда и вовсе его устранить, так что он избавится от беспокойного соперника, не пошевелив и пальцем. Сверх того, он был достаточно мудр, чтобы видеть: чем больше добычи соберут мусульмане, тем сильнее она их обременит и тем уязвимее они станут, и вместе с тем тем менее они будут склонны продолжать движение вглубь Франции, то есть в землю самого Карла. А если добыча эта будет взята за счёт герцога Эда и Аквитании, а не за его собственный, тем лучше.

Он написал Эду: «По моему мнению, тебе не следует противиться их вторжению, ибо они как поток, который несёт всё, что встретит на пути. Они ныне на вершине успеха, когда решимость их стоит больше численности, а доблести их не нужна защита лат. Оставь их, пока руки их не наполнятся добычей и они не станут соперничать друг с другом и биться между собой. Тогда ты одолеешь их без труда».²¹

Пока шла эта переписка, Абд ар-Рахман перешёл Дордонь и двигался на север. Он снова разделил войско на несколько колонн, которые прошли по стране, разом ударяя по далеко отстоящим друг от друга местам и собирая ещё добычи. Воины были воодушевлены успехом. Это было победоносное войско, и оно желало лишь, чтобы несгибаемый полководец, на каждом шагу давший доказательство своей доблести и военного искусства, вёл его к новым завоеваниям.

Целью Абд ар-Рахмана теперь был Тур, город на южном берегу Луары, славный церковью святого Мартина. Святой Мартин был особым святым Галлии, а в церкви его, как верили, хранились сказочные сокровища, принесённые христианами как обетные дары. Овладеть этими богатствами было бы достойным завершением славного похода правоверных. Мусульмане дошли до Пуатье, в 60 милях к югу от Тура, и сожгли базилику за городом, завладев богатствами, хранившимися в церкви.

21. Маккари (т. 1, с. 274–275) передаёт это как обмен речами между Карлом и его приближёнными. Фуллер верно понимает это как переписку Карла и Эда.

ГЛАВА 4

Битва при Пуатье

Затем двинулись к Туру и водрузили свои знамёна под его стенами.

Вскоре они собирались начать приступ города и взять сокровище святого Мартина как военную добычу.

Именно в Туре, вскоре по прибытии, они получили неожиданную весть: «король Франции» идёт с севера с огромным войском христиан. Карл Мартелл был уже в пути.

Карл Мартелл не искал боя с мусульманами.хлопот у него и без того хватало с варварскими соседями — саксами, тюрингцами, алеманнами и другими, — дикими германскими племенами, подобными его собственным франкам, но ещё более отсталыми в политическом устройстве и лишёнными вождей. Франки довольно насмотрелись на разорение, причинённое Аквитании мусульманами, чтобы отбить у себя охоту выходить в поле против мусульманской конницы, изрубившей войско Эда. Карл хотел, чтобы мусульмане опустошили Аквитанию и унизили Эда, но не пошли дальше. Иными словами, он хотел, чтобы они остановились, не вступив в его землю, а это значило: всё, что к северу от Луары. Цель его была ограниченной: не дать мусульманам перейти Луару. Но за эту реку его повлекло религиозное желание спасти Тур, духовную столицу Галлии. В этом последнем его, быть может, склонил Эд, который поспешил в Париж и сумел добиться от Карла обещания помощи в обмен на покорность власти майордома.

К этому времени Карл завершил завоевания на Рейне и Дунае и принялся собирать войско, чтобы встретить мусульман, если те попытаются вторгнуться в его землю. Эд отдал себя и своих аквитанцев под начало Карла, составив одну из частей войска, в котором были и большие отряды германских варваров, приведённые с северо-востока для усиления. Это было многоплеменное европейское войско, люди многих языков.¹ Самую большую часть войска составляли франки, отчасти из Аквитании, но главным образом из северо-восточной части Франции, известной как Австразия.²

1. Фуллер, т. 1, с. 345.

2. Австразия охватывала примерно земли, которые ныне занимают Бельгия, Люксембург и Рейнская область.

Франки эти, особенно австразийцы, были народом диким — диким и видом, и нравом. Большинство было одето в волчьи шкуры, и длинные спутанные волосы падали им на плечи.³ Они были велики и сильны... «громадны членами и с железной рукой».⁴ Дисциплины у них не было никакой: народ беспорядочный и непослушный. Но жажда добычи, которую они столь же охотно хватали у единоверцев-христиан, как и у прочих, держала их вместе и была едва ли не единственным, что держало их вместе под одним полководцем и одним знаменем. Военное устройство было первобытным, военное обучение — не лучше. Они бились неповоротливыми громадами, плохо способными к манёвру, беспечными в деле охранения, и при внезапности легко приходили в замешательство. По преимуществу они были пешими. Оружием им служили обоюдоострый меч длиной в три фута, кинжал с широким клинком, зазубренный дротик — колоть и метать — и два рода топоров: один для боя, другой, называемый франциска, для метания. Последний был смертоносным и характерным франкским оружием. Луков они не употребляли.⁵

С этим пёстрым сборищем варваров Карл выступил из Парижа. Он вышел к северному берегу Луары у Орлеана, там перешёл реку и осторожно двинулся вдоль левого берега, пока не приблизился к Туру, где наступающие толпы заметили мусульмане.

Мусульмане были застигнуты совершенно врасплох. Из Бордо они вышли не сомкнутым телом, в жёстко соблюдаемом порядке, а широко рассыпанной конницей, прочёсывавшей страну вплоть до Луары. Фронт наступления снова сузился близ Пуатье, и в эту минуту к Туру подошли лишь головные части, а прочее войско было растянуто на пространстве между Туром и Пуатье. Тур был конечной целью похода. Отсюда, забрав богатства церкви святого Мартина, мусульмане с триумфом вернулись бы в Испанию, нагруженные добычей, взятой у «врагов Аллаха».

Появление якобы огромного христианского войска к югу от Луары меняло положение. Абд ар-Рахман был удивлён и недоволен таким оборотом. Войско уже не было тем сухим, быстроходным отрядом лёгкой конницы, с каким он начал поход. Части его были обременены громадной

3. Хитти, с. 500.

4. Санчес-Альборнос. «Мусульманская Испания», т. 1, с. 79; Монтгомери, с. 149.

5. Монтгомери, с. 146; Фуллер, т. 1, с. 344.

добычей, навьючены награбленным, которое везли на множестве мулов, сопровождавших войско, кроме той части, какую воины держали при себе или на конях. Отягощённое этой добычей, войско утратило часть той подвижности, что была его главным достоинством. Ослабла и дисциплина, что неизбежно, когда воинам дана полная воля грабить. Всё это — рассыпанность войска, привязанность к захваченной добыче и слабеющая дисциплина — тревожило мусульманского полководца.

Первым делом Абд ар-Рахман отошёл от Тура, чтобы собрать войско. Тура мусульмане не взяли и не разграбили, хотя есть одно известие, основанное на неизвестном арабском источнике: будто они взяли город приступом, перебили жителей и разграбили его богатства на глазах у подходивших христиан.⁶ Здесь надо признать верными сообщения христианских хронистов, которые никогда не упускают случая осудить мусульманские разорения. Тур был избавлен от бедствий войны своевременным приходом Карла Мартелла.⁷ Впрочем, здесь мы можем ошибаться: какой-то ущерб мусульмане могли нанести Туру, прежде чем отошли.

Абд ар-Рахман собрал войско примерно в 40 милях к югу от Тура, на дороге к Пуатье. Силы были вместе, прямо под его рукой, но вид расстройств некогда великолепного войска, теперь гнувшегося под тяжестью военной добычи, причинял ему крайнюю тревогу. Собираение добычи вышло за пределы, какие он сам желал бы положить. Абд ар-Рахман и более рассудительные его полководцы не одобряли такого положения и непристойной привязанности воинов к добыче, хотя бы это и было родом вознаграждения за неимением постоянного жалованья. Он всерьёз помышлял приказать людям сбросить бремя добычи, заняться конями и оружием и думать единственно о бое с неверными. Но боялся, что это подействует дурно и повредит духу воинов. Они будут крайне огорчены и даже падут духом.⁸

С другой стороны, люди были в самом бодром духе и не видели в добыче, какой владели, никакой помехи. Немало было и начальников, разделявших уверенность воинов, вскормленную удачей и непрерывной чередой успехов за весь поход, особенно разгромом, учинённым Эду при Бордо. Они нимало не сомневались: пока во главе у них герой вроде Абд ар-Рахмана,

6. Конде, т. 1, с. 110.

7. Леви-Провансаль, с. 37.

8. Конде, т. 1, с. 109; Арслан, с. 83–84.

табиин, которого Аллах благословил за благочестие, они разобьют всякого христианина, кто дерзнёт с ними померяться. Войско, быть может, и было отягощено добычей, но дух его не тяготило ничто. Люди рвались в бой.

Этот избыток уверенности вскоре подействовал и на Абд ар-Рахмана. Он унял его тревогу. Ему и на мысль не приходило, что можно без труда оторваться от франков и отойти на юг, назад в Испанию, со всеми богатствами, добытыми во Франции. Тяжёлая франкская пехота никогда не догнала бы его, даже если бы пожелала пуститься на столь невероятное, и мусульмане благополучно вернулись бы в Испанию с добычей. Но не за добычей Абд ар-Рахман пришёл во Францию, и он не хотел, чтобы воины думали, будто в этом главная цель похода. Они пришли ради священной войны, и, пока на них шли враги Аллаха, священным долгом было биться с ними на пути Аллаха.

Абд ар-Рахман изготавился к правильному бою. Весь обоз, состоявший главным образом из добычи, он поставил станом в тылу, а эскадроны выстроил впереди, лицом к франкам, которые только что подошли.

Карл тоже построил войско к бою. По-видимому, он выстроил его наподобие римской фаланги — плотного, сплочённого строя пехоты, способного выдержать удар и с фронта, и с фланга. Для народа неизощрённого это был простейший и легче всего управляемый вид боевого построения. Одну сторону, или фланг, составляли герцог Эд и его аквитанцы, несколько дальше ушедшие в способах войны. Намерение Карла было не более чем выставить фронт против мусульман, дать оборонительный бой и отбить нападение. При этом он надеялся нанести нападающим достаточно урона, чтобы отбить у них охоту продолжать наступление в северную часть Франции. При тяжёлой пехотной громаде, неспособной ни к какому манёвру против подвижного врага, большего он сделать не мог.

Так силы развернулись к бою: мусульманское войско лёгкой конницы лицом на север, христианское войско тяжёлой пехоты лицом на юг. Поле боя лежало к югу от нынешнего города Шатлеро и примерно в 15 милях к северу от Пуатье, между реками Вьенной и Кленом, обе небольшие, немногим более ручьёв. Один историк помещает вероятное место боя у нынешней деревни Муссе-ла-Батай.⁹ Два войска стояли поперёк старой мощёной римской дороги, отчего мусульманские историки назвали эту битву «Газват аль-

9. Леви-Провансаль, с. 37.

Балат», Битвой у мощёной дороги. Шло к концу шаабана 114 г. х. (вторая половина октября 732 года).

Семь дней противники стояли друг против друга без сколько-нибудь серьёзного дела. В эти дни бывали лёгкие стычки: главным образом конные мусульманские отряды щупали христианский фронт, пробуя его крепость и выискивая слабые места. Лёгкая мусульманская конница была вооружена мечом и копьём, а многие всадники имели и луки, чтобы издали выбивать вражескую пехоту. Эта лёгкая, рассеянная борьба не изменила ни положения, ни расположения двух фронтов. Франки терпеливо ждали, что примут мусульмане.

Восьмой день стал последним днём дела, днём страшным и единственным страшным днём этой битвы. Абд ар-Рахман начал первым и бросил конницу в яростный натиск на врага. Франкский фронт устоял. Мусульмане повторяли стремительные, безудержные атаки, копьём и мечом сияясь сломать строй христиан или вбить где-нибудь клин в их фронт, но преимущества не добились. Люди севера... «стояли неподвижно, словно стена; они были как пояс льда, смёрзшийся воедино и не поддающийся таянию».¹⁰

День шёл. Бой становился всё яростнее. Громовые атаки мусульманской конницы, брошенные грозным порывом священной войны, разбили бы всякое сопротивление на своём пути, но в этот день они останавливались вдруг перед сплошной стеной варваров. Фаланга не дрогнула. Франкская пехота стояла твёрдо перед страшным напором мусульманской конницы. Поле покрылось трупами: мусульмане разили множество христиан мечом и копьём, а христиане чинили не меньшее кровопролитие среди мусульман дротиками и боевыми топорами. Карл, казалось, довольствовался тем, чтобы удержать место и не потерпеть поражения, и за это готов был заплатить ценой тяжкой резни. Сам он ринулся в сечу, храбрый, как любой из его диких воинов, и наносил в бою удары, которым нельзя было противостоять, так что получил прозвание Мартелл, что значит «молот». Отныне его будут знать как Карла Мартелла... Карла Молота!

После полудня, когда резня была в самом разгаре, ход дела переменялся. Следующий ход сделал герцог Эд, исполняя смелый замысел снять давление с христианского фронта, — замысел, который он, быть может, измыс-

10. Санчес-Альборнос. «Мусульманская Испания», т. 1, с. 79; Фуллер, т. 1, с. 345 (цитирует Исихора Паценсиса).

лил сам, но который, конечно, одобрил Карл. Герцог храбро бился на одном фланге христианского строя. Теперь, улучив миг, он обошёл мусульманский фланг и стремительно пошёл на их стан, где хранилась вся добыча. Это было задумано как отвлекающий удар и подействовало тотчас.

Мусульмане увидели движение и поняли, что оно значит: награда всего похода в опасности. Если бы всё решала воля Абд ар-Рахмана, он дал бы неприятельскому движению совершиться и ударил в разрыв, открывшийся отрывом Эда от главных сил франкского войска. Но Абд ар-Рахману не было суждено поступить по-своему. Ему так и не выпало случая что-либо предпринять. Большие массы мусульманской конницы сами собой оторвались от франков и поспешили к стану спасти драгоценную добычу. Эд до стана так и не дошёл и, вероятно, не собирался, но уход многих эскадронов с поля боя вверх мусульманское войско в смятение и создал тяжкое положение. Карл Мартелл вполне этим воспользовался. Франки двинулись вперёд и ударили с удвоенной силой по расстроенному мусульманскому фронту, и битва стала ещё свирепее, ещё беспощаднее.

Это было самое критическое положение, в каком оказались мусульмане. В их рядах было смятение, и беспорядок нарастал с каждой минутой. Сплочённость фронта была нарушена, в линии открылись широкие разрывы, и в них начали входить франки. Вот теперь Абд ар-Рахман явил истинную свою меру воина и полководца. Он бросился в самую гущу боя и разил мечом направо и налево. На коне он был всюду, врезаясь туда, где сеча была всех жарче, бился рядом с храбрейшими, ободрял своих и вносил хоть какой-то порядок в расстроенные ряды.

Это был лучший час Абд ар-Рахмана. Он же был и последним. Окровавленным мечом, как сияющий герой, он прорубал себе путь сквозь франкские ряды и проник глубоко в середину австразийцев — северных франков. Здесь, с мечом в руке, с телом, пронзённым множеством дротиков, он пал с коня. Благородный Абд ар-Рахман испил чашу мученичества, которой жадно искал всю жизнь, воюя с врагами Аллаха.

Со смертью полководца смятение в мусульманских рядах могло лишь усилиться. Они бились дальше, как храбрые воины и бойцы священной войны, какими и были, и заставили франков дорого заплатить за тот ограниченный успех, какого те добивались, но положение всё ухудшалось. Вскоре оно стало грозным. На счастье мусульман, Карл не замыслил глубокого

завоевания. Ещё большим счастьем пала ночь, и тьма прекратила беспощадную резню. День ужаса кончился.

На рассвете следующего дня Карл выстроил франков и варварских союзников к бою, как накануне, и стал ждать мусульманской атаки. Он всегда имел в виду оборонительный бой, а понесённые потери отбили у него охоту ко всякому наступательному намерению, какое могло бы прийти ему на ум. Мусульманский стан был виден франкам и выглядел таким же большим и грозным, как прежде. Карл ждал, что страшная мусульманская конница в любой миг появится на поле и обрушит новую череду мощных атак.

Когда минуло много часов, а в мусульманском стане не было никакого признака движения, Карл решил разведать. Он всё ещё был осторожен. Подозревая, что затишье — неприятельская хитрость, он послал вперёд нескольких лазутчиков осмотреть стан и узнать, отчего такая тишина. Лазутчики вернулись с донесением: стан пуст. Мусульманских воинов вокруг не было. Птицы улетели.

В предыдущую ночь мусульманские начальники разошлись во мнениях о том, как быть дальше. Угроза добыче потрясла тех, для кого добыча была всем. Чудовищная резня боя и потеря любимого и чтимого полководца потрясли всех. Поскольку дело предыдущего дня кончилось в пользу христиан, мусульмане ждали от них ещё большей напористости и, стало быть, ещё более тревожной угрозы себе и своей добыче. Они потеряли всякую надежду на победу и решили как можно скорее оставить поле боя. Ночью они сели на коней и ускакали, в спешке бросив тех товарищей, кто был слишком тяжело ранен, чтобы его везти. Шатры оставили стоять, чтобы обмануть франков, и земля осталась усеяна поклажей. Они оставили и немалую часть добычи, хотя сколько оставлено и сколько унесено, не узнает никто. Мусульманское войско, каким оно было, отступило в сторону Нарбонны.

Франки вышли к мусульманскому стану. Они перерезали всякого раненого мусульманина, который не мог двигаться и был оставлен. В мусульманском стане Карл собрал всю поклажу и добычу, брошенную мусульманами, часть роздал воинам, остальное оставил на нужды казны. Преследовать мусульман он не пытался, как должно победоносному войску после успешного боя, чтобы довершить гибель отступающего врага. Он боялся, что это западня и что мусульмане подстерегут его в засаде, когда он пойдёт за ними. (И впрямь, это была излюбленная уловка арабов.) Другая причина,

почему он не действовал напористее, состояла в том, что пешее войско не может толком преследовать конное. Сверх того, Карл чувствовал, что для Галлии он сделал довольно, и не хотел испытывать судьбу. Он достиг своей цели: не дал мусульманам перейти Луару и разорить его землю. Возможно и то, как говорит один видный военный историк, что он надеялся: мусульмане сохраняют достаточно силы, чтобы и дальше угрожать Аквитании и держать Эда в таком положении, чтобы тот зависел от Карла в самом своём спасении.¹¹ Итак, от Пуатье Карл вернулся в Париж и распустил варварские отряды по их тёмным лесам.

Битва при Пуатье была дана в последнюю неделю октября 732 года (начало рамазана 114 г. х.).

Западные историки приходили в восторг от победы Карла Мартелла при Пуатье, быть может, оттого, что это была одна из совсем немногих побед, какие христиане могли себе приписать за поколения поражений от рук мусульман. Историки эти разливались красноречием, видя в этой битве спасение Запада, торжество христианства над исламом, превосходство европейской расы над семитами, самое выживание цивилизации. Всех изобретательнее был Эдуард Гиббон: в возможном поражении Карла Мартелла ему виделись мусульмане, дошедшие до пределов Польши и нагорий Шотландии, арабский флот, поднимающийся по Темзе, и Коран, который преподают в Оксфорде.¹² Генерал Дж. Ф. К. Фуллер включил эту битву в свои «Решающие сражения западного мира».

Ничего подобного не было. Она ничего не решила. Значение этой битвы, или отсутствие оно, верно оценили два знаменитых человека — один солдат, другой историк — как оборонительную победу, одержанную пехотой, в которой франки на деле не остановили арабов: арабы просто дошли так далеко, как позволяли их средства...¹³ Арабо-берберская волна, начавшаяся за тысячу миль, у Гибралтара, достигла естественной остановки, потеряла размах и иссякла.¹⁴

В военном смысле для мусульман это было тактическое поражение и неудача. Видимая причина — то, что воины копили добычу и привязались к ней в ущерб требованиям поля боя. Подлинной же причиной была смерть

11. Фуллер, т. 1, с. 346.

12. Гиббон, т. 6, с. 17–18.

13. Монтгомери, с. 149.

14. Хитти, с. 501.

их полководца. Не пади Абд ар-Рахман, он возобновил бы атаку и довёл бы бой если не до победы, то по крайней мере до ничьей. Действительные итоги этой битвы мало повлияли на будущие мусульманские наступления во Франции. Одержали они победу, они, вероятно, уже не зашли бы так далеко и уж не с такими силами. Поражение не помешало им предпринимать походы в землю франков. Эти действия продолжались, о чём кратко рассказано в конце этой главы.

В смысле же психологическом Пуатье было тяжёлым ударом для мусульман. Никогда прежде не теряли они столько людей в одном бою в Европе с тех пор, как 20 лет назад высадились на берег Испании. Мусульманские историки умолкали, словно бремя потери было слишком тяжело, чтобы нести его или записать на бумаге. Но трагедию не забыли. Это дело они называли битвой у мощёной дороги, а поле боя — Мостовой мучеников, по мощёной римской дороге, поперёк которой стояли и бились два войска. Три века спустя мусульмане в Испании верили, что на поле, где пали Абд ар-Рахман и его воины, всё ещё слышен голос невидимого муэдзина, зовущего правоверных на молитву.¹⁵

Карл Мартелл был, несомненно, героем Пуатье. Он не был спасителем христианства или западной цивилизации, но победителем в битве он всё же был. У него достало мужества выступить навстречу мусульманам, когда все прочие бежали с их пути, и твёрдости стоять и сдерживать натиск, под которым ломались все прочие. Если он не развил успеха, то потому, что не имел ни средств, ни намерения это сделать и, быть может, был лишён того широкого кругозора, какой отличает истинно великого полководца. Он был храбрый, решительный, осторожный и здравомыслящий полководец. За личные подвиги в бою он заслужил прозвание Мартелл, Молот, и с тех пор был известен как Карл Мартелл; за победу на поле боя он заслужил хвалы, какими осыпали его христианские историки. Но хвалы эти пришли позже; поначалу о нём говорили дурно.

После Пуатье Карл восстановил против себя римско-католическое духовенство тем, что не вернул церквам и монастырям сокровища, взятые мусульманами в их успешном проходе по западной Франции. Епископы и аббаты ждали их возвращения: ведь немалая часть добычи, взятой мусульманами, была брошена в их стане и досталась франкам. Но достойные свя-

15. Маккари, т. 3, с. 15.

ценники прождали напрасно. Карл решил большую часть возвращённых богатств употребить на награду своим воинам, которые сделали победу возможной, и поправить ущерб, нанесённый Франции годами войны с врагами на юге и на северо-востоке. Побуждение это было вполне похвальным, вполне ради общего блага, и суровый франкский вождь заслуживает за него всяческой похвалы. Но духовенство смотрело иначе. Оно видело в этом святотатство, потому что это шло вразрез с его интересами, и так и не простило ему этого. Так более чем век спустя мы находим письмо к Людовиду Немецкому, праправнуку Карла Мартелла, в котором епископы Реймса и Руана объявляют его предка проклятым... «что, когда открыли его гробницу, зрителей устрешили запах огня и вид ужасного дракона; и что святому того времени было дано отрадное видение: душа и тело Карла Мартелла горят во веки веков в бездне ада».¹⁶

И герцог Эд сыграл в этой битве видную роль и держал себя доблестно, выказав высокие качества военного вождя. Именно он повёл своих аквитанцев вперёд и создал угрозу мусульманскому стану, отчего положение быстро переменялось. После битвы он написал о ней пространное донесение папе Григорию II и, по-видимому, сообщил папе, что потери мусульман в этой битве составили 350 000 против всего лишь 1500 жизней, потерянных христианами. Сверх того, честь победы он приписал себе, из-за чего ранние французские хронисты, в отместку, возвели на Эда чудовищное обвинение: будто он сам первый пригласил Абд ар-Рахмана во Францию.¹⁷

После битвы Эд присягнул Карлу Мартеллу, и ему позволили вернуться в герцогство правителем более или менее независимым. Он снова утвердился в Аквитании. Но жить ему оставалось меньше трёх лет. По смерти его в 735 году титул и власть перешли к сыну Гунальду, но тотчас вслед за тем Карл Мартелл выступил в Аквитанию и покорил её, вероятно, чтобы предупредить всякую попытку полной независимости. Такая попытка и впрямь была сделана позже, ибо мы знаем, что сыну Карла Мартелла Пипину пришлось сломить сопротивление Аквитании и затем навсегда включить герцогство во франкское королевство.

Война Карла с исламом ещё не кончилась. Два года спустя после Пуатье, в 734 году, Юсуф ибн Абд ар-Рахман, мусульманский правитель Нарбонны,

16. Гиббон, т. 6, с. 21. Письмо написано в 858 году.

17. Гиббон, т. 6, с. 20.

выступил с сильным экспедиционным войском к Роне и там заключил союз с герцогом Мавронтием Марсельским против франков и бургундцев. Правителем Испании тогда был Укба ибн Хаджадж. Юсуф перешёл Рону и взял Арль, Авиньон и Сен-Реми. Два года спустя он поднялся по восточному берегу Роны в область Дофине в Западных Альпах и разграбил Вьенн и Валанс, а другие колонны во второй раз взяли Лион.¹⁸ Здесь мусульмане узнали, что Карл Мартелл снова в походе и идёт с севера с большим войском франков и бургундцев. Шёл уже 737 год.

Мусульмане отошли к Авиньону, а затем к Нарбонне и перед ней дали франкам упорный бой, в котором победа досталась христианам. Карл Мартелл осадил город Нарбонну, но взять не смог и отступил, на обратном пути грабя и сжигая Магелон, Агд, Безье и Ним. Защитники его объясняют, что он сделал это в наказание местным жителям за покорность мусульманам,¹⁹ но факт остаётся фактом: народ Септимании гораздо тяжелее страдал от грабежей франков (которых всегда ненавидел), чем за время мусульманской власти над его землёй. Нарбонна оставалась в руках мусульман, и лишь в 759 году пала, среди великой резни, перед Пипином: первая его осада города в 752 году не удалась.

Карл Мартелл умер в 741 году, и сын его Пипин III (известный как Пипин Короткий) стал майордомом дворца.²⁰ Десять лет спустя он положил конец фарсу правления Франции королями из Меровингов. Он низложил последнего короля-тень, Хильдерика II, и провозгласил себя королём франков, начав Каролингскую династию, названную по Карлу Мартеллу. К Пипину Короткому мы вернёмся в одной из следующих глав.

18. По некоторым источникам поход в Дофине возглавил сам Укба ибн Хаджадж. Возможно, так и было.

19. Пидаль, т. 6, с. 415–416.

20. Карл разделил свою землю между двумя сыновьями, но другой, Карломан, ушёл в монастырь, и Пипин стал единственным преемником.

ГЛАВА 5

Междоусобица в Северной Африке

Междоусобица в Северной Африке между берберами и арабами началась в 740 году (122 г. х.) и потрясла мир ислама до основания. То, что мы здесь называем междоусобицей, можно назвать и иначе: войной как бы между двумя народами или восстанием подвластных берберов против правящих арабов. Победы берберы, мы назвали бы её «войной за независимость», и история ислама в Северной Африке и Испании пошла бы иным путём, даже в вопросах вероучения. Причины её уходили глубоко: расовые, политические, хозяйственные, религиозные, нравственные, — и каждая сама по себе давала достаточный повод взяться за оружие.

Однако, прежде чем разбирать причины этой междоусобицы, читателю следует кое-что узнать о берберах. Это важно, потому что берберы сыграли решающую роль в истории мусульманской Испании — от первоначального мусульманского завоевания до окончательного христианского отвоевания.¹

О берберах учёные и историки провели немало разысканий. Ибн Хальдун написал много глав об их происхождении, племенном устройстве, политическом и общественном строе, истории, религии и прочем. Позднейшие западные учёные годы трудились над этими разысканиями. И всё же картина прошлого и происхождения берберов до сих пор не очень ясна, и в наших знаниях об этом народе по-прежнему много туманного и, возможно, неверного.

Берберы — не одна раса и не одна группа народов. Они сложились из нескольких групп, которые вошли в основное русло североафриканской жизни, придя с разных сторон и воздействуя друг на друга. Из них выросла общность с более или менее сходными расовыми и культурными чертами. Со временем эта общность стала самой многочисленной среди населявших северную полосу Африки от Западного Египта до Атлантики и заселила нынешние Ливию, Тунис, Алжир, Марокко и Мавританию.

По-видимому, первоначально крупнейшую группу, из которой сложился берберский народ, составляли морские народы. Они пришли с Крита, Кипра

1. Последующее описание берберов взято из книги автора «Мусульманское завоевание Египта и Северной Африки», с. 217–219.

или из Малой Азии, быть может даже из областей древней Греции. В Палестину они явились как морской народ и около XII века до н. э. вторглись в Ханаан. Это были филистимляне Библии.

В конце концов столкновение их с семитами завершилось битвой царя Давида с Голиафом, исполинским вождём филистимлян. Голиаф пал в единоборстве от руки Давида, и после поражения филистимляне были вынуждены уйти из этой земли. Они пришли в Египет, но копты не желали их присутствия и вытеснили их из страны. Они ушли в Барку и здесь распались на племена и роды: одни осели в Ливии, другие двинулись дальше в Магриб, пока не достигли берегов Атлантики.

Ещё до их прихода в Северной Африке уже жили европейские народы, которые слились с пришельцами и стали с ними одним целым. Все эти народы, взятые вместе, и были предками берберов, какими мы их знаем.

Берберы — евразийского корня. Черты у них европеоидные, смуглой пигментации, нередко светлые и даже белокурые, особенно в горах Магриба. Некогда они говорили на хамитском языке, от которого произошёл нынешний берберский со своими различными наречиями, звучащими от оазиса Сива в Западном Египте до Атлантического океана и от реки Нигер до Средиземного моря. Некоторые берберские племена, быть может, вовсе не берберы, например кутама и санхаджа.²

В вере они были различны. Многие племена были иудейскими — под влиянием, шедшим ещё со времён Голиафа. Многие приняли христианство от соприкосновения с римлянами. Многие поклонялись солнцу. Одни чтили идолов, другие оставались язычниками. Они были непостоянны и носили веру легко, как одежду, которую сбрасывают, когда она больше не нужна. С первым приходом ислама в Северную Африку они приняли и новую веру, а затем вернулись к тому, чему следовали прежде. Они снова становились мусульманами и снова отпадали. В раннюю исламскую пору они отпадали двенадцать раз, и лишь во времена Мусы ибн Нусайра ислам прочно утвердился в сердце берберов.

Мусульмане, сражавшиеся в Северной Африке, нашли в берберах самых яростных врагов, каких встречали за всю свою историю. Мужество и стойкость берберов, их способность оправляться после одного кровавого пора-

2. По Ибн Хальдуну (т. 2, с. 95; т. 6, с. 177), эти племена — древнего аравийского происхождения.

жения и возвращаться за новым, их упорство в противостоянии мусульманскому наступлению поставило мусульман перед большими военными трудностями, чем те, что они испытали в войнах с римлянами и персами. Берберы показали себя доблестным противником, но в конце концов покорились исламу. Став мусульманами, они снова поднялись — уже как величайшие воины за веру своего времени.

Имя их пошло от соприкосновения с арабами. По-арабски слово «барбар» значит бормотать, производить шум, которого никто не понимает. В берберском языке было много наречий, и они непрестанно говорили и спорили между собой. Арабам казалось, что никто не «барбарит» столько, сколько этот народ. Имя пристало: барбер или, как теперь пишут по-английски, berber.

Это был храбрый народ, воинственный и рыцарственный, с острым племенным чувством. Они были верны своим вождям и беспрекословно следовали за ними на войне и в мире. Это был красивый народ: крепкие, статные мужчины и крепкие, прекрасные женщины. Они были людьми пустыни и гор и соединяли свойства тех и других. В дружбе они были неизменны, во вражде — неумолимы.

Таковы были берберы — яростные бойцы и воины за веру ислама. Они покорились исламу и власти мусульманских арабов в том разумении, что участвуют в общем деле как равные, а не подчиняются порядку как рабы или низшие. Они намеревались быть равными в религии, которая проповедовала равенство и братство.

Берберы питали обиду на арабов целое столетие — с тех пор как Амр ибн аль-Ас взял Триполи в 643 году, а Абдуллах ибн Сад ибн Аби Сарх вторгся в нынешний Тунис в 648-м.³ Они вели против мусульман несколько войн с редким мужеством и решимостью. Они вставали навстречу одному вторжению за другим и, за единственным исключением, падали перед каждым, но падали в бою. У них были живучесть и цепкость, позволявшие после одного кровавого поражения подняться навстречу другому. Лишь с приходом Мусы ибн Нусайра в 702 году завоевание Магриба оказалось окончательным, и край утвердился как постоянная часть мусульманского государства.

3. Эти действия описаны в книге автора «Мусульманское завоевание Египта и Северной Африки».

Эту обиду питало то, в чём берберы видели неравноправие. Началось оно при завоевании Испании, когда Муса-араб унизил Тарика-бербера и дурно с ним обошёлся. Испанию первоначально завоевали берберы. Они вынесли главную тяжесть боёв и получили долю добычи и прочих плодов завоевания, но львиная доля досталась арабам. Пятая часть военной добычи, которую коранический закон назначает государству, уходила в Дамаск и тратилась в арабской сердцевине, а не в Северной Африке, на земле берберов. В Северной Африке берберы жили по-прежнему, в пустынях и горах, а города принадлежали арабам. Берберы чувствовали себя эксплуатируемыми и всё острее сознавали своё низшее положение, тогда как арабы держались как высшие и господа. Гордость берберов продолжала страдать, по мере того как неравноправие обострялось.

Дамаск, столица халифата, был теперь городом роскоши и блеска. Омейядский двор и знатные арабские семьи вкушали плоды священной войны, которую верные вели в дальних землях. Всё рос спрос на богатство и на женщин, особенно на светлокожих берберских девушек: их ценили за красоту, и на восточных рынках они шли за тысячу золотых динаров. Халиф и вельможи его двора предъявляли требования наместнику Африки и прочим должностным лицам государства, и те охотно исполняли желания господ, не думая о негодовании и обиде, которые рождались в уме бербера.⁴

Один наместник Северной Африки, Убайда ибн Абд ар-Рахман, в 737 году отправился с визитом к халифу и вёз в дар 700 отборных девственниц, а сверх того евнухов, коней и украшения из золота и серебра.⁵ Его преемник, Убайдуллах ибн аль-Хабхаб, превзошёл предшественника в угождении вкусам дамасской знати. Шерсть меринсовых овец высоко ценилась в столице за безупречную белизну ткани, которую из неё ткали. Этот наместник конфисковал овец берберов и без разбора их забил, хотя шерсть нужного качества находилась лишь на одном ягнёнке из стада в сто голов. То, что берберов лишили главного источника пропитания, наместника, казалось, не заботило, как не заботила и беда семей, чьих жён и дочерей увозили пополнять гаремы Сирии.⁶

Именно этот Убайдуллах снарядил последний крупный поход в Магриб, к самому Атлантическому океану, перед берберским восстанием. Войском

4. Ибн Изари, т. 2, с. 52.

5. Ибн Абд аль-Хакам, с. 217.

командовал Хабиб ибн Аби Убайда — выбор уместный, ибо он был внуком Укбы ибн Нафи, первого, кто покорил Магриб за полвека до того. Это войско разбило всех, кто противостоял его маршу, вторглось во всякое племя Магриба... «одержав победу, какой прежде не видали».⁷ Войско захватило огромное число пленных, собрало множество золота, серебра и иного богатства и вернулось победителем, нагруженное добычей,⁸ — к радости всех, кроме берберов.

Ещё до конца первого века хиджры в жизнь берберов вошло новое религиозное начало. Это было движение хариджитов, толка, возникшего во время мятежа Муавии против Али. Эти люди были против обоих, то есть и против Али, и против Муавии, и имели собственное толкование Корана, за которое правоверные мусульмане прозвали их еретиками. Их называли хариджитами, потому что видели вне ограда ислама. Движение продолжалось несколько поколений в арабской сердцевине, несмотря на кровавые расправы. Некоторые группы, гонимые и преследуемые на родине, были вынуждены искать убежища в Северной Африке, где с новой силой принялись за проповедь.

Люди эти принадлежали главным образом к двум толкам, известным как абазийя и суфрийя.⁹ Они проповедовали учение социалистического свойства, по направленности революционное и демократическое, отстаивавшее равенство всех мусульман независимо от этнического происхождения. Хотя Коран они толковали вольно, по собственному разумению, «смешивая истину с ложью»,¹⁰ мысль их была сурова и фанатична. Вожди движения утверждали, что главой мусульманского государства может стать любой мусульманин, лишь бы он обладал должными качествами добродетели и предводительства. Они проповедовали насилие; угнетателей своих обличали как язычников и призывали к истребительной войне против правителей. Они стремились сбросить тиранию угнетателя во имя того же Бога, того же Пророка и той же Священной Книги, к помощи которых взывали те, кто их угнетал.

Северная Африка оказалась благодатной почвой для семени недовольства, которое посеяли хариджиты. Учение пришельцев встретило востор-

6. Дози, с. 128.

7. Ибн Абд аль-Хакам, с. 217.

8. Ибн Изари, т. 2, с. 51.

9. Ибн Хальдун, т. 6, с. 220.

женный приём у берберских племён, для которых оно обладало захватывающей притягательностью. К ним стекались толпы, от Ливии до Атлантики, и большинство берберов горячо приняло новое учение в надежде увидеть зарю новой поры равенства и народовластия. Между берберами Северной Африки возникла особая нравственная и духовная связь.

Атмосферу недовольства среди мусульман-неарабов — и не только в Северной Африке — отравляли политика Омейядов и омейядские чиновники. Джизья, наложенная на немусульман и по сути бывшая небольшим налогом с трудоспособных мужчин, имевших заработок, стала важным источником дохода, которому теперь грозило обращение в ислам в широких размерах. Правительство могло взять либо их деньги, либо их души, но Омейяды хотели и того и другого и продолжали взимать налог с новообращённых мусульман. Доход с неверных они почитали не менее желанным, чем распространение веры. Благочестивые мусульмане того времени гнушались этого обычая, но он тем не менее оставался в силе как дело правительственной политики.

Лишь во времена халифа Умара ибн Абд аль-Азиза, о котором сказано в первой главе этой книги, пагубный обычай был прекращён. Когда наместник Хорасана пожаловался, что иные принимают ислам, чтобы уйти от этого налога, и даже не совершают обрезания, халиф написал в ответ: «Бог послал Мухаммада призывать людей к истинной вере, а не обрезывать их».¹¹ А наместнику Египта, предупреждавшему, что скоро обратятся все и этот источник дохода иссякнет, халиф ответил: «Я возрадуюсь, если все зиммии (то есть немусульмане под властью мусульман) станут мусульманами, ибо Бог послал Пророка быть посланником, а не сборщиком податей».¹²

К несчастью для ислама, Умар ибн Абд аль-Азиз правил лишь два с половиной года и умер. Утрату его остро чувствовали мусульмане, без различия толка и племени. Один из видных противников омейядской династии сказал: «О сын Абд аль-Азиза, если бы человеческие очи могли плакать по кому-либо из дома Умайи, мои должны были бы плакать по тебе».¹³

Со смертью Умара ибн Абд аль-Азиза омейядское управление вернулось к прежнему суровому обращению с берберами. Новый наместник Африки,

10. Там же.

11. Дози, с. 130.

Язид ибн Аби Муслим, человек жестокий и необузданный, бывший начальником полиции при печально известном Хаджадже ибн Юсуфе в Ираке, вновь наложил джизью на берберов-мусульман, как Хаджадж сделал это в Ираке с новообращёнными.¹⁴ Он объявил также на собрании в мечети, что выжжет своим берберским стражам клеймо на руках: на левой — слово «страж», на правой — имя человека, чтобы люди их знали и тотчас им подчинялись.¹⁵ Этого берберская стража снести не могла. Они убили его в мечети во время вечерней молитвы. Они написали также новому халифу, Язиду ибн Абд аль-Малику, объяснив, что сделали и почему, и вновь подтвердив верность Дамаску. Халиф благоразумно принял это заверение в верности и больше ничего не сказал. Случилось это в 102 г. х. (720–721 гг. н. э.).

Последним из наместников Африки, прежде чем край взорвался междоусобицей, был Убайдуллах ибн аль-Хабхаб, вступивший в должность в конце 734 года. Это был человек образованный и начитанный, но в обращении с берберами ничуть не лучший. О его поборах с берберов в угоду прихотям господ в Сирии уже сказано. Сыновей своих он назначил правителями разных областей, в том числе некоего Исмаила, которого послал в Танжер. Вместе с ним, по-видимому как соправителя, он послал Умара ибн Абдуллаха аль-Муради.

Последний был порочен и жесток, как худшие из них, и подвергал берберов варварскому обращению. Он не ослаблял гнёта и становился всё беспощаднее. Затем, в конце 739 года, он объявил, что всех берберов-мусульман будут считать военной добычей, словно их взяли в плен в завоевательной войне, и что он возьмёт пятую часть их числа и их имущества (эта пятая часть называлась хумс) как военную добычу в пользу государства.¹⁶ Так не поступали никогда прежде — никогда с мусульманами, а с немусульманами лишь при первом завоевании и лишь когда они сопротивлялись мусульманам и были разбиты в бою.

Этому суждено было стать искрой, зажёгшей войну и приведшей к годам неопишемого ужаса и страданий; раны эти не заживали поколениями. Бер-

12. Там же, с. 123.

13. Конде, т. 1, с. 93.

14. Ибн Хальдун, т. 4, с. 403.

15. Ибн Изари, т. 1, с. 48.

16. Ибн Изари, т. 1, с. 52; Ибн Хальдун, т. 4, с. 403.

беры кипели яростью. Они готовились к действию, избрали одного из своей среды вождём и ждали удобного мгновения для удара.

Избранным вождём стал Майсара из племени мадгара. Некогда водонос в Кайруане, теперь он был воином-проповедником и стоял во главе суфрийского толка хариджитов. Это был человек дерзкий и безжалостный. Арабы звали его Майсара Презренный.¹⁷ Для изучающих мусульманскую историю любопытно, что одним из главных военачальников и сторонников Майсары был Тариф ибн Малик, берберский вождь, высадившийся на берегу Испании в месте, с тех пор называемом Тарифа, за год до вторжения в страну Тарика ибн Зияда. Тариф был первым мусульманином, ступившим на землю Западной Европы.

Удобное мгновение для удара настало в начале 740 года (122 г. х.), когда наместник в Кайруане, блаженно не ведая о собирающейся буре, отправил большое войско в набег на остров Сицилию. Командующим он снова назначил Хабиба ибн Аби Убайду, недавно вернувшегося из похода в Магриб. Хабиб и его сын Абд ар-Рахман — оба храбрые и честлюбивые полководцы — высадились на берегу Сицилии, сломили всякое сопротивление и осадили столицу, Сиракузы. Город сдался на условиях и был оставлен в покое. Едва мусульмане вошли в Сиракузы, как получили от наместника срочный призыв вернуться на материк.

Отплытие Хабиба на Сицилию и было тем мгновением, которого ждали берберы. Они знали, что значительная часть арабского войска Северной Африки покинула материк и ушла за море грабить остров. Это дело на какое-то время займёт войско, и пока оно остаётся на Сицилии, сопротивление на материке будет по силам. Берберы перешли к действию. Майсара ударил по Танжеру: арабы сопротивлялись, но были одолены. Свирепые берберы не только убили наместника Умара ибн Абдуллаха — он лишь получил по заслугам, — но и предали мечу каждого араба, попавшего им в руки, не щадя даже детей. Наместником Танжера Майсара поставил человека, известного как Абд аль-Аля ибн Джурайдж Африканец: тот на самом деле был римлянином и некогда был пленником Мусы ибн Нусайра.¹⁸

Затем Майсара выступил на Сус, область Магриба, которой правил сын наместника, Исмаил. Здесь тоже наместник был убит, и каждый араб предан

17. Ибн Изари, т. 1, с. 52.

смерти. Теперь весь Магриб взялся за оружие. Пожар разошёлся по западу, как степной огонь, и захватил каждый город и каждое поселение, где жили арабы. Одновременное восстание берберских родов повсюду одолело арабов и вырезало всех, кто не успел уйти. Счастливы, которым удалось спастись, бежали из Магриба и пробирались в Кайруан, бросив страну, на покорение которой их предки потратили поколения. Это был первый тур междоусобицы, и выиграли его берберы.

За какие-нибудь несколько месяцев западная часть Магриба была отвоёвана берберами у арабов. На великом собрании родов берберы избрали Майсару главнокомандующим и принесли ему присягу на верность. Он провозгласил себя повелителем правоверных — титулом халифа, — и его стали звать амир аль-Гарб... «повелитель Запада».¹⁸

Наместник в Кайруане послал Хабибу ибн Аби Убайде отчаянное повеление оставить Сицилию и со всей поспешностью вернуться бить мятежников. Другое послание он отправил правителю Испании, Укбе ибн Хаджаджу: прийти на помощь арабам Магриба. А оставшиеся в Африке арабские отряды он свёл в войско под началом Халида ибн Аби Хабиба, принадлежавшего к тому же роду, что и Хабиб ибн Аби Убайда, теперь сражавшийся на Сицилии. Это последнее войско отличалось тем, что в его рядах было много знатных арабов — рыцарей и всадников лучших семей, в том числе курайшитов Мекки и ансаров Медины. Войско выступило из Кайруана с задачей разделаться с Майсарой и кроваво покончить с его мятежом. Позже к нему должно было присоединиться войско, возвращавшееся с Сицилии.

Первым делом в этом ряду операций стал поход Укбы ибн Хаджаджа из Испании, хотя время и точное место действия не установлены. Он выступил с конным отрядом из Кордовы, высадился на африканском берегу и учинил разгром нескольким берберским группам, которые ему противостояли. Все были разбиты и загнаны Укбой в пустыню. Затем он вернулся в Испанию. Как это вписывалось в общую картину междоусобицы, неясно. Быть может, указания Укбе были туманны и всё оставляли на его усмотрение. Быть может, он опасался восстания в Испании и поспешил назад, чтобы его пре-

18. Ибн Хальдун, т. 6, с. 221; Ибн Абд аль-Хакам, с. 218. Джурайдж — арабская форма имени Георгий.

19. Ибн аль-Асир, т. 5, с. 70; Ибн Изари, т. 1, с. 53; Ибн Хальдун, т. 4.

дупредить. Если так, опасения его были справедливы: междоусобице вскоре предстояло перекинуться в Испанию.

Халид ибн Аби Хабиб выступил с новосозданным войском к Тахарту и стал лагерем у реки Шалаф, протекавшей под городом. Это было близ границы — смутной и неопределённой — между Ифрикией и Магрибом, уже по магрибскую сторону. Несколько дней Халид давал людям отдых. Затем он углубился в Магриб и на подступах к Тахарту столкнулся с Майсарой Презренным, который ждал его с главными силами берберского войска. Здесь обе армии дали тяжёлый бой: он бушевал весь день и к ночи кончился без решения.

Ночью Майсара по какой-то причине оставил лагерь, пока войско отдыхало, и вернулся в город Танжер. По возвращении непостоянные сторонники, возмущённые его поведением, набросились на него и убили. В этом эпизоде, быть может, было больше того, что записали ранние историки. Как бы то ни было, на место Майсары берберы избрали командиром Халида ибн Хумайда из племени заната. Этот Халид был полководцем куда более способным, чем Майсара, и тотчас принялся готовить блестящий удар ко второму дню битвы.

Утром борьба возобновилась между арабским войском Ифрикии и берберским войском Магриба; обоими командовали Халиды. Когда бой достиг высшего ожесточения, арабов внезапно ударила с тыла мощная конная часть под личным началом Халида ибн Хумайда. Внезапность была полной. Арабы потеряли равновесие и уже не вернули его. Войско их было искалечено, смято, изрублено. Халид ибн Аби Хабиб и его арабские военачальники, храбрые и благородные до конца, презрели бегство и бились до последнего; каждый из них сложил голову с окровавленным мечом в руке. Цвет арабского рыцарства погиб в этой битве, отчего она и стала известна как битва Знати. Она произошла в начале 123 г. х. (конец 740 — начало 741 года).

Хабиб ибн Аби Убайда, спешно возвращаясь с Сицилии, прибыл в Тахарт и узнал о беде, постигшей арабов у Танжера. Он остался в Тахарте, не желая рисковать встречей с победоносными берберами.

Мятеж теперь стал полномасштабной междоусобной войной, охватившей Магриб. Места, дотоле знавшие мир и согласие, взорвались насилием. Арабские военачальники и прочие тяжко пострадали от рук берберов, а те, кому посчастливилось не быть схваченными и убитыми, стремглав бежали

в Кайруан. Это был второй тур междоусобицы, и его тоже выиграли берберы.

В Кайруане царило смятение. Арабы негодовали из-за того, что случилось с их братьями у Танжера. Едва ли нашлась семья, которая не потеряла близкого в битве Знати. Народ восстал против наместника, согнал его с должности и выгнал из города. Уходящий наместник, Убайдуллах ибн аль-Хабхаб, теперь человек сломленный, отбыл в Дамаск в апреле (раби аль-авваль 123 г. х.).²⁰

В столице царили тревога и уныние. Мусульмане с тревогой смотрели, как берберская угроза нарастает, и ждали прихода нового наместника со свежим войском, которое спасло бы Ифрикию от надвигающихся берберских полчищ.

Хишам ибн Абд аль-Малик, один из сильнейших омейядских правителей, с возрастающим гневом слушал рассказы о битве, истребившей его арабских всадников и знать Аравии. «Клянусь Аллахом! — поклялся халиф. — Я покажу им гнев араба. Я пошлю против них войско, голова которого будет уже у них, а хвост — ещё у меня!»²¹

В Сирии наспех было собрано войско. Численность его составляла 12 000 человек, из которых 10 000 были отборным ядром.²² Иные цифры указывают, что было 6 000 собственно сирийцев плюс 3 000 арабов из округа Киннасин.²³ Халиф назначил Кулсума ибн Ияда из племени кушайр командующим новым войском и наместником Ифрикии и Магриба и поручил ему отвоевать Магриб и восстановить на этой территории мусульманскую власть. Кулсум был стар, и халиф предусмотрительно установил порядок преемства. Если Кулсум будет убит или иным образом выведен из строя, командование войском перейдёт к его племяннику, Бальджу ибн Бишру, а если погибнет и тот — к Салабе ибн Саламе.²⁴

Войско выступило из Сирии в мае 741 года (джумада аль-ахира 123 г. х.). По пути Кулсум принял отряды арабских воинов из Египта, из Барки и Триполи (в нынешней Ливии) и в рамадан (июль — август) прибыл в окрестно-

20. По некоторым источникам, халиф сам отрешил Убайдуллаха ибн аль-Хабхаба от должности и отозвал его из-за неудачи арабов в Магрибе.

21. Ибн аль-Асир, т. 5, с. 70; Ибн Изари, т. 1, с. 54.

22. Ибн Изари, т. 1, с. 54–55.

23. «Ахбар маджмуа», с. 31.

24. Маккари, т. 3, с. 20; «Ахбар маджмуа», с. 30. Один историк (Ибн Изари, т. 1, с. 54) говорит, что Бальдж был двоюродным братом Кулсума. Скорее он был его племянником.

сти Кайруана. Войско пробыло здесь месяц, отдыхая и перестраиваясь, и отпраздновало ид аль-фитр (19 августа 741 года), которым завершается месяц поста.

Вскоре после прибытия между сирийскими и африканскими арабами вспыхнула война слов; причиной её было надменное и вспыльчивое поведение Бальджа, второго начальника. Это вызвало суровое письмо Хабиба ибн Аби Убайды, стоявшего лагерем в Тлемсене, в восточной части Магриба, откуда он следил за передвижениями берберов. Хабиб грозил обратить своё войско против сирийцев, если Бальджа не обуздают. Кулсум, стареющий командующий сирийской силой, принёс свои извинения, и кризис миновал.

Войско двинулось дальше, к Тлемсену, где соединилось с силами Хабиба, и общая численность армии достигла 30 000.²⁵ Здесь грубое и заносчивое поведение Бальджа снова привело к смуте. Дело едва не дошло до поединка между ним и Хабибом, и у Кулсума на руках едва не вспыхнула другая междоусобица — на этот раз между сирийцами, с одной стороны, и египтянами и африканцами — с другой. Взяли верх более мудрые советы, и вооружённое столкновение было едва предотвращено, но горькое чувство раздора, посеянное Бальджем, продолжало отравлять отношения между двумя группами. По некоторым рассказам, сам Кулсум вступил в войну слов и употреблял оскорбительные выражения против Хабиба. Этот раздор был одной из причин военной катастрофы, которая последовала.

Следующий переход, в котором авангард вели Бальдж и его сирийская конница, привёл арабов в область Танжера, где их ждало огромное берберское войско под началом Халида ибн Хумайда, победителя битвы Знати. Месту предстоявшей битвы давали разные имена: Матлуба,²⁶ Бакдура,²⁷ долина Субу, или Себу,²⁸ долина Сува.²⁹ Точное место указать трудно. Есть небольшая река по имени Себу, текущая мимо нынешнего Феса, и разумно предположить, что битва произошла в этом краю, близ города или селения под названием Бакдура. Поскольку это входит в округ Танжера, не будет ошибкой назвать её битвой при Танжере.

25. В некоторых сообщениях приводится преувеличенная цифра в 70 000, что явно невозможно (Маккари, т. 3, с. 20; «Ахбар маджмуа», с. 31).

26. Ибн Абд аль-Хакам, с. 218.

27. «Ахбар маджмуа», с. 32.

28. Ибн Изари, т. 1, с. 55; Леви-Провансаль, с. 28.

29. Ибн Хальдун, т. 4, с. 406.

На этом поле, в зу-ль-хиджа 123 г. х. (октябрь — ноябрь 741 года), 30 000 искушённых, хорошо снаряжённых арабов стояли против бесчисленной орды плохо вооружённых берберов, большинство которых было обнажено выше пояса. Арабы потерпели сокрушительное поражение. Нам говорят, что треть их погибла, треть была взята в плен и лишь треть ушла. Кулсум и Хабиб и множество арабских военачальников сложили головы. Уцелевшие египтяне и африканцы пробились назад в Кайруан, а сирийская конница численностью 10 000 под началом Бальджа — сам он был ранен — оказалась отрезана от остальных и должна была отходить на север, к Сеуте, под тесным преследованием берберов.³⁰

Бальджу пришлось дать несколько боёв под Сеутой, чтобы отбить нападения берберов; в большинстве из них арабы брали верх над противником, но в конце концов его загнали в город. К счастью для арабов, место это было чрезвычайно трудно для приступа — и по замыслу природы, и по искусству человека: город стоял на мысе, выдающемся в море, и был хорошо укреплён инженерами прежних поколений. В Сеуте Бальдж и его сирийцы нашли убежище. Радость, однако, была недолгой: вскоре после прибытия они обнаружили, что в городе мало припасов, а берберы пришли и уничтожили посевы и прочие источники продовольствия за городскими стенами. Затянулась осада надолго, их голодом принудили бы к сдаче. С Бальджем были двое знатных людей: друг, назначенный ему преемник, — Салаба ибн Салама, и враг — Абд ар-Рахман, сын того Хабиба ибн Аби Убайды, который погиб в недавней непродуманной и дурно проведённой битве.

Это был третий тур междоусобицы, и его тоже выиграли берберы.

Пока Кулсум шёл навстречу своей несчастной гибели под Танжером, группы берберов восстали в других частях Северной Африки против арабских правителей. Одна группа еретиков напала на Кайруан, но была отбита. С этой группой был Тариф ибн Малик, первый мусульманин, ступивший на землю Испании до вторжения Тарика, но после отпора под Кайруаном он удалился в Тамсну, в Магрибе, где был избран вождём и несколько лет правил своим племенем до самой смерти. Сыновьям его и сыновьям их сыновей предстояло продолжать борьбу против арабов в Северной Африке.

Тотчас после этого случая другое большое берберское войско собралось у Габеса, к югу от Кайруана, под вождём по имени Уккаша ибн Айюб.

Малый гарнизон Кайруана храбро выступил сокрушить мятежников, но был сокрушён сам, и остатки его хлынули назад в Кайруан, где заперлись за укреплениями. Случилось это в конце 123-го или в первые недели 124 г. х. (он начался 15 ноября 741 года). Положение арабов в Кайруане было и впрямь мрачным.

К этому времени халиф назначил нового наместника Африки и Магриба — храброго воина и добродетельного мусульманина по имени Ханзала ибн Сафван, который до этого назначения был правителем Египта. Ханзала выступил с другим войском и прибыл в Кайруан в раби аль-ахир 124 г. х. (февраль — март 742 года). Если за несколько месяцев до того положение было отчаянным, теперь оно стало ещё отчаяннее. Арабы оказались зажаты двумя огромными полчищами: одно, под Уккашей, стояло в нескольких милях к югу, у аль-Карна, другое, под Абд аль-Вахидом ибн Язидом, — в нескольких милях к северу, у аль-Аснама. Этот Абд аль-Вахид недавно провозгласил себя халифом в Тунисе. Оба войска ревностно готовились взять Кайруан приступом и разграбить мусульманскую столицу Северной Африки, но соперничество двух полководцев мешало им согласовать действия друг с другом.

Ханзала избрал смелый и классический замысел: бить врагов поодиночке. Он собрал каждого боеспособного мужчину и даже многих женщин, которым предстояло служить резервом, обрушился на войско Уккаши, разбил его и отогнал с большим кровопролитием. Затем он без минуты промедления обратился против Абд аль-Вахида, и войско Абд аль-Вахида тоже было повержено в кровавой схватке. Оба мятежных полководца были убиты, а сторонники их рассеяны, потеряв, по одному источнику, невероятное число — 180 000 человек.³¹

Это был первый успех арабов с тех пор, как два года назад началась междоусобица. Это был четвёртый тур междоусобицы, и выиграли его арабы.

Междоусобице в Северной Африке вскоре предстояло принять новый оборот — благодаря неуместному честолюбию, энергии и искусству Абд ар-Рахмана, сына Хабиба ибн Аби Убайды, павшего вместе с Кулсумом при Танжере. Абд ар-Рахман пережил ту битву и при отступлении оказался среди сирийцев Бальджа, человека, которого горячо не любил. С Бальджем

30. Ибн Абд аль-Хакам, с. 219.

31. Ибн Изари, т. 1, с. 58.

он отправился в Испанию (как рассказано в следующей главе) и оставался там в надежде, что представится случай, которым он сможет воспользоваться, чтобы захватить власть над Испанией: в завоевании её отец его был одним из главных военачальников Мусы ибн Нусайра. Отсутствие такого случая оставляло его в досаде, и два года спустя он вернулся в Африку. Он высадился в Тунисе в январе 744 года (раби аль-авваль 126 г. х.).

Здесь он отбросил всякую видимость дружбы и верности наместнику и сделал заявку на власть. Он призвал народ следовать за ним и признать его господином. Так и поступили жители Туниса и соседних округов — отчасти из восхищения его подлинными воинскими достоинствами, отчасти из великого уважения, которым его семья пользовалась в Северной Африке. Абд ар-Рахман дал знать наместнику, что берёт власть и не потерпит противодействия. Сначала Ханзала думал выступить против него, но его удержали два обстоятельства: отвращение к пролитию мусульманской крови и ухудшавшееся положение омейядского халифата в Сирии. Не желая начинать новую междоусобицу, он покинул Кайруан в марте 744 года (джумада аль-уля 126 г. х.) в сопровождении группы единомышленников, намереваясь вернуться в Дамаск.³² Покидая Кайруан, он молился Богу и проклял Абд ар-Рахмана и народ Ифрикии. Ханзала был благочестивым и набожным мусульманином, о котором верили, что молитвы его всегда бывают услышаны.³³ На этот раз за проклятием Ханзалы последовали семь лет голода и мора и ещё многие годы жестокой распри, уже унесшей бесчисленные жизни.

Месяц спустя после отъезда Ханзалы Абд ар-Рахман с торжеством въехал в Кайруан. Многие с радостью и удовлетворением вспоминали, что город за три поколения до того выстроил его прадед, Укба ибн Нафи.³⁴ Халиф в Дамаске, Марван, Осёл, которому предстояло стать последним правителем омейядской династии, был слишком обременён бедами ближе к дому, чтобы тревожиться о Северной Африке. Перемену в Кайруане он принял как совершившийся факт и утвердил Абд ар-Рахмана в должности наместника Африки и Магриба. Позже, когда омейядский халифат пал и к

32. Некоторые историки относят это событие годом позже (Ибн Изари, т. 1, с. 60).

33. Ибн Изари, т. 1, с. 60.

34. Строительство Кайруана описано в книге автора «Мусульманское завоевание Египта и Северной Африки».

власти пришли Аббасиды, Абд ар-Рахман ответил тем, что послал заверение в верности ас-Саффаху, новому аббасидскому халифу в Багдаде.

Но покоя Абд ар-Рахману не было. Междоусобица продолжалась не только между бербером и арабом, но и между арабом и арабом. Новый наместник и его полководцы всегда были в движении, перебрасываясь с поля на поле, подавляя один мятеж за другим и заново утверждая власть над Северной Африкой. Им пришлось вернуть Триполи, Тлемсен и многие другие места, где берберы захватили власть. В промежутках между этими действиями Абд ар-Рахман находил время для набегов на Сицилию, Сардинию и южный берег Франции. Всюду, куда ни шли он и его полководцы, усилия их увенчивались успехом и враги бывали разбиты, но поднимались иные враги оспаривать их власть. Абд ар-Рахман подчинял Ифрикию и Магриб лишь затем, чтобы видеть, как они снова распадаются в мятеже. Таким оставался порядок до конца его жизни — до насильственной смерти от рук собственных братьев, десять лет спустя после прихода к власти.

Междоусобице предстояло длиться несколько поколений. Однако дела Северной Африки нас больше не занимают. Мы оставим теперь этого Абд ар-Рахмана с его торжествами и испытаниями, но ещё вернёмся к нему, следя за скитаниями другого Абд ар-Рахмана, беглого царевича.

ГЛАВА 6

Междоусобица в Испании

Звосемь лет, прошедших между битвой при Пуатье и началом междоусобицы в Северной Африке, мусульманам в Испании почти не было покоя. Новому правителю, Абд аль-Малику ибн Катану, хватало дела: он подавлял мятежников в северных горах, которые, ободрённые христианской победой во Франции, сделали заявку на независимость. Первым воспользовался затруднением мусульман Пелайо, каудильо астурийцев. Он вышел из Пиков Европы и принялся грабить далеко и широко по провинции Астурия. В сочувствии этому движению христиане Васконии тоже восстали против мусульман, и Памплона разорвала договор, заключённый с завоевателями во время первого мусульманского завоевания.

В 733 году, на следующий год после Пуатье, Абд аль-Малик провёл широкие действия на севере. Васкония была покорена, баскские мятежники рассеяны с тяжёлыми потерями, Памплона отвоёвана и теперь занята мусульманским гарнизоном. В Астурии с партизанами Пелайо бились и выбили их с каждого холма и из каждой долины, пока их вождь не был вынужден отойти к Кангас-де-Онис, готовый юркнуть назад в Пики Европы, если мусульмане подойдут ближе. Дальше мусульмане не пошли: местность была слишком трудна. Вместо этого они двинулись во Францию в набег на Септиманию, но здесь успех от них ускользнул. Новой неудачей стало то, что на обратном марше через Пиренеи христианские горцы тревожили мусульманскую колонну и нанесли ей некоторый урон.

Мусульмане в Испании скоро устали от нового правителя: в нём они нашли сурового и жестокого властителя.¹ Абд аль-Малик не принёс мусульманам большого успеха сверх того, что держал мятежников в узде. Поход во Францию кончился на несчастливой ноте, и люди стали верить, что он родился под злой звездой и не принесёт Испании добра. Они пожаловались на это халифу в Дамаске, и тот повелел отрешить правителя. На его место наместник Северной Африки назначил нового правителя Испании, по имени Укба ибн Хаджадж, который вступил в должность в ноябре 734 года

1. Маккари, т. 1, с. 236.

(шавваль 116 г. х.). Укба нашёл, что Абд аль-Малик — жертва несчастья, а не виновник дурного предводительства, и, чтобы воздать должное неудачливому полководцу, послал его на север командовать пиренейской границей.

Укба был смелым и преданным воином и немалую часть времени проводил в Септимании, усиливая укрепления Нарбонны и совершая набеги в Бургундию. Когда он не действовал в Септимании и Бургундии, он гонялся за партизанами в Астурийских горах. Однако схватить Пелайо ему не удавалось: тот при нажиме уходил в свою горную твердыню и выходил снова, когда нажим ослабевал. Мятеж на севере всё ещё тлел, когда Укбе пришлось переправиться в Северную Африку, чтобы разделаться с берберскими мятежниками, как рассказано в предыдущей главе.

Спустя некоторое время после возвращения в Испанию Укба тяжело заболел. Будучи уверен в близкой смерти, он назначил Абд аль-Малика своим заместителем. Укба умер в Кармоне в январе 741 года (сафар 123 г. х.), и Абд аль-Малик во второй раз оказался правителем Испании.² Из-за междоусобицы, бушевавшей в Северной Африке, ни у кого из высшей власти не было времени решить, оставаться ли Абд аль-Малику правителем страны, от должности которой он был отрешён более шести лет назад.³

Прошло лишь восемь или девять месяцев с возобновления его власти, когда Абд аль-Малик получил жалобный зов о помощи от Бальджа, осаждённого в Сеуте берберами после поражения арабов при Танжере. Бальдж и его сирийские воины умирали от голода. Можно ли им переправиться в Испанию и укрыться у арабских братьев? Ответ Абд аль-Малика был ясным и категорическим: нет. Сирийцы могут оставаться в Сеуте и умереть голодной смертью или встретить почётный конец от рук свирепых берберов.

Прежде чем проследить ход междоусобицы в Испании, читателю важно узнать кое-что о глубинных причинах конфликта. Это были глубокие племенные разделения в арабском обществе: одни существовали с незапамятных времён, другие выросли из событий более близких. Материя сложная, с

2. По некоторым источникам, Укба умер в Кордове.

3. О смерти Укбы есть разные сообщения: от того, что он пал мучеником во Франции (Ибн Изари, т. 2, с. 29), до того, что народ или Абд аль-Малик отрешили его и убили (Ибн Изари, т. 2, с. 30; Маккари, т. 1, с. 236). Здесь принята наиболее вероятная версия событий (Дози, с. 138; Конде, т. 1, с. 118; Ибн Изари, т. 2, с. 309; Маккари, т. 1, с. 236). Есть и разноречивые сообщения о дате его смерти — от 121 до 123 г. х. Верна последняя: она укладывается в последовательность событий.

запутанными разветвлениями, но здесь читателю предлагаются лишь некоторые основные факты — чтобы он мог понять ход войны, не погружаясь в подробности и не путаясь по пути.

Первоначально арабы принадлежали к двум разным корням. Были южные арабы, колыбелью которых был Йемен; они происходили от Кахтана (Иоктан Библии — Бытие, 10:25).⁴ Были северные арабы, населявшие Хиджаз и Центральную Аравию; они происходили от Исмаила, сына пророка Ибрахима. С последующим ростом населения эти две группы стали уже не племенами, а народами, и каждый включал много племён.

В раннюю пору христианской эры происходили переселения арабов, особенно из Йемена. Южные арабы шли на север: одни — в Центральную Аравию, другие — в Ирак, третьи — в Сирию. Часть северных арабов тоже двинулась на север, то есть ещё дальше к северу, так что в большинстве областей оказалась смесь обоих народов, хотя в том или ином краю первенство держал один из них. Каков бы ни был путь переселения и оседания, вражда между двумя группами держалась на высокой ноте и редко ослабевала.

Оба народа известны под разными именами. Северных арабов называли мааддитами, или мударитами, или низаритами, или кайситами; последнее — одно из крупных племён этого народа, а другие значительные — курайшиты, бакр, рабаи, таглиб и тамим. Святой Пророк принадлежал к курайшитам Мекки. Южных арабов называли йеменитами, или химьяритами, или кальбитами; последнее — ведущее племя южных арабов, а другие значительные — азд, кинда, гассан Сирии, лахм Ирака, хузаа Мекки и аус и хазрадж Медины. Для простоты мы будем называть оба народа мударитами и йеменитами. Вторые склонялись к шиитскому взгляду, первые были правоверными суннитами,⁵ хотя и здесь было много исключений.

С подразделением на племена, колена и роды и с рассеянием по Аравии, Сирии, Ираку и Йемену арабы составляли путаную мозаику, части которой неразрывно перемешаны. В каждом краю были элементы обеих групп, и соперничество их и вражда были живы и действенны. В Сирии господствующим элементом арабского населения были кальбиты, то есть йемениты. Именно йемениты сыграли главную роль в окончательном покорении

4. Хитти, с. 280.

5. Там же, с. 502.

Северной Африки и в завоевании Испании при Мусе ибн Нусайре, который сам принадлежал к этой стороне.

С приходом пророка Мухаммада (мир ему) вражда между двумя группами ослабла. Его усилиями возникло великое братство не только арабов, но и мусульман, в котором расовые и племенные привязанности были подчинены общему благу ислама. Но Святой Пророк сумел лишь подавить племенную вражду, а не устранить её. Она продолжала тлеть. Через пятьдесят лет после его смерти она вспыхнула снова, и знаком её стала битва при Мардж-Рахите, происшедшая близ Дамаска в 684 году. В ней Марван, известный как «Злая нить»,⁶ во главе йеменитов разгромил мударитов, сделался халифом и основателем марванидской ветви омейядской династии. Битва вновь разожгла вражду во всей её ярости. Мардж-Рахит не был забыт и в известном смысле был сыгран заново в Испании полвека спустя.

Таково было главное разделение арабов на два народа. Были и другие разделения, не менее горькие и не менее разрушительные. Например, за год до Мардж-Рахита Язид, дьявольский второй халиф дома Умайи, послал войско напасть на священный город Медину и побоями принудить жителей к покорности. Жители Медины были вырезаны в битве при Харре, происшедшей близ города. Среди мёртвых было 700 человек из благородных семей мухаджиров и ансаров, в том числе последний из ветеранов битвы при Бадре, и ещё 10 000 других.⁷ Любимый город Мухаммада был разграблен и разрушен, а жёны и дочери верных поруганы сирийскими солдатами. Мечеть Пророка превратили в конюшню, а жителей увели как «рабов Язида» и в самом деле продали на рынке.⁸

Это было в 683 году. Затем сирийцы пошли на Мекку и обстреляли город камнемётами, метавшими огненные снаряды. Эти мусульмане в самом деле сожгли и разрушили святую Каабу, дом Бога. Жителей Мекки от ужасной участи их братьев в Медине спасла лишь смерть злого Язида, за которой войско его тотчас вернулось в Сирию.

Многим жителям Медины, некогда прекрасной столицы ислама, а теперь опустошённых развалин, удалось вырваться из рук сирийцев. Они добрались до Северной Африки и вступили в войско Мусы ибн Нусайра. Они

6. Масуди. «Мурудж», т. 3, с. 95.

7. Абу-ль-Фида, т. 1, с. 192; Ибн Кутайба, т. 1, с. 185.

8. Масуди. «Мурудж», т. 3, с. 79.

сражались в Северной Африке, участвовали в завоевании Испании и осели на новозавоёванной земле постоянными жителями. С годами мединцы заняли видное положение среди мусульманского населения Испании.

Третьим обстоятельством, которому теперь предстояло вызвать раскол среди арабов в Испании, было привычное различие старых переселенцев и новых. Старые переселенцы, называемые балади (что значит «люди земли»), были первоначальными завоевателями или теми, кто вскоре за ними последовал в Испанию. Они вкушали плоды победы, добытой их мечами. Они приобрели имущество и иные выгоды и ревниво эти выгоды стерегли. Новые переселенцы, или возможные новые переселенцы, были теми сирийцами, которые пришли в Северную Африку и грозили переправиться в Испанию, чтобы делить там добычу с завоевателями, не сражавшись за неё. На деле их позорно разбили берберы и загнали в Сеуту.

Итак, разделения, которым предстояло питать междоусобицу в Испании, были таковы: берберы против арабов, йемениты против мударитов, сирийцы против мединцев и старые переселенцы против новых. Бальдж, теперь в Сеуте, был кайситом (то есть мударитом), сирийцем и новым переселенцем. Абд аль-Малик в Кордове тоже был мударитом, но притом старым переселенцем и мединцем. Сорок лет назад он сражался при Харре, у Медины, уцелел и не собирался привечать сирийцев в Испании.

Сирийцы в Сеуте, на северо-западной оконечности Африканского материка, с тоской смотрели через синие воды пролива, отделявшего их от Испании. Положение их было ужасным. Еда кончилась. За защитной стеной, отделявшей мыс от африканского материка, кишели бесчисленные берберы, так сказать точившие ножи. Они уничтожили все посевы в окрестностях Сеуты и забрали скот, чтобы пища не попала в руки арабов, даже если те попытаются сделать вылазку. Гонимые голодом, сирийцы зарезали коней и ели их мясо. Затем есть стало нечего.

Бальдж ибн Бишр послал в Кордову письмо, умоляя Абд аль-Малика ибн Катана о помощи. Он объяснил, в какой крайности оказались сирийцы, жалкое состояние своих воинов, которые были в полном отчаянии и умирали голодной смертью. Он просил дозволения переправиться им в Испанию и соединиться с братьями-арабами и просил лодок, чтобы перевезти их. А пока — нельзя ли получить немного продовольствия, только чтобы остаться в живых?

С Бальджем в Сеуте был Абд ар-Рахман ибн Хабиб. В битве при Танжере он был оторван от собственного рода фихритов и увлечён потоком сирийского отступления в Сеуту. Захват им власти в Кайруане, описанный в предыдущей главе, должен был случиться тремя годами позже. Пока же он находился в Сеуте в обществе полководца, которого ненавидел, и среди воинов, чьего присутствия в Северной Африке резко не одобрял.

Когда Абд ар-Рахман узнал о просьбе о помощи, посланной Бальджем в Испанию, он сам тайно переправился через пролив и встретился с Абд аль-Маликом в Кордове. Правитель был его двоюродным братом. Совет, который Абд ар-Рахман дал брату, — ни в коем случае не позволять сирийцам высадиться на полуострове, потому что они захватят землю, — был совершенно излишен: Абд аль-Малик и так держался того же взгляда. Сверх того, отвращение его к сирийцам за ужасы, содеянные в Медине, было не меньше страха перед тем, что они сделают, оказавшись в безопасности в Испании. И ответ его Бальджу был отрицательным. Он не пустит сирийцев в Испанию и не пошлёт в Сеуту никаких судов. Он не пошлёт даже пищи.

Некий знатный и богатый араб, живший на юге Испании, — Зияд ибн Амр из племени лахм — всё же добро отозвался на сирийскую просьбу о помощи и послал через пролив две лодки продовольствия. Но когда Абд аль-Малик узнал, что сделал этот добрый человек, он присудил ему 700 ударов плетью, а позже, обвинив в попытке разложить войско, велел ослепить беднягу, затем казнить, затем пригвоздить к кресту, а справа так же пригвоздить собаку.⁹ После этого никто не смел посылать пищу сирийцам, голодавшим в Сеуте, жалкого конца которых правитель Испании ждал и предвкушал с нескрываемым удовольствием.

Но обстоятельствам суждено было решить иначе. Огонь берберского мятежа, только что вспыхнувшего на северо-западе страны, наступал, чтобы охватить и уничтожить остальную арабскую Испанию. Берберская часть изготовилась ударить по самой Кордове.

Берберское восстание в Испании было сходно с североафриканским и последовало за ним как цепная реакция. Берберы полуострова слышали, что сделали их собратья в Северной Африке и как успешно это вышло, и желали последовать их примеру. Причины были те же — религиозные, политические, общественные; они уже описаны в предыдущей главе, и

9. Маккари, т. 3, с. 20.

повторять их незачем. Дополнительным обстоятельством, которое могло здесь сыграть роль, было якобы несправедливое разделение добычи между арабами и берберами. Говорили, что после завоевания арабы заняли лучшие части Испании — города, плодородные долины, прибрежную равнину, — а берберам оставили более бедные края на западе и северо-западе: Эстремадуру, Галисию. Это утверждение, на котором часто настаивают западные писатели, есть преувеличение и не могло быть главной причиной.

Берберы были поселены не только на западе и северо-западе. Они были поселены и в частях центральной Испании, и в южном краю — в Севилье, Фронтере и Медине-Сидонии. А если кто-то из них оказался в горных областях страны, то потому, что эти области походили на местность Северной Африки, откуда они пришли. Берберы были дома в горах и в пустыне. Городскими людьми они не были. Как бы то ни было, какова бы ни была правда этого утверждения, причин хватало, чтобы в Испании начался взрыв, и взрыв произошёл на севере, в Галисии, откуда ударные волны пошли на юг и на восток.

Берберы восстали в том, что мусульмане называли Галисией: это была не нынешняя Галисия, а область, охватывавшая Астурию и округа, известные как Леон и Асторга. Мятеж, которому предстояло обратиться в короткую и кровавую междоусобицу, быстро перекинулся в другие края, где берберы были в большинстве. Эти края, кроме Галисии, были таковы: на севере — горная область к западу от Сарагосы; в центре — хребет гор Гуададрамы; на западе — Мерида и Кория (Касерес). Берберский край образовывал в Испании дугу: север — северо-запад — запад. Сарагоса осталась незатронутой, потому что здесь арабы были в большинстве, а берберов не хватало, чтобы оспаривать их власть.

Берберы избрали себе вождя, которому предстояло быть их главнокомандующим. Он был из племени заната, но имя его до нас не дошло. Случилось это в 740 году. Берберы наступали к центру и югу Испании, убивая арабов на своём пути и гоня прочих перед собой. Вождь свёл имевшиеся силы в три части. Одна из них наступала с запада на округ Медины-Сидонии, чтобы захватить южную прибрежную область и преградить движение арабов в Северную Африку и из неё. Вторая шла в направлении Кордовы и сосредоточилась к северу от столицы. Третья, и это была самая крупная из частей, перешла реку Тахо и осадила Толедо. Абд аль-Малик ибн Катан, правитель Испании, бросал против берберов разные полки, чтобы остано-

вить их наступление, но все были отбиты или отброшены в сторону, и медленное, но неумолимое наступление берберов продолжалось.

В Кордову теперь стекались арабские беглецы. Правитель был серьезно озабочен своей столицей, которой грозила центральная часть берберов. Он вызвал подкрепления из приморских округов, которым берберы прямо не угрожали, и наспех собрал часть, которую затем послал биться с мятежниками и рассеять их к северу от города. Это войско тоже было разбито и отступило к Кордове. Теперь в уме правителя не осталось сомнения: арабам в Испании грозит истребление, если они не получают помощи извне. Единственной доступной помощью были сирийцы в Сеуте. Как теперь видел Абд аль-Малик, сирийцы не могли быть так плохи, как берберы, и уж конечно были меньшим из двух зол. К тому же эти сирийские арабы были прекрасными воинами, а Бальдж — способным и опытным полководцем.

Проглотив гордость, правитель Испании написал полководцу сирийцев. Он позволит им переправиться в Испанию, если они поклянутся не оставаться в стране больше одного года и по истечении его вернуться в Северную Африку, и если дадут заложников в обеспечение своей доброй воли. Голодающие сирийцы и их голодающий полководец охотно согласились на эти условия. Был теперь сентябрь 741 года (зуль-када 123 г. х.). Через пролив послали суда, и 10 000 жалких сирийцев в рубищах ступили на землю Испании.¹⁰ Заложников передали чиновникам правителя и поместили на острове Умм Хаким, ныне островке под названием Исла-Верде в заливе Альхесираса. Здесь их предстояло держать под надзором.

Арабы Испании, то есть балади, встретили братьев с типичным арабским гостеприимством. Сирийцев накормили, одели, посадили на коней и дали им почувствовать себя дома. Сам Абд аль-Малик приехал в Альхесирас встретить Бальджа и предложить приветствие, на которое Бальдж ответил благодарностью. Каждый был искренен, и ни один не обманулся. Абд аль-Малик привёл с собой часть войска, и в Альхесирасе вся арабская сила была сведена в одну армию для битвы. Испанскими арабами командовали сыновья Абд аль-Малика — Умайя и Катан, а сирийцами — Бальдж. Это было войско сирийцев и балади, то есть новых переселенцев и старых; и это обстоятельство разъединения тоже скоро дало себя почувствовать.

Через несколько дней сирийцы рвались в дело, жаждая добаться руками до горла этих берберов, родичей тех других берберов, которые отколотили

их в Северной Африке и сделали их жизнь в Сеуте несчастной. Бальдж снова был в своей стихии: наступательный полководец, храбрый воин, гордый аристократ, презирующий врагов. Полного командования силой он не имел, но играл ведущую роль в ряде дел, которые последовали и которые кончились сокрушительным поражением берберской части в Вади-ль-Фатхе (долине Победы) близ Медины-Сидонии. Сирийцы взяли свою долю добычи и оказались обладателями большого количества трофеев — оружия, коней, рабов и товаров. Это вернуло им гордость; и по мере того как росла гордость, слабело их рвение сдержать клятву покинуть Испанию.

Следующая битва произошла немного севернее Кордовы, где была сосредоточена вторая берберская часть. Здесь мятежники тоже были наголову разбиты. После этой победы арабы двинулись на север, к Толедо, где арабские силы были в осаде у третьей берберской части. Мятежники поспешно сняли осаду, чтобы встретить наступающих арабов, и тяжёлый бой был дан в долине Салит (Гвадакалете), у небольшого потока, впадающего в Тахо с юга в нескольких милях к западу от Толедо. Здесь берберы потерпели третье и самое сокрушительное поражение: тысячи их погибли, а остальные бежали на север и на запад, и часть пути их преследовали быстрые колонны арабской конницы.

Берберское восстание в Испании было кончено. Они поднимутся снова противостоять арабам, но в другое время и в обстановке другой войны, не в этой междоусобице. Её выиграли арабы, и блеск славы пал главным образом на сирийцев, вынесших главную тяжесть боёв. Некогда оборванная и жалкая орда, просившая пищи и крова, они были теперь победоносным корпусом — хорошо вооружённым, хорошо посаженным на коней, сытым, с руками, полными добычи, храбро взятой у столь же храброго врага.

Арабы вернулись в Кордову. Был теперь примерно июль 742 года (рамадан 124 г. х.). Прошёл почти год с тех пор, как Бальдж высадился в Испании. Берберские мятежники были раздавлены, и Абд аль-Малик счёл, что сирийцам пора уходить.

Правитель Испании заговорил с полководцем сирийцев. Он сказал, что ему и его воинам пора покинуть страну и вернуться туда, откуда они пришли. Бальдж просил отправить их на берег Эльвиры (будущей Гранады) или в Тудмир (Мурсия), откуда они могли бы отплыть в Северную Африку.

В это время Кайруан и Тунис были для арабов безопасны благодаря победам Ханзалы ибн Сафвана, но Танжер и окрестные округа всё ещё были в руках берберов. Арабам было небезопасно идти туда иначе как мощной военной силой. Абд аль-Малик знал это слишком хорошо и хотел, чтобы сирийцы вернулись точно тем путём, каким пришли.

«Лодок у нас нет, кроме как в Альхесирасе», — сказал он полководцу. На это Бальдж взорвался: «Ты хочешь бросить нас берберам, чтобы они убили нас на своей земле!»¹¹

Совещание распалось. Сирийцы услышали об этом разногласии и были возмущены предложением правителя, которое вело к их истреблению от рук берберов. Выждав мгновение, когда вокруг было немного стражи, они схватили Абд аль-Малика и изгнали его из дворца, без церемоний препроводив в его дом в Кордове. Необычным был этот способ отрешить правителя Испании от должности и выставить за дверь. Абд аль-Малику нужна была помощь, но в это мгновение нужды йеменитская сторона испанских арабов его покинула. Абд аль-Малик был мударитом. Бальдж тоже был мударитом, но, к его счастью, победоносным и могущественным.

Теперь Бальдж с торжеством въехал во дворец, где сирийские воины избрали его правителем Испании. Между тем в Кордову пришла весть о дурном обращении в месте заключения с заложниками, которых сирийцы дали при высадке на берег Испании. Один из них умер от жажды. На это поднялся крик, требовавший крови Абд аль-Малика. В следующее мгновение — либо по приказу Бальджа, либо с его попустительства — сирийцы ворвались в дом Абд аль-Малика и выволокли его. Когда бедняга протестовал, они кричали ему: «Ты ушёл от наших мечей в битве при Харре и хотел отмщения, заставив нас есть наших животных и их шкуры. Потом ты хотел бросить нас на смерть!»¹²

Абд аль-Малик был стар, сед от лет; считали, что ему за девяносто, и видом он походил на страуса,¹³ но почтенная наружность не стяжала ему милости у безумной толпы сирийцев. Они убили его на равнине за Кордовой и распяли на кресте на берегу реки, близ великого моста через Гвадалквивир. Справа от него распяли свинью, слева — собаку. Тело несколько

11. Ибн Изари, т. 2.

12. Ибн Изари, т. 2, с. 31.

13. Маккари, т. 3, с. 21; «Ахбар маджмуа», с. 42.

дней гнило на кресте, пока однажды ночью рабы злосчастного тайно не сняли его и не унесли.

Место это стали затем называть местом распятия Абд аль-Малика. Несколько лет спустя сын Абд аль-Малика получил дозволение тогдашнего правителя Испании, Юсуфа ибн Абд ар-Рахмана, который сам был племянником Абд аль-Малика, выстроить мечеть там, где старика пригвоздили к кресту; но эта мечеть была разрушена в начале IX века во время некоторых смут. Затем место исчезло из памяти.

Бальдж ибн Бишр был теперь правителем Испании, но ему оставалось лишь несколько недель.¹⁴

Арабы Испании, то есть балади, ужаснулись тому, что было сделано с престарелым правителем народом, которому они позволили войти в свою землю, когда тот умирал от голода. Это сделал араб арабу. С тех пор как они высадились на полуострове тридцать лет назад, араб ещё не бился с арабом в Испании. Довольно было уже того, что берберы восстали против арабов; но чтобы арабы бились друг с другом в междоусобице — это было ужасно, воистину непростительно. Родилось чувство возмущения.

Это чувство использовал Абд ар-Рахман ибн Хабиб, который был с сирийцами при осаде Сеуты. Абд ар-Рахман был двоюродным братом Абд аль-Малика и теперь получил поддержку двух сыновей убитого правителя, Умайи и Катана: те бежали из Кордовы, когда отца их выгнали из дворца. Они укрылись в Сарагосе, столице границы, которую пощадили бедствия междоусобицы и которая всё ещё была в арабских руках. Все собрались здесь, чтобы организовать противодействие сирийцам и собрать силы для действий против них.

Движущей силой противодействия Бальджу были фихриты, род прославленного Укбы ибн Нафи, завоевателя Магриба, к которому принадлежали Абд ар-Рахман ибн Хабиб и Абд аль-Малик ибн Катан.

В Сарагосе к балади присоединился сильный отряд под началом арабского командующего Нарбонны, Абд ар-Рахмана ибн Алькамы, которого в его время в народе звали «рыцарем Испании». К ним присоединились, как ни странно, и берберы, уцелевшие в недавнем деле под Толедо: теперь они

14. В некоторых сообщениях упоминается несколько стычек между Бальджем и Абд аль-Маликом, но наиболее надёжные источники излагают события лишь так, как здесь, не упоминая таких стычек.

составили общее дело с испанскими арабами, ища мщения сирийцам. Берберы питали надежду, что, разделавшись с сирийскими врагами, будут в лучшем положении, чтобы разделаться со всеми арабами, которые останутся в Испании. Эта странная коалиция сил, войско численностью 40 000 человек, наступала к Кордове.¹⁵

Бальдж вышел навстречу наступающему сонму. У него было 12 000 воинов, главным образом сирийцев, но также некоторые балади, связавшие свою судьбу с человеком, которого считали восходящей звездой. Две армии сошлись при Аква-Порторе, в округе Вальба, в нескольких милях к северу от Кордовы. Здесь в шаввале 124 г. х. (август 742 года) была дана кровопролитнейшая битва.

Балади и берберы показали то, что можно назвать лишь позорным зрелищем, — быть может, потому что были пёстрым сбродом без объединяющего действия единого побуждения и единого командира. Сирийцы же были сплочённой, хорошо ведомой дружиной под способным и ясным полководцем. Единственное заметное дело со стороны балади совершил Абд ар-Рахман ибн Алькама, командующий Нарбонны и рыцарь Испании. Он пошёл в атаку во главе своей нарбоннской конницы, прорвал сирийский фронт и добрался до Бальджа, сидевшего на белом коне. Он ударил Бальджа, смертельно ранив его и сбив с коня. Однако, несмотря на эту победу в единоборстве, балади были разгромлены сирийцами и в беспорядке согнаны с поля. Они потеряли 10 000 человек против 1 000 сирийцев, убитых в бою.¹⁶

Это была самая кровавая битва междоусобицы в Испании до той поры. Она показала, как качество предводительства и мужество и искусство воина могут возместить недостаток числа. Бальджу и его храбрым сирийским арабам это легло пером на шапку. Но если в военном смысле они заслужили хвалу, то с точки зрения мусульманской истории они заслужили противоположное. Междоусобица в Испании внезапно переменила характер: из столкновения бербера с арабом она стала столкновением араба с арабом, которому предстояло длиться более поколения, причинить мусульманам неисчислимы бедствия и серьёзно ослабить мусульманское дело в Испании перед лицом растущей христианской угрозы с севера. Впервые араб скре-

15. В некоторых сообщениях численность этого войска преувеличена до невозможной цифры в 100 000, включая 40 000 из Нарбонны.

16. Ибн Изари, т. 2, с. 32; Ибн аль-Кутийя, с. 16.

стил меч с арабом в Испании — благодаря сирийцам и особенно благодаря доблестному, но беспринципному Бальджу и позорному обращению с досточтимым Абд аль-Маликом ибн Катаном.

Но сам Бальдж подошёл к концу своего военного поприща. Через несколько дней после этой битвы он умер от ран. Прошёл месяц с тех пор, как он убил и распял Абд аль-Малика, и одиннадцать месяцев — с тех пор, как высадился в Испании. По его смерти сирийцы избрали нового полководца, а именно Салабу ибн Саламу, которого халиф назначил вторым в порядке преемства, когда посылал войско под Кулсумом в Северную Африку бить берберов. После гибели Кулсума при Танжере этот Салаба был следующим по преемству, согласно старому порядку, и теперь он и его сирийские сторонники чувствовали, что он — законный командующий в Испании. Это был ещё один удар по мусульманскому единству в Испании: рядом с этим человеком Бальдж был ангелом.

Салаба стал правителем Испании в августе 742 года (шавваль 124 г. х.) и, к счастью, оставался им недолго. Злобный нрав и злодейский характер он показал несколько месяцев спустя, когда вооружённое противодействие снова подняло голову — на этот раз в Мериде, на западе, и на этот раз местные берберы и балади соединились, чтобы сдержать власть сирийцев.

Салаба выступил против них и дал затяжной бой при Мериде. Сначала битва шла против сирийцев, но Салаба переломил её смелым внезапным ударом. Множество берберов и испанских арабов было убито, и 1 000 взято в плен вместе с жёнами и детьми. Этих пленников повели в Кордову, где число их вздулось более чем до 10 000 — с прибавлением беспомощных арабов, схваченных в столице за антисирийские чувства. Пленники и сирийское войско стали лагерем за городом, пока Салаба готовил ужасное зрелище на следующий день, а это была пятница.

Собралось огромное множество смотреть, как будет шутовской торг, за которым последует массовая казнь. Дело было после соборной молитвы. Пленников предстояло продавать не тому, кто даст больше, а тому, кто даст меньше. Среди тех, кого выставляли на торг как рабов, были двое старых и досточтимых мединцев. Когда зритель предложил по 10 динаров за каждого, глашатай возгласил: «Кто даст меньше?» Это шутовство шло к потехе сирийцев, пока одного из досточтимых граждан не продали за козла, а другого — за собаку. Других знатных людей из лучших семей Мекки и Медины так же продали тому, кто дал меньше.¹⁷ Так поношение и глумление были свалены на потомков тех, кто сподвижниками Святого Пророка утвердил ислам в мире.

Затем пришло время казни — не только оставшихся непроданных пленников, но всех пленников. Однако прежде чем она могла начаться, в лагерь въехал конный полк в 1 000 всадников во главе с Абу-ль-Хаттаром, новым правителем Испании, под знаменем халифа. Случилось это в пятницу, в мае 743 года (раджаб 125 г. х.).

За некоторое время до этого события несколько видных жителей Кордовы написали наместнику Северной Африки о положении дел в Испании. Это были разумные и умеренные граждане, не примыкавшие ни к одной из сторон; они опасались, что взятие власти человеком вроде Салабы лишь усугубит и без того опасное положение во вред мусульманам. Они просили наместника назначить правителем Испании хорошего человека, за которым стоял бы авторитет халифа.

Наместником в это время был Ханзала ибн Сафван. Он сверился с халифом Хишамом ибн Абд аль-Маликом и по указанию халифа назначил правителем Испании хорошего человека. Это был его двоюродный брат и уважаемый вельможа Дамаска, известный мужеством и прямоотой нрава, йеменин из племени калб, по имени Хусам ибн Зирар. Обыкновенно к нему обращались: Абу-ль-Хаттар.

Правитель взял с собой силу в 1 000 всадников и отплыл из Туниса. Высадившись на юго-восточном берегу полуострова, он поскакал в Кордову, нисколько не зная, что прибытие его совпадёт с ужасным зрелищем, устроенным Салабой. Чистым счастьем для 10 000 злосчастных жертв Салабы было то, что Абу-ль-Хаттар прибыл именно тогда и объявил народу,

17. Ибн Изари, т. 2, с. 34; «Ахбар маджмуа», с. 25.

кто он и что он такое. Авторитет халифа в Испании ещё уважали. Салаба и сирийцы, как и прочие присутствовавшие, почтительно приветствовали нового правителя, первым делом которого было освободить пленников.

Абу-ль-Хаттар залечил раны, нанесённые мусульманам в Испании междоусобицей. Из раздора и вражды он создал единство и согласие. Все стороны, все племена приняли его и согласились за ним следовать. Он был добр ко всем. Он объявил амнистию фихритам, роду покойного Абд аль-Малика ибн Катана, который был движущим духом недавнего нападения на Кордову и главной опорой противодействия сирийцам. Испания снова улыбнулась, несмело, — и к лучшему, ибо радости её суждено было быть недолгой.

Большой заботой правителя были теперь сирийцы. Они стояли здесь как непопулярная и нежеланная, но могущественная и весьма грозная отборная сила из многих округов Сирии, называемых джундами, или дивизиями, — то есть округами воинов-поселенцев, готовых к войне, как потребует правительство. В сирийском корпусе был даже отряд египетских войск. Останься они без дела и без награды, они обратились бы в шайки хищных солдат, грабящих беззащитных граждан, или составили бы политические стороны, которые делают правительства и ломают их. Присутствие их в лагере близ Кордовы как возможных смутьянов тревожно действовало на нового правителя. Их предстояло разделить, сломить их единство и поселить в состоянии достаточного довольства.

С этой мыслью Абу-ль-Хаттар распорядился рассеять их по разным округам и поселить на казённых землях в ленное держание. С местных земледельцев они брали бы треть урожая, которая иначе шла бы государству. Джунды, или дивизии, были поселены так:

Дивизия Дамаска: Эльвира (позже Гранада).

Дивизия Иордана: Райя (Арчидона и Малага).

Дивизия Палестины: Медина-Сидония (Херес).

Дивизия Эмессы: Севилья.

Дивизия Киннастрина: Хаэн.

Дивизия Египта: частью Бежа, но главным образом Тудмир (Мурсия).¹⁸

18. Ибн Изари, т. 3, с. 33; Ибн Хальдун, т. 4, с. 259; Ибн аль-Кутийя, с. 20. Амир Али (с. 116) говорит о более раннем поселении, при котором персы оказываются также в Хересе, а йеменцы (люди Йемена, не сторона йеменитов) — в Толедо. Это возможно, хотя источников он не приводит.

Абу-ль-Хаттар, кажется, обратил особое внимание на Тудмир (Ориуэла, позже Мурсия), где старый военный вождь, граф Теодомир, правил как почти независимый князь со времени первого мусульманского завоевания, за 30 лет до того.¹⁹ Граф даже ездил в Дамаск засвидетельствовать почтение халифу и получить подтверждение своего особого положения в исламском государстве Испании. Теперь он отдал единственную дочь в жёны Абу-ль-Хаттару, и в составе приданого арабский вождь унаследовал столь обширные владения, что потомки его прославятся в краю богатством и гостеприимством. Этим кончились и особые привилегии христиан Ориуэлы: со смертью Теодомира большая часть его имущества перешла к дочери и к Абу-ль-Хаттару. Преемник графа, Атаногильд, готский вельможа, но не родич Теодомира, был лишь номинальной фигурой, тенью своего прославленного предшественника.²⁰

Вычищая сирийцев из Кордовы, новый правитель вычистил из Испании и старого правителя. Он сказал Салабе и некоторым его клеветам, что считает их главной причиной трений и что в Испании им больше не рады. Их изгнали и с конвоем отправили в Северную Африку, откуда Салаба пробрался в Дамаск. Абд ар-Рахмана ибн Хабиба, хотя и не изгнали, встретили холодно. Он ждал случая вытеснить сирийцев и взять Испанию, к правлению которой давно стремился, но с приходом Абу-ль-Хаттара, облечённого авторитетом халифа, понял, что последний его шанс исчез. Поэтому он покинул Испанию и отплыл в Тунис. Захват им власти в Кайруане у Ханзалы рассказан в предыдущей главе.

Некоторое время всё шло хорошо. Затем природное местничество Абу-ль-Хаттара взяло верх, и он стал склоняться к йеменитам, которые и без того были главным элементом арабского населения Испании. Пристрастие его к этой стороне стало открытее, как и вражда к мударитам: многих из них отрешили от важных должностей. Неприязнь его к мударитам была, быть может, понятна, потому что за много лет до того его преследовал и пытал мударитский наместник Ифрикии.²¹

Грубое обращение с мударитами привело Абу-ль-Хаттара к столкновению с одним из виднейших их вождей — с тем, кому суждено было играть

19. Подробности битвы между Теодомиром и Абд аль-Азизом ибн Мусой описаны в книге автора «Мусульманское завоевание Испании».

20. Вилар, т. 1, с. 44–47.

21. Ибн Изари, т. 1, с. 50.

господствующую и часто вредоносную роль в делах Испании в следующие двенадцать лет. Это был ас-Сумайл ибн Хатим.

Ас-Сумайл был внуком Шамира ибн Зиль-Джаушана, человека, который убил внука Пророка, Хусейна, при Кербеле и отвёз его голову в Дамаск, чтобы положить к ногам Язида.²² Ас-Сумайл унаследовал кое-что от зла своего деда. Он пришёл из Сирии офицером войска, посланного халифом против берберов, и после поражения его при Танжере переправился с Бальджем в Испанию. Он был одним из главных вождей кайситов, командовал дивизией Киннастрина и после Бальджа был самым значительным мударитом в стране. Это был человек неграмотный, не умевший ни читать, ни писать, но обладавший плодовитым умом, и совершенный интриган. Он был поэт. Он был также очень популярен среди своих сторонников — благодаря щедрости, с какой их награждал, и особому умению обходиться с людьми. Он был сильно привержен вину и часто бывал пьян, но тем не менее это был человек необычайной жизненной силы и решимости.

Ас-Сумайл рассорился с Абу-ль-Хаттаром из-за дела, в котором правитель вынес несправедливый приговор в пользу йеменитов против мударитов. Он возразил правителю, но стража правителя без церемоний вышвырнула его из дворца.

Ас-Сумайл тотчас принялся за дело, чтобы свергнуть Абу-ль-Хаттара. Поскольку мудариты были в стране меньшинством, он сделал заявку на поддержку йеменитских племён лахм и джузам. Вождь джузам Суваба ибн Салама, командовавший дивизией Палестины, тоже держал зло на Абу-ль-Хаттара: тот отрешил его от должности командующего Севильи. Ас-Сумайл перетянул его на свою сторону, предложив поставить правителем Испании, как только Абу-ль-Хаттар будет устранён.

Заговорщики собрали силы и сосредоточились у Медины-Сидонии. Когда Абу-ль-Хаттар услышал об этом, он выступил из Кордовы, чтобы справиться с угрозой, но недооценил силу мятежников и потому не взял с собой достаточно большого войска. В битве на берегу Гвадалете (Вадилакка),²³ в 20 милях к северу от Медины-Сидонии, Абу-ль-Хаттар был разбит и взят в плен. Несколько дней спустя Суваба вступил в Кордову: рядом

22. В Пакистане это имя часто произносят как Шимр.

23. Некоторые писатели ошибочно помещают эту битву у Шакунды, смешивая её с более поздним делом, происшедшим в этом месте.

с ним был ас-Сумайл, а Абу-ль-Хаттар следовал в цепях. Победоносные воины — мудариты и йемениты — избрали Сувабу правителем. Случилось это в раджабе 127 г. х. (май 745 года), два года спустя после того, как Абу-ль-Хаттар въехал в Кордову новоизбранным правителем. Отныне Суваба будет правителем Испании, но лишь номинальным. Настоящая власть была в руках ас-Сумайла, чьи козни успешно привели к желанному для него концу.

Абу-ль-Хаттару удалось вырваться из тюрьмы с помощью сторонников, и он пробрался в Бежу, на западе страны, где собрал силы для войны против своих врагов. К нему примкнула большая часть йеменитского населения, и, когда он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы взяться за ас-Сумайла и Сувабу, он двинулся на Кордову. Был теперь конец 128 г. х. (осень 746 года).

Сирийцы и их йеменитские сторонники вышли из города навстречу Абу-ль-Хаттару. Сцена была готова для того, что обещало быть великой битвой. Однако, прежде чем могли начаться военные действия, ас-Сумайл послал в лагерь Абу-ль-Хаттара лазутчика разложить йеменитов, и человек этот сделал своё дело так искусно, что всё войско Абу-ль-Хаттара решило не давать боя силе, в которой было много их собратьев. Они покинули поле, уводя с собой протестующего командира. Абу-ль-Хаттар снова положил как можно больше расстояния между собой и Кордовой.

Вскоре после этого, в самом начале мухаррама 129 г. х. (ноябрь 746 года), Суваба умер своей смертью, и Испания осталась без правителя. Стороны ссорились. Йемениты хотели вернуть правителем Абу-ль-Хаттара. Мудариты хотели ас-Сумайла. Почти четыре месяца страна шаталась без правителя, на краю кровопролития. Затем способом изобретательным, и притом принятым всеми, кого дело касалось, народ избрал новым правителем Юсуфа ал-Фихри, сына Абд ар-Рахмана ибн Хабиба и двоюродного брата наместника Африки. Юсуфа сделали правителем на один год; он правил десять!

ГЛАВА 7

Последние вали

После смерти Сувабы ибн Саламы в начале мухаррама 129 г. х. (середина сентября 746 года) наступило безвластие. Партии, жаждавшие захватить власть, теснили друг друга, оспаривая место. Главными были мудариты и йемениты, но были и меньшие партии: они надеялись возвысить своих вождей и дать им вес и влияние. Как временную меру народ избрал правителем Абд ар-Рахмана ибн Кусайра, чтобы он вёл управление страной, пока не устроят порядок более прочный.

Для омейядского халифата на востоке начинался конец. Сила Аббасидов явно росла. Дамаску было уже не до событий на западных землях. Испания была как корабль без руля, и это тяжёлой заботой лежало на всех вдумчивых мусульманах, кого не ослепила партийная ненависть. Но в мусульманском обществе оставались недоверие и глубокие различия, на расовых и исторических основаниях, и они поддерживали вражду и держали людей врозь. Чувствовалась спешка и даже тревога: страна, спотыкаясь, шла к безначалию. Так прошло почти четыре месяца.

Затем разные группы собрались на съезд в Кордове. Дела государственные, и дела важные, решали вожди и главы родов, видные горожане, полководцы и чиновники. На съезде согласились, что власть будут делить две главные партии, а именно мудариты и йемениты, так, чтобы правители, избранные от партий, сменяли друг друга: год — мударит, затем год — йеменит, затем снова мударит, и так далее. Решение было очень разумное и очень справедливое, хотя и обходило берберов, самую многочисленную из мусульманских групп в Испании. Уговорились, что первый правитель будет мударит.

Мудариты обратились к ас-Сумайлу: он был бесспорно самый видный, самый сильный и самый способный из мударитских вождей в стране. Они хотели его себе в правители, но ас-Сумайл не желал принимать должность. Он знал, что мудариты в меньшинстве и всегда будут под гнётом. Он боялся, что начнутся неприятности, а если беда всё же грянет, ему сподручнее было бы управиться с нею закулисными ходами, а не выходить главным лицом на сцену. В кресле правителя мог сидеть подставной человек, а нити

держал бы он, настоящая власть. Подставного он уже выбрал — Юсуфа ал-Фихри, — и его предложение избрать Юсуфа правителем мудариты сразу приняли.

Избран был Юсуф ибн Абд ар-Рахман ибн Хабиб ибн Аби Убайда ибн Укба ибн Нафи. Он был праправнуком славного Укбы ибн Нафи, завоевателя Магриба и основателя Кайруана. Юсуф и родился в Кайруане, за пятьдесят семь лет до того, а в Испанию пришёл молодым человеком вскоре после завоевания. Его семья пользовалась уважением и любовью по обе стороны Гибралтарского пролива. Бану Фихр были родом курайшитов Мекки, первых мусульман, и потомков их высоко чтили все. Этот Юсуф был человек мягкий и кроткий, ко всем доброжелательный и ни к кому не злобный. Сверх того на нём вовсе не лежало клеймо партийности, какое лежало на столь многих. По способностям и по складу личности он был человек заурядный и бесцветный, и это устраивало ас-Сумайла и тех, кто хотел им вертеть.

Юсуф жил в мирном уединении в Эльвире. Вожди мударитов написали ему, известили о своём выборе и просили немедленно занять кресло правителя. К их удивлению, он отклонил приглашение. Это была помеха плану ас-Сумайла, но тот твёрдо решил заполучить своего человека. И вожди партии написали Юсуфу ещё раз, теперь уже предупреждая, что возможны раздор и междоусобная война и что, если война всё же вспыхнет, вина будет на нём. Юсуф не желал нести это бремя. Он принял зов. Ему предстояло быть последним из вали Испании. Слово «вали» в ранние дни ислама означало зависимого правителя или управителя. Другое употребительное слово, «эмир», означало высокого военачальника либо независимого или полунезависимого государя. Следующий правитель Испании, после Юсуфа, будет уже эмиром. Юсуф был вали и последним из вали.

Правителем он стал в январе 747 года (раби аль-ахир 129 г. х.), с уговором, что будет править один год.¹ В своё время назначение подтвердил наместник Африки², что неудивительно: наместник приходился правителю двоюродным братом.³ В порядке устройства власти народ назначил Яхью ибн Хурайса из бану джузам (йеменитов) управителем Райи на юге (округа

1. Ибн аль-Асир, т. 5, с. 140.

2. Ибн Изари, т. 1, с. 62.

3. Ибн Изари, т. 2, с. 46. Некоторые говорят, что наместник был правителю отцом, но это маловероятно. Оба были стары и близки годами, а это исключает отношение отца и сына.

Арчидоны и Малаги). Это назначение было предварительным условием назначения Юсуфа правителем Испании. Яхья этот был ненавистником сирийцев самой бешеной закваски, и о нём было известно, что он говорил: «Если бы кровь жителей Сирии была позволена, я пил бы её полными чашами».⁴ Сириец ас-Сумайл этого не собирался забывать.

В стране был мир. Юсуф отдался управлению областями, и страна благоденствовала. Но Юсуф был лишь номинальный глава. Властью за престолом был ас-Сумайл — воин, политик, интриган. Почти во всяком государственном деле он говорил Юсуфу, что делать, и Юсуф делал, как сказано. Ему было тягостно играть вторую роль, но он принял это положение, по крайней мере на время.

Когда год уже подходил к концу, в начале 130 г. х. (конец 747 года), йемениты стали готовиться принять правление Испанией: следующий год должен был править их человек. Они были совсем готовы к передаче власти. Но ас-Сумайл и не думал отдавать йеменитам управление, а Юсуф робко склонился перед мнением более сильного товарища. Тогда йемениты решили, что передать власть можно только силой: противники не оставили им иного пути. В этом деле Абу-ль-Хаттар подстрекал йеменитов биться за свои права и подгонял их к действию. Очень многие из них видели в Абу-ль-Хаттаре законного правителя, низложенного незаконно, и за ним признавали право вернуться к должности.

Но теперь у Абу-ль-Хаттара, жившего в Беже на юго-западе Испании, явился соперник — Яхья ибн Хурайса. Яхью назначили управителем Райи в одно время с Юсуфом, а вскоре после того, как новый порядок чередующегося правления устоялся, его бесцеремонно сместили. Он требовал себе кресло правителя на том основании, что род джузам — могущественный род среди йеменитов и больше рода Абу-ль-Хаттара. Любви между двумя йеменскими соискателями было немного, но ради единства Абу-ль-Хаттар принял Яхью как йеменского кандидата и будущего правителя. Соединённые силы их выступили к столице и на южном берегу Гвадалквивира, напротив Кордовы, у предместья Секунда (Шакунда), стали лагерем.

Вслед за приходом йеменитов мудариты вышли из города под началом своих вождей, Юсуфа и ас-Сумайла, причём настоящим командующим войском был последний.⁵ Они перешли реку и стали лагерем в некотором отда-

4. Ибн Изари, т. 2, с. 37.

лении от йеменитов: было условлено, что бой начнётся утром и решит вопрос о правлении Испанией. Оба войска были не очень велики, но состояли из храбрых людей, рыцарей и знатных воинов, большей частью конных и хорошо вооружённых. У йеменитов был небольшой перевес в числе.⁶ Силы противников были достаточно велики для жаркой битвы и достаточно храбры для кровавой.

Она вышла и жаркой, и кровавой, и ещё хуже того. Битва оказалась необычной — злобная, жестокая, беспощадная. Началась она после рассветной молитвы: обе стороны молились одному и тому же Аллаху и призывали благословение на одного и того же пророка. Затем они бросились друг на друга. Первая пора была поединком конницы: конные рыцари то сходились один на один, то ударяли и отбивали удар сомкнутыми отрядами. То были храбрые люди — эти всадники, которые убивали и были убиты в деле, связанном скорее с племенной рознью, чем с правом или справедливостью.

Они резали друг друга на равнине Секунды без передышки и без пощады, и битва эта напоминала старым мусульманам битву при Сиффине, что была на берегу реки Евфрат в 657 году между халифом Али и сирийскими мятежниками во главе с Муавией. Та тоже была битвой мусульман против мусульман и кончилась страшным кровопролитием, какое творилось и здесь. Напряжение боя не спадало, солнце поднималось и день становился жарче. Слышно было только ржание коней и лязг оружия, видно — только мёртвых.⁷

К середине утра, или вскоре после, все копья были переломаны и почти все кони убиты или искалечены. Всадники увидели, что стали пешими: коней, что держали их ноги над землёй, больше не было. Бросив переломанные копья, они обнажили мечи и бились дальше с мужеством и стойкостью, которые делали честь обоим войскам. Ряды воинов редели, груды мёртвых росли на поле, но ни одна сторона не сдавалась. Затем сломались и мечи. А люди оставались на поле уже без оружия и всё вели беспощадную борьбу. Историкам предстояло сказать, что в Испании не было битвы, превосходившей эту по потере жизней.⁸

5. Говорят, Юсуф не желал проливать кровь и удалился из дворца в свой дом в Кордове, но затем всё же был при войске.

6. «Ахбар маджмуа», с. 59.

7. Ибн Изари, т. 2, с. 36.

Был уже полдень позади. Дальше начался разгул ужаса: люди бились голыми руками. Они рвали друг другу волосы, били кулаками, пинали, даже кусали. Иные ударяли противника луками и пустыми колчанами. Безумие охватило сражающихся, сцепившихся врукопашную так, что ни одна сторона не хотела и не могла разомкнуться. В слепой ярости они выцарапывали друг другу глаза, душили друг друга и рвали друг другу лица.

Но кончилось и это. Так не могло длиться. Члены отказывались двигаться, тела не слушались воли. От одной усталости люди перестали биться и разошлись, но всё ещё смотрели друг на друга глазами, полными ненависти. Они слишком выбились из сил, чтобы биться дальше: сила вытекла из тел. Ни один воин ни с той, ни с другой стороны не мог сделать шага к противнику. Они опустили руки, чтобы перевести дух и подождать, пока безумие выйдет из них.

Тут ас-Сумайл и нанёс свой мастерский удар. Он позвал людей кордовского базара идти в бой. Мудариты и их сочувствующие на базаре — торговцы, кузнецы, лавочники — откликнулись охотно и быстро и бросились к Секунде, 400 человек, с ножами и дубинами. Очень немногие имели оружие вроде мечей или копий.⁹ Они обрушились на йеменитов: многих перебили, остальных взяли. Незадолго до заката битва кончилась. Последнюю её пору выиграли торговцы кордовского базара. Абу-ль-Хаттар и Яхья ибн Хурайса сумели избежать плена, но почти все прочие были одолены и взяты в плен.¹⁰

Пленных привели к церкви святого Винсента, которой позже предстояло стать Великой мечетью Кордовы. Ас-Сумайл с гнусным удовольствием председательствовал на том, чему предстояло стать массовой казнью, чувствуя, быть может, то, что чувствовал его дед Шамир, когда обезглавливал имама Хусейна при Кербеле. Сперва, как передают, 70 пленников высекли.¹¹ По одним известиям, многих пленников казнили, а других пощадили, когда видные горожане Кордовы сами вступились и пригрозили выступить против ас-Сумайла, если кровавое зрелище не прекратят.¹² По другим, казнили всех.¹³ Каково бы ни было число хладнокровно убитых в этом разгуле

8. Ибн аль-Асир, т. 5, с. 140.

9. Ибн Изари, т. 2, с. 36; аль-Маккари, т. 3, с. 23.

10. аль-Маккари, т. 3, с. 26.

11. «Ахбар маджмуа», с. 60.

12. Там же.

13. Ибн Изари, т. 2, с. 37.

мести, то было, бесспорно, отвратительное зрелище резни воинов, которые бились храбро и честно и имели право на жизнь. Но ас-Сумайлу нужно было довести дело до конца.

Затем они отправились искать вождей йеменитов — Абу-ль-Хаттара и Яхью ибн Хурайса: оба укрылись на мельнице неподалёку от Кордовы. Абу-ль-Хаттара нашли и схватили. Но прежде чем его успели увести, он указал, где прячется Яхья, ненавистник сирийцев, готовый пить их кровь чашами. Когда Яхью выволокли из укрытия, Абу-ль-Хаттар не удержался от последней колкости сопернику: «О любитель чаш, осталось ли в твоей чаше то, чего ты ещё не выпил?»

Обоих вождей привели к ас-Сумайлу и тотчас обезглавили.¹⁴

После битвы при Секунде в Испании настал мир, и битва эта легла ас-Сумайлу пером на шапку. Авторитет его в народе вырос. Он стал ещё виднее как человек силы и доблести, человек железный, и это отбило у других охоту следовать примеру Абу-ль-Хаттара и Яхьи ибн Хурайса. Но вместе с тем он стал и властнее, а Юсуфа ещё дальше оттеснили на задний план. Тот принял место позади: у него не было воли оспаривать власть ас-Сумайла. За спиной у него образ ас-Сумайла вставал ещё огромнее прежнего, и правитель всецело отдался управлению страной и благу народа. Он разделил Испанию на четыре области, и у каждой был свой правитель или помощник правителя. Области эти были: Андалус на юге, соответствовавший римской Бетике, со столицей в Кордове; Мерида на западе, соответствовавшая римской Лузитании, со столицей в Мериде; Толедо в центре и в восточной части середины, со столицей в Толедо; и Верхняя граница, охватывавшая северо-восток полуострова, со столицей в Сарагосе. Пятая область, уже вне Испании, но входившая в мусульманское государство, была Нарбонна: она тянулась на север и северо-восток от восточной части Пиренейских гор. Карта 3 в следующей главе показывает примерные границы четырёх областей Испании, бывших тогда под мусульманской властью.

Но миру не суждено было продлиться. Йемениты не желали простить Юсуфу и ас-Сумайлу, особенно ас-Сумайлу, кровавого поражения при Секунде и жестокого избиения пленных в церкви святого Винсента. Обида кипела в их груди и ждала вождя, любого вождя, который бы её задел. Жестокосердие и непреклонность ас-Сумайла и страсть, с какой он пресле-

14. Там же.

довал своих врагов, не оставляли места для примирения. К неустойчивости вело и другое: халифат дома Умайи на востоке начинал рушиться под ударами Аббасидов, и правительство метрополии было слишком занято борьбой за собственное выживание, чтобы обращать хоть какое-то внимание на самую дальнюю западную область ислама. Судьба Испании лежала теперь целиком в руках мусульман Испании.

В следующие два года было три восстания. Подробности этих событий история не уточняет, но все они, вероятно, приходится на 131 г. х. (748–749). Первое и по возможности самое опасное было восстание Абд ар-Рахмана ибн Алькамы, рыцаря Испании и правителя Нарбонны, того, кто в бою смертельно ранил Бальджа. Он объявил, что против правительства в Кордове, и считал его незаконным, потому что оно должно было смениться по истечении одного года со дня назначения Юсуфа. Он стал готовиться перейти Пиренеи, чтобы покончить с этим правительством, но, прежде чем успел двинуться, свои же предательски убили его и послали его голову в Кордову как добычу.

Второе было делом сравнительно мелким. Вождь по имени Амр ибн Язид аль-Азрак поднялся в Севилье, чтобы оспаривать власть. Юсуф послал в Севилью отряд, и выступление было подавлено.

Третье было опаснее и началось в Беже под началом военачальника по имени Урва ибн Валид, которому теперь дали ещё и имя аз-Зимми. За ним пошло множество христиан, а поскольку иноверцев, живущих в мусульманском государстве, называли зиммиями, это прозвание перешло и на Урву. В его войске был и христианский отряд. Юсуф послал к Беже отряд, но тот был разбит. После этого мятежник прошёл к Севилье и взял её без труда. Две эти победы укрепили его положение и сделали угрозу Кордове куда серьезнее. Тогда Юсуф сам выступил с большим войском против Урвы к Севилье, и в последовавшей битве войско Зимми было разбито с большим кровопролитием, а вождь мятежников схвачен и убит.

Шло время. Настал 132 г. х. (749–750). Юсуф всё увереннее чувствовал себя, но то же было и с ас-Сумайлом, и тот вёл дело по-своему. Он принимал все решения и отдавал все приказы и не упускал случая притеснять йеменитов. Он решал, кого допустить к правителю, а кого держать в стороне, и оттого Юсуф оказывался всё более одинок. Господство ас-Сумайла тяготило его. Из-за присутствия ас-Сумайла на него обращалась вражда, направленная на самом деле на сирийского полководца. Сверх того он начал

бояться могущества ас-Сумайла: сириец мог в любой час низложить его и провозгласить себя правителем страны, а после этого едва ли оказал бы ему больше милости, чем уже оказывал другим. Юсуф не видел лучшего выхода, чем отделиться от ас-Сумайла и положить между ас-Сумайлом и Кордовой как можно больше расстояния. Поэтому он назначил его правителем Верхней границы, и во исполнение этого решения ас-Сумайл отправился в Сарагосу с двумястами воинов, чтобы вступить в новую должность. Юсуфу стало легче. В Кордове и в Испании был мир, но мир ближайших лет был миром голодных и мёртвых.

Голод ударил в 131 г. х. (748–749) и длился пять лет.¹⁵ В стране была засуха. Цена на продовольствие на рынках взлетела. Голод разошёлся по холмам и долинам, по городам и сёлам и нёс с собой нужду, мор и смерть. Страдало всё население — мусульмане и христиане, арабы и берберы, мудариты и йемениты. Суеверные видели в этом бедствии руку Аллаха, гнев Божий, явившийся мусульманам за грехи их, ибо брат шёл на брата и обе партии громоздили жестокости одна на другую. Они заслужили справедливое возмездие. Тяжелее всего пришлось северо-западной части Испании, Галисии и землям, прилегавшим к ней с юга и востока, где жили главным образом берберы, и они пострадали жестоко. Они оставляли край тысячами, бросая имущество в Галисии, в Асторге и на северном берегу реки Дуэро, и уходили на юг. На этом пути их теснили христиане, пользовавшиеся мусульманскими бедствиями, чтобы вернуть земли, завоёванные мусульманами за сорок лет до того. Об этом подробнее будет сказано в следующей главе. Большое число берберов перешло Гибралтарский пролив и вернулось в Магриб, к родам, населявшим их родные земли. Призрак голода ходил по полуострову.

В этом тяжёлом положении Юсуф как правитель сделал превосходное дело. Он был добр и отзывчив и принял энергичные меры, чтобы облегчить страдания народа. Он собрал все средства страны, чтобы везти продовольствие голодным, дать кров бездомным и утешить осиротевших. Он не делал различия между мусульманами и христианами.

В конце пятого года, в 136 г. х. (753–754), худшее миновало. Засуха кончилась. Пошёл дождь. Ещё долго предстояло чинить весь урон и залечивать

15. По некоторым известиям, он начался в 133 г. х. и длился два года.

раны, нанесённые голодом, но земля вновь начала улыбаться. И снова пришло время междоусобной войны.

Самая серьёзная угроза центральной власти Кордовы явилась на севере в конце 136 г. х. (начало 754 года). Хубаб ибн Раваха аз-Зухри, при помощи Тамима ибн Мабада ал-Фихри, собрал на северо-востоке противников мударитов, в том числе берберов, и пошёл на Сарагосу, где ас-Сумайл правил уже четыре года. Тот вышел навстречу врагу, но был разбит и должен был поспешно укрыться в своей укреплённой областной столице. Мятежники подошли и осадили город.

Вскоре после этого к мятежникам присоединился араб знатного рода по имени Амир ибн Амр аль-Абдари. Этот Амир, родом из Кордовы, ещё раньше начал в Альхесирасе готовиться к борьбе с правительством Юсуфа. Ас-Сумайл советовал Юсуфу убить его, но слух о задуманном покушении просочился наружу, и Амир со своими йеменитами ушёл на север. В начале 137 г. х. (середина 754 года) его силы соединились с теми, что уже осаждали Сарагосу. Амир, по-видимому, был человеком куда более важным, чем Хубаб, и его приняли вождём и командующим всего йеменского и берберского войска в пограничной области. Он открыто встал за Аббасидов, которые теперь правили на Востоке, и призвал народ присягнуть им. Он написал новому аббасидскому халифу в Багдад (омейядский халифат пал за четыре года до того, в 132 г. х.) и утверждал, что назначен правителем Испании не кем иным, как правящим халифом аль-Мансуром.

Ас-Сумайлу в Сарагосе приходилось туго. Малочисленность не давала ему ударить и прорвать осаду. И он обратился к Юсуфу за помощью, настаивая на спешности дела и ни на миг не сомневаясь, что человек, которого он посадил на место правителя и поддерживал через все превратности семилетнего правления, придёт ему на выручку. В этом он ошибся. Грозившая ас-Сумайлу гибель была для ушей Юсуфа музыкой: именно этого он и хотел. Юсуф в самом деле надеялся, что ас-Сумайл будет разбит и убит и он раз и навсегда избавится от зловещего присутствия полководца в стране. Он написал ас-Сумайлу и принёс сожаления: помочь он не может, потому что голод забрал все его средства.¹⁶

В отчаянии ас-Сумайл обратился к собственному племени, к кайситам, связанным с ним узами племенной верности. Кайситы эти были из дивизий

16. аль-Маккари, т. 1, с. 238; Ибн Хальдун, т. 4, с. 261.

Дамаска и Киннастрина, осевших соответственно в Эльвире и Хаэне. Соплеменники собрали полк в 400 всадников, и тот спешно пошёл на север выручать вождя в беде. Он прибыл как раз тогда, когда положение ас-Сумайла и горстки его защитников становилось отчаянным. Когда йемениты услышали о подходе выручательной колонны, силу которой они преувеличили, они сняли осаду и отошли на некоторое расстояние от города. Это помогло кайситам без боя соединиться со своим вождём и освободить осаждённых после семимесячной осады.

Ас-Сумайл не стал мешкать в Сарагосе. Зная, что враги вернутся, когда узнают, как мала была выручка, он поспешно оставил столицу границы и двинулся к Толедо. Йемениты вернулись и вошли в Сарагосу как победители. Амир ибн Амр объявил себя правителем Испании от имени аббасидского халифа, и вся северо-восточная область вышла из-под власти Кордовы. Это случилось в первые месяцы 137 г. х. (конец лета 754 года).

Юсуф не хотел возвращения ас-Сумайла в Кордову. Он вкусил свободу от властного и подавляющего присутствия сирийского полководца. И он назначил его правителем Толедо, и ас-Сумайл поселился в старой вестготской столице. Он не намерен был делать для Юсуфа и для Испании больше безусловно необходимого и осел в Толедо, предавшись праздности и тяжёлому пьянству.

К концу того же 137 г. х. (около апреля — мая 755 года)¹⁷ Юсуф выступил к Сарагосе с большим войском, чтобы отвоевать столицу границы. Он осадил город, и осада была очень тесной. Все входы и выходы были перекрыты. Припасы не могли пройти внутрь, и гарнизон вместе с жителями оказался в полной изоляции. Оттого запасы пищи, какие были в городе, скоро поглотили многочисленное население и силы Амира и Хубаба, стоявшие в столице. Простой народ Сарагосы не слишком интересовался партийной борьбой за власть и думал лишь о том, как прекратить страдания, наложенные на него осадой. Даже мятежные воины были прохладны в верности своим начальникам и не видели смысла рисковать жизнью в схватке, которая им ничего не значила. Их представители поэтому вступили с Юсуфом в переговоры. Если Юсуф снимет осаду, не станет карать воинов и позволит всему вернуться к прежнему положению, они выдадут ему вождей мятежа.

17. Это могло быть и началом 138 г. х. (Ибн Изари, т. 2, с. 38).

Правитель был только рад найти лёгкий и мирный выход и согласился на условия.

Мятежники, как видно, обдумали свой ход заранее, вероятно при попустительстве большинства товарищей по войску. Они схватили Амира, сына Амира и Хубаба и передали их в руки воинов Юсуфа, ждавших за городом. Осаду сняли, мятежники сложили оружие, и власть над Сарагосой и Верхней границей была восстановлена. Это случилось в начале 138 г. х. (середина 755 года). Последний из мятежей против власти Юсуфа был кончен.

Из Сарагосы Юсуф с войском двинулся в обратный путь на Кордову, и три знатных пленника ехали в цепях. На совете старейшин, собранном в пути, Юсуфу пришлось согласиться с общим мнением и сохранить пленникам жизнь. Их не казнят. Однако на обратном пути, на берегу реки Харамы (вади Шаранба)¹⁸, возвращавшегося правителя встретил ас-Сумайл. По совету ас-Сумайла троим вождям отрубили головы. Этот хладнокровный поступок, после открытого объявления пощады, несколько не улучшил образ Юсуфа в глазах народа.

Едва успели расправиться с тремя видными вождями, как в стан Юсуфа прискакал гонец с вестью от сына его, Абд ар-Рахмана, которого он оставил в Кордове. Сын известил отца, что на берег Испании близ аль-Мунаккаба (Альмуньекара) высадился юноша из бану Умайя, называющий себя Абд ар-Рахманом ибн Муавией, и зовёт людей Испании под своё знамя. Сочувствующие Омейядам, жившие в Эльвире, уже так и поступили, и другие, вероятно, следуют за ними.

Дни Юсуфа и ас-Сумайла были сочтены. Прибыл Беглый царевич — Абд ар-Рахман ад-Дахиль, Пришелец.

18. Вади Шаранба («Ахбар маджмуа», с. 77). По аль-Маккари (т. 3, с. 32), это произошло в Вади-р-Рамль, вероятно в той же местности, что и долина Шаранбы.

ГЛАВА 8

Начало Реконкисты

Западные авторы много толковали о битве при Ковадонге. Они прославили её как эпопею военной истории и вознесли почти до уровня решительной битвы западного мира — той точки, где было спасено христианство, той точки, где началась Реконкиста Испании. Пелайо провозгласили отцом Реконкисты. Что эта битва была на самом деле — её размах, характер и значение — уже рассказано в главе 2.

Причина такого прославления Пелайо и Ковадонги в том, что у христиан в ту пору почти не было героев. Не было побед, которые стоило бы воспевать. Ковадонга стала разрывом в непрерывной цепи христианских поражений от рук мусульман. Христиане Испании наконец смогли выдержать мусульманское нападение и не рассыпаться под его ударом и даже добиться малого тактического успеха. По справедливости, и это было заметным достижением для разбитого и павшего духом народа, и честь за него принадлежит Пелайо, сполна использовавшему мусульманскую неудачу при Пуатье: он совершал набеги на мусульманские округа Астурии, о чём уже сказано в начале главы 6. Тактика набега и отхода, какой он держался, вполне подходила полководцу в его положении.

Он был достаточно мудр (после безрассудства, когда дал запереть себя при Ковадонге), чтобы не высовываться слишком далеко, и достаточно мудр, чтобы держаться близ своей горной твердыни. Так он сумел уцелеть и сохранить движение живым. Цели своей — посеять среди мусульман тревогу и уныние — он не достиг, но лёгкие партизанские действия всё же увеличили образ Пелайо как каудильо христиан и главы сопротивления.

В смысле географического завоевания он не достиг почти ничего. Земля под его властью была немногим больше той, что прилегает к Пикам Европы, а её мусульмане и без того оставили ему. Зато в глазах людей он стал известен всем христианам северного пояса Испании, то есть Галисии, Астурии, Кантабрики и гористой баскской земли на востоке. Слава его росла. Оттого его и посетил в Кангас-де-Онисе Альфонсо, сын герцога Педро Кантабрийского. О старом герцоге не известно ничего, кроме того, что он был готским вельможей. В Кангас-де-Онисе Пелайо отдал свою дочь

Эрмесинду в жёны Альфонсо и тем скрепил связь между первыми семьями Астурии и Кантабрики.

Пелайо вёл астурийцев с переменным успехом как каудильо (не король) 18 лет. Когда он умер в 737 году, он уже поставил в Пиках Европы небольшое государство со скромной столицей в Кангас-де-Онисе. За ним последовал сын его Фавила, который в конце ничем не замечательного двухлетнего предводительства был убит медведем на охоте. В 739 году зятя Пелайо, Альфонсо, избрали вести и астурийцев, и кантабров. Альфонсо считают первым королём Астурии, первым из нескольких Альфонсо, и ему предстояло заслужить прозвание Альфонсо Католика.¹

Альфонсо Первый продолжал царствовать над своим маленьким королевством из Кангас-де-Ониса и много лет ничего не делал, только смотрел и ждал. Начало мусульманской междоусобной войны в Испании на следующий год после его воцарения пришлось ему даром Божиим: мусульмане будут слишком заняты собственными бедами, чтобы обращать внимание на христианских мятежников на севере. Лишь когда голод приложил свою разрушительную тяжесть к тяжести междоусобицы, Альфонсо выступил, чтобы воспользоваться её последствиями и подобрать то, что останется.

Засуха, начавшаяся в 131 г. х. (748) и приведшая к голоду и мору, как видно, ударила по мусульманам тяжелее, чем по христианским варварам на севере Испании. Быть может, тем было легче в их зелёных, туманных горах. К 133 г. х. (750) голод дошёл до самой страшной своей поры, и берберы стали уходить из края, переселяясь на юг. Альфонсо, хитрый и честлюбивый государь, не замедлил воспользоваться мусульманскими страданиями и военной слабостью, какая вышла из их переселения.

Первым делом, и было это в 751 году, он подтолкнул к действию галисийцев, и эти дикие варвары двинулись на немногих мусульман, оставшихся в области. Движение было медленным и нерешительным, не от недостатка решимости с их стороны, а от уважения и даже страха, в каком держали мусульман. Медленно и неуклонно берберов вытесняли из Галисии к Асторге, лежавшей к югу от Астурийских гор. За этим последовал удар с севера, с Астурийских гор, на Асторгу и Леон: их держало меньшее число берберов, оставшихся в надежде переждать голод и сохранить своё имущество. И всё же, несмотря на численную слабость мусульман, Альфонсо про-

1. Пидаль, т. 6, с. 35.

двигался медленно, и прошло некоторое время, прежде чем он смог вытеснить противников из Астурии и Леона.

Мусульмане отступали, хотя отступление было упорным и с боем. Шансы были против них. Помощи из Кордовы не было: там и без того считали берберов врагами. Они бились на всём пути, на холме и в долине, в городе и в селе, но их всё же теснили к югу. Они оставили всю Галисию и северную середину Испании. Уцелели сильнейшие. Слабейших оставили позади вместе с теми, кто ещё надеялся выжить на землях, которые успел счесть своими. Силы, что гнали их назад, были голод и Альфонсо.

Его варварские полчища, набравшись смелости, прошли по равнине Кастилии, вырезая всякого мусульманина, какого находили в городах и сёлах, всякого мужчину, всякую женщину и всякого ребёнка.² Не пощадили ни души. Резали не только берберов и арабов. Христиане убивали и своих — галисийцев, кастильцев, испанцев и готов, которые во множестве приняли ислам.³ Многие из колебавшихся, чья вера была некрепка, вернулись в христианство.⁴ Бойню сопровождало повальное разрушение. Христиане жгли дома, мечети, школы и оставляли города и сёла дымящимися развалинами. Все места обитания были опустошены этим разорением. То было всеожжение.

Альфонсо очистил край от мусульман. Очистил он его и от христиан, хотя не смертью. Всех христиан края, дотоле живших в мире с мусульманскими соседями, собрали и погнали на север, в Астурию и Кантабрику. Многие, однако, как видно, ускользнули из сети Альфонсо и продолжали жить на своих хуторах и в деревушках, в стороне от больших дорог, предпочитая удобство и достаток своих равнин суровой жизни гор, которые были домом Альфонсо.

К 754 году (136 г. х.) берберы отошли на линию Гуадаррамы и на равнины Касереса и Мерида. Граница мусульманского государства шла теперь по нижнему Дуэро (в нынешней Португалии), по горам Гредос и Гуадаррама до баскской земли. Мусульманскими пограничными городами стали Коимбра, Талавера, Толедо, Гвадалахара, Тудела и Памплона.⁵ Всё к северу

2. Пидаль, т. 6, с. 132.

3. Леви-Провансаль, с. 46.

4. «Ахбар маджмуа», с. 62.

5. Дози, с. 412.

от этой линии было в руках христиан — вся Галисия и Кастилия к северу от Гуадаррамы и к западу от Эбро.

Сверх того к северу от Дуэро Альфонсо учинил в стране разгром и обратил равнины северной Кастилии и южной Галисии в пустыню, срывая города и даже разбирая замки.⁶ Весь край был обезлюден и опустошён.⁷

Между двумя полосами, мусульманской и христианской, лежала теперь пустошь, где рука человека довершила разорение, начатое голодом. Западные авторы говорят нам, что это было частью большого стратегического замысла Альфонсо: создать ничейную землю запустения, которая не дала бы пропитания никакому мусульманскому войску, рискнувшему идти на север, и что христианское население он перевёл, чтобы усилить оборону в своих собственных астурийских и кантабрийских горах. Был ли горный вождь, возведённый варварскими подданными в сан короля, способен на столь большой стратегический замысел — вопрос, на который нелёгко ответить. Вероятнее, что его полчища в грабеже предавали огню всякое здание в крае, каким сами не пользовались для жилья, — и в этом деле их поощрял и даже направлял Альфонсо, вышедший теперь в образе великого завоевателя и мстителя.

Остаётся рассказать о подъёме христиан на севере Испании ещё восстание басков. По примеру галисийцев и астурийцев баски тоже взяли за оружие против мусульман и к 755 году (137–138 г. х.) были в открытом мятеже. Памплона объявила свою независимость. Место это лежало близ мусульманской пограничной области, служившей стратегической базой для Нарбонны, и потому больше заботило Кордову. Юсуф поэтому сделал попытку, хотя и вялую, вернуть власть над Памплоной. Вскоре после отвоевания Сарагосы, на обратном пути в Кордову в середине 755 года (начало 138 г. х.), он послал отряд под началом двух полководцев, Сулаймана ибн Шихаба и Хусейна аль-Аджили, отвоевать Памплону, но сила эта погибла бедственно от рук басков. Сулайман и большая часть его людей были убиты, а Хусейн с горсткой воинов уцелел в схватке и вернулся в Сарагосу.⁸ Памплона тоже была теперь потеряна для мусульман.

6. Пидаль, т. 6, с. 32; Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия», с. 177.

7. Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия», с. 172–173.

8. Дози, с. 117; Инан, т. 1, с. 134; «Ахбар маджмуа», с. 77. По Пидалью (т. 6, с. 274), убиты были оба полководца.

Король Альфонсо Католик царствовал ещё два года. Он умер в 757 году, через год после прибытия Абд ар-Рахмана Пришельца, и был похоронен в Кангас-де-Онисе. Новым королём Астурии стал его сын Фруэла.

Следующий христианский удар пал на Септиманию, старую вестготскую область, которой мусульмане правили как Нарбонной, по имени столичного города. Действия, начатые мусульманами из Септимании в 734–736 годах, то есть набеги вверх по долине Роны в Дофине и Бургундию до самого Лиона, уже описаны в главе 4. Затем они отошли под давлением Карла Мартелла и отступили к Нарбонне, которую франки осадили в 737 году (119 г. х.). Взять её они не смогли и должны были снять осаду. Они ушли на север, но не прежде, чем обратили в пепел всякий город в восточной части Септимании до самого Нима.⁹ Всякий дом, всякая церковь, всякая мечеть и школа были разбиты в иступлении разрушения. То, что Карл Мартелл чувствовал к вестготам, было, вероятно, не лучше того, что он чувствовал к мусульманам. То, что вестготы чувствовали к нему, было безмерно хуже.

Христиане Септимании отстроили свои города как смогли, насколько хватало, чтобы поддерживать жизнь. Мусульмане снова были там правителями и управителями, и обе общины жили вместе в мире и безопасности на условиях, ясно изложенных и неукоснительно соблюдавшихся. В Септимании был мир. Но следующий удар не заставил себя долго ждать.

Новым королём франков был Пипин III, сын Карла Мартелла, прозванный Коротким. Человек проникательный и беспощадный, он ясно видел возможности, какие открывала мусульманская междоусобная война в Испании, и не замедлил ими воспользоваться. Около того времени, когда последний бербер оставил Галисию и Кастилию и ещё один несчастный последний бербер был убит варварами Альфонсо, в 136 г. х. (754–755), Пипин начал наступление на Септиманию. Сказать, что манёвр его был превосходно рассчитан на пору наибольшей уязвимости мусульман Испании, значило бы польстить Пипину Короткому. Однако это возможно: варвары (Аттила, Чингисхан) нередко обладают стратегическим чутьём высокого порядка.

Пипин пришёл с многочисленным полчищем варваров и прошёл Септиманию насквозь. Снова всякого мусульманина предали мечу. Франки оставили за собой след запустения и развалин до самой Нарбонны, где их оста-

9. Пидаль, т. 6, с. 415–416.

новили мощные укрепления города, занятые мужественными и искусными защитниками.

Карта 3. Области Испании.

Четыре года (755–759) франки держали осаду Нарбонны. Все попытки взять крепость приступом мусульмане отражали, пока в конце концов христианские осаждающие не устали от предприятия больше, чем осаждённые мусульмане. Потеряв надежду взять Нарбонну силой или военным искусством, Пипин прибегнул к хитрости и измене. Он вступил в переговоры с христианскими жителями города и обещал им любые условия, каких они пожелают, в обмен на содействие. Им нужно было только открыть ворота в заранее условленный миг, чтобы впустить франков.

В одну из ближайших ночей, в миг оплошности мусульманской стражи у избранных ворот, горожане набросились на стражей и перебили их. Они открыли ворота, и воины Пипина хлынули в город неудержимым потоком. Это было вполне по правилам. Военная хитрость и коварство — часть войны, и мусульмане тоже брали укрепленные города изменой жителей. Но мусульмане не делали того, что сделали теперь с мусульманами Пипин и его дикари: не вырезали в взятом городе всякого мужчину, всякую женщину и всякого ребёнка. И здесь не пощадили ни души.

Этот прекрасный город на юге Франции, один из древнейших в стране, гордость римлян, почти полвека находившийся под властью мусульман и украшенный ими, вернулся к варварским хозяевам и варварским нравам... «погрузился в общий мрак, покрывавший тогда христианскую Европу».¹⁰ Мусульманам уже не суждено было завоевать и удержать какую-либо часть Франции, разве что на короткие сроки.

Благодаря голоду и междоусобной войне ислам за пять лет потерял треть Испании, и было это, пока страной правили Юсуф и ас-Сумайл. Памплона была потеряна в последний год правления Юсуфа. Альфонсо I умер через год после того, как Юсуф перестал быть правителем, а Нарбонна пала ещё двумя годами позже.

Утрата эта была временной. Мусульмане вернуться и снова загонят христиан в их горы, но семя, посаженное голодавшим Пелайо в его пещере при Ковадонге, будет и дальше прорастать и в конце концов даст плод. Вернутся и христиане. Прилив будет сменяться отливом, и верх в северо-центральной

10. Амир Али, с. 163.

и северо-западной части Испании будут брать то мусульмане, то христиане. Это колебание продлится два с половиной столетия, до поры аль-Мансура (для христиан — Альманзор), который отвоюет почти весь полуостров. Мусульман снова отбросят, и они вернутся ещё раз при берберских династиях, хотя уже никогда с силой аль-Мансура. Наконец удача повернётся к христианам, вплоть до трагического падения Гранады в конце XV века.

Здесь нас занимает эта первая потеря трети Испании, и вдумчивый читатель, быть может, захочет остановиться и поразмыслить о причинах этой большой неудачи мусульман. Они пришли завоевать землю, а не грабить её. Они сделали её частью мусульманского мира. Множество испанцев обратилось в ислам, и обращение шло быстро и гладко. Им следовало остаться. Испания — вся Испания — должна была остаться частью мусульманского мира.

Эта потеря трети земли за краткий срок в пять лет вышла из голода, из арабской племенной розни и из правления Юсуфа и ас-Сумайла. Голод был делом Божиим, и мусульмане ничего не могли с ним поделать. Быть может, Бог желал дать христианам случай и желал испытать мусульман. Но следующая причина была целиком делом рук человеческих, а именно междоусобная война в Северной Африке и в Испании, а та была следствием грубого дурного управления наместников Кайруана, следовавших политике и прихотям омейядских халифов в Дамаске. Война берберов против арабов перекинулась из Северной Африки в Испанию, но здесь скоро кончилась, и на её место встала другая междоусобица: араб против араба. Это была арабская племенная рознь в самом худшем проявлении.

Первый толчок этой войне дал Бальдж ибн Бишр. Этот суровый и напористый сирийский полководец сыграл видную роль в том, что сломил силу берберского мятежа, но затем сам начал войну араба против араба. Племенной разрыв стал глубже и нанёс болезненные раны телу мусульманского единства. Выход из этого разрыва нашли в законном соглашении мударитов и йеменитов, в порядке правления, чередующегося по году. Но и этот порядок, единственный, что подавал надежду на успех, сломал ас-Сумайл, упорно добивавшийся партийного господства над страной. Это ослабило мусульманское государство, лишило его единства и воли, нужных, чтобы справиться с растущей силой христиан. Поле было оставлено им.

Нарбонна, вероятно, всё равно была бы потеряна: далека она и географически от главного тела мусульманской Испании, да и сила франков

росла при могучей Каролингской династии. Но присутствие Абд ар-Рахмана ибн Алькамы, «рыцаря Испании», дало бы себя почувствовать, и повесть о Нарбонне могла бы читаться иначе. Его не было там, потому что его убили. Убили его потому, что он поднял знамя мятежа против Юсуфа и ас-Сумайла. Знамя мятежа против Юсуфа и ас-Сумайла он поднял потому, что те сломали законный порядок, потому что хотели удержать власть в стране за своей партией, а это было им дороже блага мусульманской Испании. В конечном счёте именно арабская племенная рознь и дурное правление Юсуфа и ас-Сумайла были коренными причинами потери трети Испании христианами в 750–755 годах. Неспособный Юсуф и злой ас-Сумайл отдали её им на блюде.

С тех самых пор мусульмане обвиняют христиан в жестокости и в бессердечном использовании мусульманских бед. Обвинения справедливы. И всё же на деле вина лежит на мусульманах: они получили то, чего сами добивались. То были раны, нанесённые себе самим.

Теперь на одну главу оставим Испанию, пока неловкий Юсуф и расчётливый ас-Сумайл замышляют следующий ход, и последуем за скитаниями Беглого царевича.

ГЛАВА 9

Беглый царевич

До Умайи в Дамаске время истекало. Близясь к концу, он содрогался от насильственных перемен. Аль-Валид II, сын Язида II, не пробыл на халифском престоле и года, когда его убил двоюродный брат, Язид III, сын аль-Валида I. Язид III был халифом едва пять месяцев, умер, и ему наследовал брат Ибрахим. Ибрахим был халифом немногим долее двух месяцев, когда его сверг дядя, Марван ибн Мухаммад, а затем убил племянника и распял.¹ Говорят, он даже вырыл тело Язида III и распял его.² У халифата Омейядов теперь был последний правитель. Своё правление он начал в ноябре 744 года (сафар 127 г. х.).

Марван был Омейядом иного склада. Человек мужественный и умный, он страстно любил историю и не был привержен роскоши и наслаждениям омейядского двора. Опытный воин и способный полководец, он предпочитал суровую жизнь военного стана дамасской неге. Его звали Марван, Осёл,³ не потому, что он был глуп, а потому, что, подобно аравийскому ослу, обладал телесной силой, а в бою — волей и упорством.⁴ Двор и все правительственные присутствия он перенёс в Харран, в Месопотамию. Ему предстояло править почти шесть лет до падения династии, и годы эти были трудными: шаткими, яростными и кровавыми.

Буря, которой предстояло свергнуть династию, поднялась на востоке в 747 году (129 г. х.), и одна за другой Фергана, Самарканд и Мерв пали перед Абу Муслимом, способным полководцем, чьи победы возвели Аббасидов на престол. Имам Аббасидов Ибрахим, благородный и кроткий юноша, был пленником в руках халифа, и Марван предал его смерти ужасным способом: голову ему засунули в кожаный мешок, наполненный негашёной известью.⁵ Гражданская война вступила в последнюю пору на берегах реки Заб, притока Тигра, к юго-востоку от Мосула. Битва произошла у селения Кушаф в

1. Масуди. «Мурудж», т. 3, с. 239.

2. Ибн Изари, т. 1, с. 59. По Ибн аль-Асиру (т. 5, с. 120), это сделали жители Дамаска.

3. Абу-ль-Фида, т. 1, с. 210.

4. Амир Али, с. 168; Хитти, с. 284.

5. Масуди. «Мурудж», т. 3, с. 260.

январе 750 года (джумада аль-ахира 132 г. х.), и Марван потерпел решительное поражение от аббасидского войска.

Два месяца спустя Абу-ль-Аббас ас-Саффах — Кровопроливец, брат убитого Ибрахима, — стал первым халифом дома Аббаса в Багдаде. Марван тем временем был в бегах и метался из конца в конец, а аббасидские отряды шли за ним по пятам. Сначала он явился в Мосул, затем в Харран, затем в Эмессу, затем в Дамаск, затем в Палестину, и преследователи не отставали. Он переправился в Египет и поднялся по Нилу с горсткой верных воинов. Настигли его наконец у Бусира (Бусируса), на западном берегу Нила, в округе Файюм, где он укрылся в старой христианской часовне.

«Загнанный халиф оборотился к погоне с мечом в руке, решив дорого продать свою жизнь. В короткой и яростной схватке, что завязалась следом, его пронзило копье. Случилось это 6 августа 750 года (27 зу-ль-хиджжа 132 г. х.). Омейядскому халифу было за шестьдесят,⁶ когда он умер, последний в династии, правившей миром ислама восемьдесят девять лет — девяносто три по лунному счёту».⁷

За падением династии последовала страшная резня: Аббасиды истребляли уцелевших. Новые правители задались целью искоренить род Омейядов, вырвать его с корнем, и действовали с крайней свирепостью. Обыскивали самые глухие места, беглецов выслеживали и, найдя, предавали смерти. Даже кости омейядских халифов вырывали и разбрасывали, а набальзамированное тело славного халифа Хишама ибн Абд аль-Малика, умершего семь лет назад, извлекли из могилы, бичевали и сожгли.

То был ужасный способ сменить правление. Омейяды приняли на себя всю силу арабской мстительности. Но по справедливости скажем: свирепость, с какой Аббасиды обошлись с Омейядами, была не хуже той, какую Омейяды сами являли в обращении с врагами.

Среди уцелевших в резне был юный царевич, Абд ар-Рахман, сын Муавии и внук халифа Хишама ибн Абд аль-Малика. Летним днём 750 года он сидел в затемнённой комнате, в селении на лесистом восточном берегу Евфрата. Глаза у него воспалились и болели. Он и те, кто был с ним, хранили крайнюю тишину и старались быть неприметными, как травимый

6. Возраст указывают по-разному: 70, 69, 62 и 58 лет. (Масуди. «Мурудж», т. 3, с. 247; Абу-ль-Фида, т. 1, с. 212.)

7. Хитти, с. 286.

зверь старается уйти от неотступного охотника. Он знал, что конные отряды под чёрным знаменем победоносных Аббасидов идут по его следу и рыщут по округе. Он не сомневался, что с ним сделают, если найдут. Чтобы сохранить спокойствие и владеть собой, понадобилось всё мужество его молодого сердца.

Юноша был наделён всеми достоинствами ума и сердца, всей крепостью тела и духа, какие сулят славу и величие. Но спутниками его рано стали трагедия и ужас. Ему не было ещё двадцати. Родился он в 731 году (113 г. х.) в Дайр-Хене, в округе Дамаска,⁸ и был ещё ребёнком, когда потерял отца, которого халиф Хишам готовил к престолу. После недавнего насильственного низвержения династии Омейядов новый аббасидский халиф объявил амнистию, и семья Абд ар-Рахмана — он сам, брат и сёстры — полагала, что находится в безопасности. Но, несмотря на амнистию, брата его Яхью схватили и убили в общей резне Омейядов, а Абд ар-Рахману посчастливилось унести жизнь. Он бежал из дома с несколькими родными и укрылся в доме на берегу Евфрата. Он надеялся, что хотя бы здесь будет в безопасности.

Он был высок, худощав и ловок, с голубыми глазами под тонкими бровями и крупным носом, но, говорят, лишён обоняния. Длинные каштановые волосы⁹ двумя косами спадали по сторонам лица, на котором заметно выступала родинка. Светлую кожу он, быть может, взял от берберской матери, Рахи, красавицы из племени нафза, жившего в области Триполи,¹⁰ которую привезли в Дамаск пленницей и которую взял себе Муавия, отец этого юного царевича. То были дни, описанные в главе 5, когда бессовестные наместники и чиновники выхватывали красивых жён и дочерей из берберских домов, чтобы пополнять гаремы Сирии.

Юноша был задумчив и склонен вглядываться в себя. Он владел даром красноречия, общим тогда арабам, и сам был поэтом. В нём жила огромная решимость, которую события со временем закалят. В тишине и покое затем-

8. Здесь есть некоторая путаница. Место называют также Хасной и Хенаном и помещают в округе Киннарина, на севере Сирии. Местом рождения называют и Улию в округе Тадмора (Пальмиры). (Ибн Изари, т. 2, с. 47; Маккари, т. 3, с. 48; Ибн аль-Асир, т. 6, с. 37; Инан, т. 1, с. 149; «Ахбар маджмуа», с. 50.)

9. Ибн Изари, т. 2, с. 48; Маккари, т. 1, с. 332. Арабское «ашхаб», каким именуют этого юношу, охватывает весь ряд светлых волос — от белокурых и рыжих до каштановых.

10. Ибн Хальдун, т. 4, с. 264. Другие помещают нафзу близ Сеуты, на средиземноморском берегу Марокко. Верным может оказаться и это.

нённой комнаты он перебирал недавнее прошлое, страшное падение династии, к которой принадлежал. Врата славы и величия на арабской родине — в Сирии, Ираке, Аравии, — ныне подвластной Аббасидам, перед ним закрылись. Счастья придётся искать в ином месте. Он думал идти в Магриб, далёкую землю матери.

В этом доме с ним были младший брат, мальчик тринадцати лет, две сестры, малолетний сын Сулайман, которому было четыре года, и верный вольноотпущенник по имени Бадр. Ребёнок вышел из дома, но вскоре вбежал снова, плача и крича от страха. Он бросился отцу в объятия. Абд ар-Рахман пытался отстранить его: глаза мучили. Но ребёнок вцепился в него и не давал себя утешить. Абд ар-Рахман вышел сам посмотреть, что испугало ребёнка, и увидел селение в смятении. Чёрные знамёна были повсюду. Охотники явились за добычей.

Младший брат выбежал из дома и, задержавшись лишь на миг, крикнул: «Беги, брат, чёрные знамёна здесь!» Абд ар-Рахман схватил мешок с динарами, сказал сёстрам, куда идёт, велел им прислать туда Бадра и бросился вслед за братом. Они укрылись неподалёку от селения и смотрели, как всадники окружают дом. Мальчиков не нашли, а женщинам и ребёнку вреда не причинили.

Вскоре после поспешного выхода из дома Абд ар-Рахман увидел человека, которого знал и которому доверял, и попросил купить двух коней и припасы в дорогу. Тот послал раба на рынок за покупками, но на беду раб этот был соглядатаем новой власти и тотчас донёс начальнику аббасидского отряда, где скрываются беглецы. Вскоре конный отряд уже шёл за царевичами.

Царевичи увидели их, пустились наутёк и кинулись в ближний сад, ища укрытия, но их заметили, и воины окружили сад. Единственный открытый путь вёл к Евфрату, и царевичи бросились к берегу, а чёрные знамёна гнались по пятам. Они достигли берега раньше преследователей и кинулись в реку в тот самый миг, когда те подъехали и остановились. Один из всадников хотел пуститься за беглецами в воду, но товарищи его отговорили. Конные стояли и смотрели, как мальчики уплывают, и кричали им вслед: «Вернитесь! Вам не причинят вреда!»

Абд ар-Рахман был сильным пловцом и уверенно правил к дальнему берегу. Евфрат на северо-востоке Сирии не так широк, как в Южном Ираке, но и такой переход был испытанием. Младший брат плыл следом, и стар-

ший ободрял его словом, а всадники на берегу всё пытались выманить их обратно. Близ середины реки младший стал выбиваться из сил. Затем его охватил страх: он боялся утонуть. Внезапно он повернул и поплыл назад, к берегу, который только что оставил. Абд ар-Рахман увидел это и крикнул: «Тебя убьют, брат! Ко мне!» Мальчик либо не расслышал, либо слишком устал, чтобы плыть дальше. Как утопающий, что хватается за соломинку, он детским сердцем поверил обещанию пощады, которое дали чёрные знамёна, и поплыл к ним. Он выбрался на берег в ту же минуту, когда старший брат, обтекая водой, вышел на противоположный берег.

Абд ар-Рахман обернулся и увидел брата у ног преследователей. Затем, если привести его собственные слова: «Они убили брата, который пришёл к ним под обещанием пощады. Они отсеки ему голову. Они унесли его голову. А я смотрел!»¹¹

Голову унесли как добычу. Видимо, тринадцатилетний мальчик был уже в таких годах, что убить его можно было с гордостью.

Абд ар-Рахмана наполнил ужас. Он направился к лесу и скрывался там, пока поиск не оставили. При нём оставалась лишь одежда, что была на нём.

Этому суждено было стать началом долгого пути через Сирию, Палестину и Египет, пути в 4 000 миль и скитаний долее пяти лет. Тревога и опасность уже не отпустят его: часто он будет уходить от погони на один лишь прыжок, жить то у бедуинов и пастухов, то один, снося лишения и опасности. В превратностях судьбы утешение и опору он станет брать в детском воспоминании о том, что случилось за девять лет до того, и воспоминание это, как внутренний свет, поведёт его сквозь самые тёмные дни долгого перехода.

Ему было тогда девять лет. Дед его, Хишам ибн Абд аль-Малик, был халифом. В Русафе, в округе Киннасрина, на севере Сирии, где жил Хишам, ребёнок вошёл в покои деда; там же находился брат халифа, Маслама.¹² Халиф был занят и знаком велел ребёнку уйти. Когда тот повернулся, чтобы выйти, двоюродный дед подошёл к нему, поднял и прижал к груди.

Масламу почитали физиогномом, человеком, который читает судьбу по лицам. Он обратился к брату. «Пусть останется, о повелитель правоверных,

11. Маккари, т. 3, с. 28; Ибн аль-Асир, т. 5, с. 184.

12. Русафа была загородным пребыванием халифа, или загородным домом. Это была прекрасная вилла между Пальмирой и Евфратом.

— сказал он. — Он господин дома Умайи, их прибежище в пору упадка их могущества. Он восстановит их державу после её падения. Будь добр к нему».¹³

С той поры мальчик занимал особое место в доме и в сердце Хишама ибн Абд аль-Малика, последнего из великих халифов дома Умайи. Халиф не только следил за воспитанием и учением мальчика, но и обеспечил благополучие Абд ар-Рахмана, передав ему то имущество халифа, которое поступало из испанской добычи. Доход был немалый, и для сбора его в Испанию каждый год отправляли человека по имени Саид ибн Аби Лайла.¹⁴

Где-то в Палестине к Абд ар-Рахману присоединились его вольноотпущенник Бадр и человек по имени Салим, вольноотпущенник его сестры, Умм Асбаг. На нужды брата она послала деньги и драгоценности со своим бывшим рабом, которому предстояло быть верным спутником царевича в скитаниях. Некоторое время Абд ар-Рахман оставался в Палестине, таясь, чтобы его не обнаружили, а затем двинулся на юг. Он вступил в Египет и здесь тоже какое-то время жил в неизвестности, прежде чем идти дальше, в Барку, на средиземноморском берегу, в нынешней северо-восточной Ливии.

В Барке пребывание их оказалось очень долгим. По одному источнику, царевич и бывшие рабы провели здесь пять лет,¹⁵ но это известие преувеличено. Если сверить сроки событий до Барки и после неё, пребывание в этом месте не могло длиться более двух лет. От преследователей здесь было сравнительно безопасно: место лежало за пределами Египта, а власть Аббасидов дальше Египта не шла. Барка входила в Северную Африку, которой всё ещё правил Абд ар-Рахман ибн Хабиб; о том, как он захватил власть, рассказано в главе 5. После долгого пребывания в Барке царевич двинулся в Триполи, где его тепло приняло берберское племя нафза — племя его матери.¹⁶

От Аббасидов опасность миновала, но перед царевичем встала новая, на этот раз от наместника Кайруана, Абд ар-Рахмана ибн Хабиба. При дворе этого наместника состоял иудей, некогда живший в Сирии на службе у Мас-

13. Маккари, т. 3, с. 63; Ибн Изари, т. 2, с. 41.

14. Маккари, т. 1, с. 33; Гаянгос, т. 2, с. 92.

15. Маккари, т. 3, с. 29.

16. Здесь есть некоторая путаница. Ибн Хальдун (т. 4, с. 262) помещает нафзу в Триполи. Мы знаем, что нафза обитала в области Сеуты, где Абд ар-Рахман в конце концов будет искать убежища у дядёв по матери. Быть может, то были два колена нафзы, с крепкими взаимными племенными узами, несмотря на расстояние между их землями.

ламы ибн Абд аль-Малика, двоюродного деда юного царевича, чей дар предвидеть грядущее уже был упомянут. От него иудей перенял кое-что из тайных наук и теперь сам судил и предсказывал. Он советовал наместнику, что творится в мире и что должно случиться. Одно из его предсказаний гласило, что человек из курайшитов, точнее из бану Умайя, взойдёт на престол Испании и положит начало новой династии. Имя его будет Абд ар-Рахман, и волосы он будет носить в двух косах.

Наместник размышлял об этом. Поскольку его самого звали Абд ар-Рахман, он решил, что престол Испании принадлежит ему, стоит лишь отрастить волосы в две косы, но иудей отговорил его от такого хода мысли: он не из предсказанного рода.¹⁷ Хотя теперь его убедили, что Испания не для него, предсказание всё же тревожило: его собственный двоюродный брат Юсуф был правителем той страны, и он не желал, чтобы правление Юсуфа было поколеблено или прервано. Он вознамерился узнать, не вступил ли в его владения какой-нибудь Абд ар-Рахман с волосами в две косы. С этой целью он разослал соглядатаев обыскивать города и сёла Северной Африки, и один из них сумел отыскать нашего Абд ар-Рахмана с двумя косами в Триполи. Царевича привезли в Кайруан, и там он оказался лицом к лицу со своим тёзкой, наместником.

Престарелый наместник смотрел на юного царевича. От него не укрылись величавость, достоинство осанки, некое изящество всего облика — качества, которые нисколько не успокоили наместника. Юноша мог быть опасен и, вероятно, был опасен. Он обернулся к иудею. «Это он, — прошептал он. — Я убью его».

Иудей ужаснулся такому повороту. Быть может, в нём ещё теплился след прежней верности, которой он некогда был обязан семье беспомощного беглеца. Он возразил своему господину простой и неопровержимой логикой: «Если убьёшь его — это не он. Если отпустишь — это он».¹⁸

Наместник отпустил его, и Абд ар-Рахман поспешил уйти. Он двинулся на запад: ближайшей заботой было уйти от Кайруана как можно дальше, на случай если наместник передумает, что вскоре и случилось.

Абд ар-Рахман ибн Хабиб был человеком переменчивой верности. Некогда он хотел Испанию, но, поняв, что не получит её, пришёл в Северную

17. «Ахбар маджмуа», с. 54; Дози, с. 165.

18. Ибн Изари, т. 2, с. 41; Маккари, т. 3, с. 28–29.

Африку и захватил власть средствами, которые трудно назвать честными. Когда Омейядов низвергли, он выждал, пока не стало ясно, что Аббасиды прочно держат восток, и тогда принёс присягу аббасидскому халифу. Вскоре после того, как Мансур вступил на престол вторым халифом династии, между халифом и наместником Северной Африки возникла распря. Последний не присылал денег — ни налогов, ни дани. Между ними завязалась переписка в грубых выражениях, и Абд ар-Рахман ибн Хабиб решил порвать с Багдадом, новой столицей мусульманского мира.

Он созвал народ в соборной мечети Кайруана и там открыто осудил Аббасидов и поносил халифа. «Я отвергаю его, — объявил он, — как отвергаю этот свой башмак». Картинным жестом он снял один башмак и отшвырнул его. Он отверг и чёрные одежды, знак Аббасидов: носить их значило признавать аббасидский халифат. «Это платье, — сказал он, — платье обитателей ада в аду!» Чёрные одежды он велел сжечь.¹⁹

Абд ар-Рахман ибн Хабиб не только отверг Аббасидов, но и мало жалел Омейядов, многие из которых искали убежища в Северной Африке. Двух царевичей, живших в Кайруане, убили, а прочих из рода Омейядов преследовали и теснили. Сам наместник позже будет убит собственными братьями, и на наместнический престол взойдёт его брат Ильяс.

Путь беглого царевича теперь обратился в бегство: за ним шли люди наместника. Наместник принял решение об омейядском юноше: что бы ни говорил иудей-прорицатель, он убьёт его. В одном месте юный Абд ар-Рахман укрывался у берберского вождя по имени Абу Курра Ванесус, когда воины наместника настигли его и начали обыскивать шатры становища. Жена вождя, Текфа, смогла спасти гостя лишь тем, что спрятала его в складах своего платья. Абд ар-Рахман не забудет этого: позже он пригласит вождя и его жену в Испанию, осыплет их почестями и откроет им свой дворец в Кордове.

Некоторое время Абд ар-Рахман жил в берберских поселениях вокруг Тахарта (Тиарета, в нынешнем северо-западном Алжире), затем двинулся ещё западнее. У одних родов он оставался дольше, чем у других, — у всякого, кто готов был принять безденежного беглеца. Он бродил среди племён макнаса и заната: где его принимали хорошо и давали почувствовать себя своим, где велели идти дальше и даже обижали.

19. Ибн Изари, т. 1, с. 67.

О том, что, без сомнения, было необычайным странствием, известно очень мало, а известное запутано. Но по горам и пустыням Магриба пробирался отчаявшийся и опечаленный юноша, никогда не зная, откуда возьмётся следующая еда и в каком неожиданном месте ударит убийца. Он надеялся утвердиться в Северной Африке, но Северная Африка была явно не для него; более того, она искала его гибели. И всё же он не забывал предсказания двоюродного деда: ему суждено восстановить могущество и славу Омейядов. Если бы только найти место, где восстановить павшую династию!

Скитания кончились, когда он вышел к средиземноморскому берегу. Какое именно место на этом берегу — неизвестно. По одним сведениям, то была Мелилья,²⁰ по другим — он был у племени мугила или заната,²¹ по третьим — в области племени нафза, в месте, называемом Сабра²² или Накур.²³ Всего вероятнее, то была Сеута,²⁴ где нафза безусловно обитала. Шла ранняя пора 754 года; беглый царевич был в бегах уже четыре года.²⁵

20. Ибн Хальдун, т. 4, с. 262.

21. Маккари, т. 3, с. 29, 49.

22. «Ахбар маджмуа», с. 55.

23. Леви-Провансаль, с. 64.

24. Дози, с. 167; Хитти, с. 505.

25. «Ахбар маджмуа», с. 55; Дози, с. 167.

ГЛАВА 10

Цель — Испания

Абд ар-Рахман ибн Муавия наконец почувствовал себя в безопасности.

Нафза была племенем его матери; хозяева приходились ему дядьями и двоюродными братьями по матери и приняли его как своего. Наместник Северной Африки, тёзка, которого в следующем году убьют собственные братья, словно потерял охоту преследовать злосчастного Омейяда. Во всяком случае, власть его над западными оконечностями Северной Африки, куда ушёл юный Абд ар-Рахман, была слаба, и здесь ему не удавалось добиваться своего так легко, как близ Кайруана. Царевич чувствовал себя дома; скитания кончились или почти кончились.

Всю эту дорогу он прошёл с двумя верными спутниками и слугами, Бадром и Салимом, которые ради молодого господина перенесли опасности и тяготы его четырёхлетнего пути. Салим воевал в Испании, при Мусе ибн Нусайре или вскоре после него, и много рассказывал Абд ар-Рахману об этой стране. Теперь же он покинул господина: его упрекнули за пустяк, и он счёл упрёк глубоко несправедливым после всего, что выстрадал вместе с юным царевичем и ради него. Он ушёл в сердцах и вернулся к прежней госпоже в Сирию, сестре Абд ар-Рахмана. Другой вольноотпущенник, Бадр, человек способный и мужественный, остался при господине. Он всегда будет с ним, состарится у него на службе и доживёт до того, чтобы вкусить горький плод неблагодарности омейядского царевича.

С североафриканского берега Абд ар-Рахман смотрел через пролив на Испанию. Он много слышал о смуте в Испании: о междоусобной войне, о разброде и беспорядке, о неумелом правлении фихрита Юсуфа под зловещей тенью блистательного ас-Сумайла. Он знал, что в южных округах Испании поселены сирийские дивизии, джунды, которые, вероятно, сохраняют верность делу Омейядов. Северная Африка была ему не по силам, но Испания — иное дело. Он пошлёт верного Бадра поглядеть, что там.

Испания брела вслепую, гонимая губительным порывом междоусобицы. Племенная распря араба с арабом, пришедшая на смену расовой распря араба с бербером, по-прежнему томила страну и вселяла тревогу и уныние в души правоверных. Йемениты кипели гневом от того, что их подчинила

меньшая партия мударитов. Раны битвы при Секунде не зажили; напротив, они продолжали гноиться из-за слабого и неспособного правления Юсуфа и своеволия надменного ас-Сумайла. Причины, которые привели к междоусобной войне, всё ещё были налицо, в дремлющем виде, готовые снова свергнуть страну в кровавую схватку.

Христиане наступали с севера и, пользуясь голодом, уже отняли у мусульман треть полуострова. Франки теснили в Септимании, где крепость Нарбонну тесно обложил Пипин Короткий. Эти ответные движения некогда смиренных соседей вдумчивые мусульмане видели со всё растущей тревогой. С грустью вспоминали они крепкое и преданное делу предводительство прежних лет, которое, существуя оно в эту минуту, отбросило бы астурийцев в их горы и погнало бы франков опростетью на север Франции. Голод милосердно миновал, но последствия его остались, и мусульмане походили на больного, что едва оправляется. При нынешнем положении дел в стране они не видели надежды повернуть дело вспять и вернуться к силе, единству и братству дней до междоусобной войны, если не переменится само командование и само направление. Испания созрела для перемены, для любой перемены, которая обещала лучшие времена исламу и мусульманам.

Влиятельной силой в военном устройстве Испании был сирийский контингент, пришедший с Бальджем выручать Испанию от восставших берберов. Контингент раздробил Абу-ль-Хаттар, и его дивизии, или джунды, были рассеяны по разным округам, как рассказано в главе 6, но несколько дивизий сражались как верные войска в битве при Секунде и хранили на полуострове традицию победы. Они заслужили благодарность и уважение Юсуфа и ас-Сумайла.

Всего вернее дому Умайи были дивизии Дамаска, поселённые в Эльвире (Гранаде), и Киннастрина, поселённые в Хаэне. Они состояли из мавали бану Умайя, иначе говоря из вольноотпущенников, или потомков вольноотпущенников, или людей подчинённых родов, принятых под покровительство (здесь арабы, а не покорённые иноплеменники), чья верность роду, к которому их приписали, была так же крепка, как если бы они родились в этом роде. Во главе дамасской дивизии в Эльвире, насчитывавшей 400–500 человек, стояли Абу Усман Убайдуллах ибн Усман и его зять, Абдуллах ибн Халид; первый был общим начальником дивизии. Эти двое понесут омейядское знамя в бою, когда дивизию позовут на дело. И мавали Омейядов гор-

дились связью со старшим родом, гордились свершениями Омейядов и тем господством, какое Омейяды держали в мире ислама.

Именно к Убайдуллаху Абд ар-Рахман послал своего вольноотпущенника Бадра в самом конце 136 г. х. (около июня 754 года). Царевич был тогда на берегу близ Мелильи, куда перешёл, проведя некоторое время у нафзы. Он послал с Бадром письмо к Убайдуллаху, где перечислялись все благодеяния, какие мавали и их предки получили от прежних поколений бану Умайя, и настойчиво заявлял своё право на престол как наследник деда, Хишама ибн Абд аль-Малика. Он просил омейядских мавали подняться ему на поддержку и обещал честь и награду тем, кто это сделает. Убайдуллаху советовал также искать помощи у людей, которым можно доверять, и воспользоваться трением, существующим между йеменитами и мударитами.¹ Абд ар-Рахман отдал Бадру свой перстень с печатью, чтобы тот, согласуясь с Убайдуллахом, готовил письма от имени царевича и рассылал их тем, кто мог помочь его делу. Письма можно было скреплять перстнем.

Бадр высадился на берегу Эльвиры, к югу от будущей Гранады, и оттуда направился к жилищу Убайдуллаха. Он вручил вождю письмо Претендента. Старый воин отозвался благоприятно. Побуждения его, однако, были скорее корыстны, чем благородны: он знал, что установление омейядской власти в Испании сулит ему немалую выгоду. Он тайно обменялся письмами с Юсуфом ибн Бухтом, начальником дивизии Киннаsrина в Хаэне, и оба согласились искать совета и помощи у ас-Сумайла. Если тот примкнёт к ним, дело их будет легко; если же нет, он по крайней мере человек чести и не выдаст их тайны.

То была ранняя пора 137 г. х. (середина 754 года), когда ас-Сумайл был осаждён в Сарагосе и, покинутый наместником Юсуфом, воззвал о помощи к мударитам юга Испании. Уже теперь полк в 400 всадников готовился выступить на север, чтобы выручить своего вождя, и с отрядом, идущим на выручку, должен был идти отряд омейядских мавали под началом Абу Усмана и Абдуллаха ибн Халида. Младший из этих двоих, зять другого, не вполне доверял ас-Сумайлу. Он знал, что, едва Абд ар-Рахман возьмёт бразды правления в свои руки, ас-Сумайл утратит то выгодное и влиятельное положение, которым пользуется теперь из-за слабости фихрита Юсуфа. Естественным его стремлением будет противиться смене власти. Поэтому

1. Маккари, т. 3, с. 29.

Абдуллах предложил сказать ас-Сумайлу, будто Абд ар-Рахман прибыл в Испанию лишь искать убежища и вернуть имущество — деньги, добро, поместья и прочее, — которым прежде владел его дед Хишам и которое теперь по закону принадлежит юному царевичу: на доходы с него он мог бы жить в мире и довольстве. Старший, тесть другого, согласился, что держаться следует этой линии.²

Освобождение Сарагосы описано в главе 7. Ас-Сумайл избавился от давления мятежников и от унижения осады, когда приходится просить помощи. Он снова был самим собой, прежним и величавым. Омейядские мавали имели с ним частную беседу и взяли с собой Бадра. Они передали ему письмо Абд ар-Рахмана, где напоминалось о связях его семьи с бану Умайя и о добре, которое последние оказали первым. Ас-Сумайл пылал гневом на то, как подвёл его Юсуф, не пожелавший прийти на помощь. Он разразился обличительной речью против фихрита и осыпал его бранью. По видимому, однако, по существу дела Претендента не обсудили ничего. Ас-Сумайл принял мавали ласково и обещал подумать. Затем он вернулся в Кордову, а Омейяды — по своим домам в Эльвире.

Следующая их встреча произошла в Хаэне в конце 137 г. х. (ранним летом 755 года). Юсуф стоял лагерем с разными отрядами на пути в Сарагосу, которую намеревался отнять у мятежников (и отнял, как рассказано в главе 7). Два омейядских вождя предстали перед наместником, и тот потребовал, чтобы воинов дамасской дивизии прислали на службу в войско. Они отговорились — тяготы, бедность, нехватка припасов, — но обещали вскоре присоединиться к наместнику со своими людьми. Они вытянули из него и 1 000 динаров, деньги, нужные, чтобы приготовить свои части к делу под Сарагосой. Когда Юсуф двинулся дальше, Убайдуллах и Абдуллах в сопровождении Бадра пошли к шатру ас-Сумайла.

Как уже сказано, ас-Сумайл был крепко предан бутылке. Он пил каждую ночь и каждую ночь напивался.³ Поутру он поздно просыпался и поздно выходил из похмелья, прежде чем мог ясно мыслить и действовать твёрдо. В это утро раб разбудил его, чтобы он принял трёх посетителей. Они прямо изложили ему свой замысел: переправить юного царевича на полуостров, чтобы он взял дела в свои руки.

2. Там же.

3. «Ахбар маджмуа», с. 71.

Ас-Сумайл был ещё мутен после ночной попойки и снова бранил Юсуфа за то, что тот не пришёл к нему на помощь в Сарагосе. Что до замысла о юном царевиче, первое движение его было благоприятным. Он думал, что прибытие царевича пойдёт ему на пользу. «Я с вами в том, чего вы хотите, — сказал он. — Пишите ему, чтобы ехал. Когда он будет здесь, мы попросим Юсуфа принять его благосклонно, быть к нему добрым и отдать ему в жёны свою дочь.⁴ Если он не согласится, мы ударим его мечами по лысой голове и силой перенесём власть от него к нему», — то есть от Юсуфа к Абд ар-Рахману.⁵

Посетители возликовали. Лучшего они и желать не могли. С самым могущественным полководцем Испании на своей стороне им не составит труда осуществить замысел. Возведение Абд ар-Рахмана в правители Испании было всё равно что совершено. Они горячо благодарили полководца и целовали ему руку. Ему предстояло ехать в Толедо, куда Юсуф назначил его правителем, но он не тронется, пока не выветрится действие вина. Омейядские мавали тем временем отклонялись и пустились в дорогу на Эльвиру.

Прошло немного времени, и голова ас-Сумайла очистилась от винных паров. Он внезапно с ужасом понял, в какую западню себя пускает: Абд ар-Рахман войдёт, ас-Сумайл выйдет, а этого он не допустит. Он послал раба вскачь за тремя путниками, велел сказать им, чтобы остановились и ждали его.

Они уже прошли милю, когда раб нагнал их и велел ждать прибытия полководца. Они ждали, сбитые с толку. Затем ас-Сумайл подъехал лёгким галопом на белом муле по имени Каукаб («Звезда») и, приблизившись к омейядским мавали, сказал: «Я обдумал дело, о котором говорил с вами. Я вижу, что этот юноша, на поддержку которому вы меня зовёте, происходит из такого рода, что, если кто-нибудь из его членов помочится на эту землю, мы все утонем в его моче.⁶ Что до этого человека, — то есть Юсуфа, — мы имеем на него влияние и клонимся к нему. Клянусь Аллахом, если, вернувшись домой, вы будете стоять на замысле, о котором мы говорили в последний раз, я выступлю против вас ради самого себя. Могу сказать вам: первый

4. Эта женщина — Умм Муса, вдова Катана, сына Абд аль-Малика, который впустил сирийцев в Испанию, а позже был убит и распят сторонниками Бальджа.

5. Маккари, т. 3, с. 29.

6. Смысл был в том, что одного Омейяда довольно, чтобы зажечь всю Испанию и погубить всех.

меч, обнажённый против вашего господина, будет мой. Да направит вас Аллах во всё, что вы делаете!»⁷

Для мавали это была пощёчина, но они быстро овладели собой. «У нас нет иного мнения, кроме вашего, — поспешили они его уверить. — Мы поступим так, как скажете вы».

Эта дверь закрылась. Мудариты не встанут на их сторону, во всяком случае не как партия, которую ведёт ас-Сумайл. Придётся искать иные пути, и, как истинные заговорщики, они принялись создавать опору своему избраннику. Они обратились к племенам йеменитской партии и нашли их горящими жаждой мести, кипящими ненавистью к мударитам, готовыми принять всякого, кто низвергнет Юсуфа и ас-Сумайла. Заговорщики раздували пламя старой вражды.

Их всадники скакали по Южной Испании к каждому роду, к каждому дому, который мог стать союзником и поддержать Претендента. Они ехали не только к йеменитским родам, но и к мударитским, не тесно связанным с Юсуфом и ас-Сумайлом. Они везли письма, скреплённые перстнем царевича, и содержание их было одно: там превозносились достоинства омейядского халифата, подчёркивалось, как ужасно положение Испании и как прекрасно было бы, если бы Абд ар-Рахман стал правителем страны; право его покоилось не только на том, что он внук славного халифа Хишама, но и на том, что Бог наделил его всяким качеством, какого требует высокое место.

7. Маккари, т. 3, с. 30–31; Ибн аль-Кутийя, с. 24; «Ахбар маджмуа», с. 73. По Ибн Изари (т. 2, с. 43), ас-Сумайл обещал им поддержку, если Абд ар-Рахман придет с миром, чтобы просто жить в Испании, а не властвовать над ними.

ГЛАВА 11

Приготовления к войне

Нет ли всюду ответ был благоприятным. Те, кому доверили весть, передавали её другим, кому доверяли сами. Уже обращённые к мысли о приходе Абд ар-Рахмана обращали новых. Молва о приходе омейядского царевича разбегалась, как огонь по сухому кустарнику. Заверения в поддержке шли со всех сторон. Пока Юсуф был занят подавлением мятежа на Верхней границе, страну у него за спиной уводили.

Прошёл год с тех пор, как Бадр высадился на испанский берег. Наступил 138 г. х. (он начался 16 июня 755 года). Заговорщики были готовы. Оставалось лишь переправить избранника в Испанию. Убайдуллах и его товарищи купили судёнышко и снабдили его припасами на путь в Северную Африку и обратно. Избрали десятерых верных людей, чтобы ехать за царевичем, и среди них был видный член кружка по имени Тамам ибн Алькама ас-Сакафи; ему Убайдуллах дал 500 динаров на непредвиденные расходы. Это была часть той тысячи динаров, которую наместник Юсуф дал Убайдуллаху, чтобы готовить людей к делу против мятежников в Сарагосе. С десятой поехал верный Бадр, чтобы передать господину приглашение в Испанию.

Абд ар-Рахман долго томился в ожидании. Жизнь была довольно приятна в небольшом прибрежном поселении берберского племени мугила, близ города Мелильи. Вождь поселения, Абу Курра Ванесус, был к нему добр, и о нём хорошо заботились. Это тот самый вождь, чья жена спрятала царевича в складках платья, когда воины наместника внезапно явились в их становище искать беглеца. Но царевич знал, что он изгой, последний уцелевший Омейяд, который может прямо возводить род к некогда правившей семье. Надежды его судьба могла разбить, и, если испанское предприятие не удастся, он так и останется изгоем. И всё же он продолжал лелеять видения нового царства, где восстановит славу дома Умайи, как предсказал двоюродный дед.

Затем однажды вечером, когда он совершал омовение перед вечерней молитвой, он увидел судно, подходящее к берегу. Царевич ждал нетерпеливо. Едва судно ткнулось в отмель, Бадр выскочил и бросился к господину

с доброй вестью. В немногих словах он передал суть своего рассказа. Затем подошли другие приветствовать человека, в котором надеялись увидеть нового государя. Во главе их был Тамам ибн Алькама.

Днём 14 августа 755 года (1 раби аль-авваля 138 г. х.) судно с Абд ар-Рахманом пристало к испанскому берегу у аль-Мунакаба (Альмуньекара), к югу от нынешней Гранады, и Убайдуллах ибн Усман и Абдуллах ибн Халид приняли его тепло и с почетом. Скоро настало время послеполуденной молитвы, и царевич совершил обрядовую молитву вместе с двумя вождами и другими Омейядами, собравшимися его встретить. После молитвы они двинулись вглубь страны, в Торрокс, где было жилище Убайдуллаха. Претенденту предстояло пробыть здесь некоторое время, обдумывая своё положение и замышляя следующий шаг.

По прибытии в Торрокс кто-то поднёс ему чашу вина. Царевич отклонил подношение словами: «Мне нужно то, что обостряет внимание, а не то, что притупляет его». Другой доброжелатель привёл красивую рабыню. Посмотрев на неё некоторое время с восхищением, он сказал: «Если я удержу свою решимость в том, чего ищу, ценой внимания к этой девушке, это будет несправедливо к ней. Если я займусь ею ценой того, чего ищу, это будет несправедливо к моей решимости». Он отклонил и это подношение.¹

То была решительная пора в жизни Абд ар-Рахмана. Ему было двадцать пять лет, он был в самой силе молодости. Последние пять лет были годами бегства от прежних врагов и от развалин утраченного наследия. То была борьба за то, чтобы уцелеть. Теперь перед ним было не бегство, а движение в бой с будущими врагами, бой, который решит, будет ли он господином и повелителем или беглецом и изгоем, быть может трупом. В уме у него было совершенно ясно: он не согласится ни на что меньшее, чем высшее место в стране. Он не намерен принять удобную и мирную жизнь земельного дворянства. Он либо победит и возьмёт всё, либо проиграет и отдаст всё. Среднего пути не будет.

Юсуф и ас-Сумайл были его возможными врагами. Они всеми силами воспротивятся попытке чужака вырвать у них власть, каковы бы ни были достоинства этого чужака. Юсуф был старым глупцом, который мог склониться к миру, но ас-Сумайл был старым лисом, который, скорее всего, ста-

1. Маккари, т. 3, с. 42.

нет биться до конца; а поскольку Юсуф был как воск в руках полководца, возобладает воля ас-Сумайла.

Абд ар-Рахман достаточно узнал об этой странной паре, чтобы не доверять им и не верить, будто они охотно подчинятся его требованию отойти в сторону. Ему придётся сразиться с ними, сломить их сопротивление силой и хитростью, прежде чем престол станет его.

Первым делом нужно было утвердиться в Испании. Он получил точку опоры — в земле и в умах верных сирийцев, — но должен укрепить основание и собрать больше сил, чтобы бросить вызов власти правящего правительства с положения силы. Он воззовёт к чувству всей страны, а не к расовому и племенному, не гнушаясь пользоваться племенными различиями, когда это ему выгодно. Он предложит себя правителем всех испанцев, без различия расы и партии, восстановителем славы и благоденствия Испании, ответом на молитву каждого.

В Торроксе он принимал посольства арабских родов, которые склонялись к нему и обещали поддержку. Они приходили со всего юга Испании, куда были расселены и где осели сирийские контингенты. Среди них были видные люди мусульманской Испании: вожди арабских родов и групп омейядских мавали, племенные вожди сирийцев и баладийцев, даже берберы. Самыми заметными среди посетителей были Юсуф ибн Бухт, начальник дивизии Киннастрина в Хаэне и глава всех Омейядов в Испании; Джудар ибн Амр, начальник дивизии Иордана, позже ставший кади, судьёй войска; и Абу Абда Хасан ибн Малик из Севильи, которому однажды предстояло стать визирем. Все вожди предостерегали царевича против Юсуфа и ас-Сумайла. «Мы боимся коварства ас-Сумайла, — доверительно говорили они. — От его злобы мы никогда не в безопасности. Что до фихрита, мы знаем то-то и то-то...»²

Почву для прихода их господина уже подготовили омейядские мавали во главе с Убайдуллахом и Абдуллахом ибн Халидом: они разослали призыв надёжным арабским группам собраться на сторону омейядского царевича. Теперь Абд ар-Рахман возобновил призыв и обратил его ко всем мусульманам — ко всем племенам и родам, арабам и берберам, — и все они принимали его послов и письма, призывавшие поддержать царевича. Ответ в целом был благоприятным и горячим, особенно в сирийских джундах, чьи

2. Ибн Изари, т. 2, с. 45. Так сказано в подлинном рассказе.

вожди обещали царевичу немедленную присягу. Йемениты тоже были за пришельца против Юсуфа и ас-Сумайла и тайно уверяли его посланцев в своей поддержке. Среди мударитов мнения разделились. Одни выбрали дело Омейядов, но большинство осталось с Юсуфом и ас-Сумайлом. Хотя отклик в целом обнадеживал, этого было мало. Претенденту нужно было ещё нарастить силу, прежде чем он мог надеяться на победу над Юсуфом и ас-Сумайлом. Приходилось ждать.

Рассылая послов в разные части Испании, он держался так, словно не представляет угрозы Юсуфу и ас-Сумайлу, и надеялся оставить их в неведении относительно своих намерений. Но Юсуф всё же узнал, что затевают Омейяды, и написал их вождям, предостерегая против неверности правящей власти и грозя карой, если неверность будет доказана. Омейяды, получившие предостережение, уверили наместника, что страхи его напрасны. «Сын Муавии пришёл к нам и к общине своих мавали, — писали они. — Он ищет только богатства, а не того, что подозревает наместник, да будет Аллах добр к нему!»³

Юсуф стоял лагерем на берегу Харамы, в горах Гуадаррамы, к северу от Толедо. Он был человек встревоженный: его мучил поворот событий и мучила совесть. Отряд, посланный подавить восстание басков, был изрублен, и немногие уцелевшие вернулись рассказать наместнику о своём поражении. Сверх того, он только что, под давлением ас-Сумайла, казнил трёх арабских вождей мятежников, которые отняли у ас-Сумайла Сарагосу. Когда дело было сделано, оно тяжело легло ему на душу. В известном смысле то было вероломство: на совете старейшин, собранном до этого, он дал слово, что не казнит этих людей.

В таком угнетённом расположении духа он и был, когда из Кордовы пришёл посланец его сына с тревожной вестью: Абд ар-Рахман высадился на берегу аль-Мунаккаба, в пределах джунда Дамаска, зовёт арабов к себе, и омейядские мавали откликнулись горячо и уже теперь стекаются к его знамени. Чаша горечи Юсуфа и без того была полна. Теперь она переполнилась. Он печально обернулся к ас-Сумайлу: «Что ты думаешь обо всём этом?»

Ас-Сумайл некоторое время обдумывал дело, затем сказал: «Моё мнение таково: нам следует разделаться с ним, пока он не стал сильнее. Я не дове-

3. Ибн Изари, т. 2, с. 44.

ряю этим йеменитам из-за злобы, которую они на нас держат. Нам следует немедленно идти на него с теми войсками, какие у нас есть. Мы либо убьём его, либо прогоним. Если он бежит, он уже никогда не поднимется против нас».

«Тяжело», — пробормотал Юсуф и удалился в свой шатёр.

То была нескладная пара: Юсуф слаб, колеблется и путается; ас-Сумайл решителен, крепок и ясен головой, когда не пьян. Стратегия его была хороша, и они пошли бы по ней, но события их опередили.

Весть, привезённая гонцом из Кордовы, уже разошлась по войску и обсуждалась в каждом шатре. Воины устали. У них не было охоты идти в новую битву, тем более что на этот раз они бились бы за правящую пару, которую никто не любил, и против нового соискателя власти, который обещал предводительство лучшего качества и к которому уже перешло большое число арабов. Сверх того, воины с отвращением приняли казнь трёх сарагосских заложников: все трое были людьми весомыми, и наместник прежде пощадил им жизнь. После долгих толков в лагере большинство воинов решило, что не пойдёт в новую битву лишь затем, чтобы поддержать власть ас-Сумайла.⁴

Большая часть войска украдкой ушла из лагеря. Племенные отряды разошлись по домам. Ночью лил сильный дождь и заглушал шум их движения, так что наместник ничего не знал до самого утра, когда проснулся. Тогда он увидел, что не осталось почти никого. Оставшиеся были его рабы, знаменосцы, которых честь обязывала оставаться при знамёнах, десять йеменитов и несколько человек из бану Кайс (ветви мударитов), лично привязанных к своему вождю ас-Сумайлу.

Потрясённый Юсуф отыскал ас-Сумайла, и тот повторил свой совет: выступать без промедления против Абд ар-Рахмана.⁵

Это вывело Юсуфа из себя. «Ты это говоришь! — вырвалось у него. — С кем нам идти на него? Ты видишь, что воины нас покинули. Казна пуста, за плечами пусто, голод изнурил нас в пути. Пойдём в Кордову и начнём приготовления сызнова, когда вникнем в дело и положение прояснится. Быть может, оно иное, чем нам передали».

4. «Ахбар маджмуа», с. 79.

5. По Маккари (т. 3, с. 32), этот последний обмен словами произошёл в Толедо, куда Юсуф и ас-Сумайл отправились после того, как их войско разошлось.

«Совет мой остаётся тем же, какой я тебе уже дал, — настаивал ас-Сумайл. — Иного совета у меня нет. Если не последуешь ему, ошибка твоя скоро станет очевидна».

Если бы совету ас-Сумайла последовали, история мусульманской Испании могла бы пойти иным путём: слабость Юсуфа и ас-Сумайла была ничто рядом с уязвимостью Абд ар-Рахмана. Но Юсуф был не тот человек, чтобы выстоять в таком испытании, и не при таких обстоятельствах. Он приказал возвращаться в Кордову, и остатки некогда единого войска мусульманской Испании двинулись к столице. Наместник Испании упустил золотой случай.

Наступала зима. Шли сильные дожди, и дороги обратились в грязь. Реки вздулись. И словно этого было мало, чтобы удержать и без того нерешительного Юсуфа, один из его офицеров пришёл к нему и сказал: «Этот человек, — он разумел Абд ар-Рахмана, — не показывает, что имеет виды на твоё правление. Он пришёл лишь искать убежища и пропитания. Тебе следует предложить ему в жёны свою дочь и дать несколько поместий. Больше он ничего не потребует. Пошли к нему посольство».⁶

Зима и непогода встали между замыслом ас-Сумайла и его исполнением, а замысел был здравый: ударить по возможному врагу, пока тот не собрал силы, достаточной для серьёзной угрозы. Во всяком случае, им понадобится время, чтобы нарастить свои силы. Тем временем приходили вести, что люди повсюду обращаются к Претенденту и клянутся ему в поддержке. С этим нужно было что-то сделать, что-то, чего не останавливают ни погода, ни наличие войск. Ас-Сумайл прибегнул к мерам дипломатическим — к хитрости и лукавству, — чтобы выбить ветер из парусов Абд ар-Рахмана или по меньшей мере выиграть время для своих приготовлений.⁷

Юсуф согласился предложить свою дочь в жёны омейядскому царевичу; согласился, что царевич может поселиться на земле джунда Дамаска (Эль-вира) или джунда Иордана (Райя) либо где угодно между ними; что он может даже править этими двумя округами и ведать ими. В дар, который следовало вручить немедленно, он приготовил два одеяния, двух коней, двух мулов, двух рабов и 500 динаров.⁸ Юсуф написал также письмо Абд

6. Маккари, т. 3, с. 32–33; Ибн Изари, т. 2, с. 44; «Ахбар маджмуа».

7. «Ахбар маджмуа», с. 79; Дози, с. 180.

8. Ибн Изари, т. 2, с. 45; «Ахбар маджмуа», с. 79. По последнему источнику, сумма составляла 1 000 динаров. Добавочным даром для Бадр были одеяние, конь и 100 динаров.

ар-Рахману, где упоминал об отличных отношениях, существовавших между предками царевича и его собственными, и предостерегал против двуличных советчиков, которые собьют его с пути и предадут. Он предлагал ему свою верную дружбу, предлагал и руку своей дочери и тепло звал царевича остаться с ним в Испании.⁹

Дары и письмо послали с двумя посланцами: Убайдом ибн Али и Халидом ибн Зайдом. Первый был видным мударитским вождем, второй — испанцем, чей отец был христианским рабом, но принял ислам и за это был отпущен Юсуфом на волю.¹⁰ Сын был мальчиком очень смыслённым и прилежным и получил под попечением Юсуфа прекрасное образование. Он явил такие отличные успехи и так хорошо освоил арабскую словесность и слог, что Юсуф сделал его своим секретарём. Это был яркий молодой человек, и говорить с Абд ар-Рахманом и его спутниками предстояло большей частью ему. «Узнай, как у него обстоят дела и какие джунды с ним, — сказал Юсуф молодому испанскому мусульманину. — Замечай всё, что узнаешь о нём и о тех, кто с ним».¹¹¹²

Посольство прибыло в Эльвиру. Халид представил дары и письмо наместника. Абд ар-Рахман был достаточно мудр, чтобы не бросаться к решению, не посоветовавшись с теми, кто лучше знал испанские дела. Советчики предостерегали его: не доверять Юсуфу и не принимать брачного предложения, которое создаст родство, более выгодное наместнику, чем Претенденту. Они убеждали его не принимать ничего меньшего, чем отказ Юсуфа от власти и клятву верности ему самому. «Он тебя обманывает, — предупреждали они царевича. — Он не сдержит слова, потому что его советчик и человек, который на деле ведёт его дела, — ас-Сумайл, а ас-Сумайлу доверять нельзя».

Абд ар-Рахман принял дары, но не предложение брака с дочерью Юсуфа. Это разгневало молодого посланца, и он заговорил с царевичем непочтительно, за что его заковали и бросили в темницу.¹³ Другого посланца, Убайда ибн Али, отослали в Кордову с учтивостью, подобающей послу, но

9. Ибн Изари, т. 2, с. 45–46; «Ахбар маджмуа», с. 79–80.

10. Последнего называют также Халидом ибн Язидом.

11. Ибн Изари, т. 2, с. 45.

12. Там же, с. 46.

13. По «Ахбар маджмуа» (с. 81), Халид говорил свысока. Убайдуллах, старый вождь, швырнул письмо Юсуфа ему в лицо и посадил молодого человека в цепи.

Абд ар-Рахман не послал Юсуфу никакого ответа, и это ещё больше смутило мятущегося старого наместника. Спутники Абд ар-Рахмана между тем поздравили его: «Это первая наша победа над властью Юсуфа».¹⁴

Абд ар-Рахман бросил вызов, не уточняя его вида и силы. Он предоставил наместнику самому истолковать его молчание и ответить либо мирной покорностью, либо военным действием. Юсуф, подстрекаемый ас-Сумайлом, избрал войну. Зима была в разгаре, и никаких действий нельзя было начать, пока худшая её пора не минует, но приготовления могли начаться — и начались. Большинство мударитов было с Юсуфом и ас-Сумайлом, и лишь немногие перешли к Абд ар-Рахману; все сирийцы и йемениты были за Абд ар-Рахмана, последние не потому, что любили Абд ар-Рахмана, а потому, что ненавидели Юсуфа и ас-Сумайла. Те, кто ещё не решился, решатся очень скоро.

Зима ещё не кончилась, когда правительство начало приготовления к войне против соперника. Шёл февраль 756 года. Отдан был приказ собрать войска при Секунде, на южном берегу Гвадалquivира, напротив Кордовы. Войскам указали цель: неприятель в Эльвире. Февраль ещё не истёк, когда силы начали двигаться в лагерь. Вскоре весть об этих военных приготовлениях дошла до Абд ар-Рахмана и омейядских вождей. Ему тоже пришла пора выступить и собирать силы для предстоящей борьбы, пора встретить друзей и просить их встать и назваться.

С тех пор как Претендент высадился на испанский берег, прошло более шести месяцев. За это время он установил связь с возможными сторонниками во всех родах и всех джундах и от большинства получил обнадеживающий ответ. Военная сила Омейядов в Эльвире первоначально состояла из 300 всадников, все из дивизии Дамаска, но за месяцы её пополнили группы из других округов, главным образом омейядские мавали, и сила отряда выросла до 600. С этой конницей и в сопровождении своих вождей Абд ар-Рахман выступил из Эльвиры в первых числах марта.

Первую остановку он сделал в Арчидоне, столице округа Райя, округа дивизии Иордана. Он поехал туда потому, что вождь иорданцев, Джудар ибн Амр, пригласил его на праздник, на ид аль-фитр, первое шавваля (8 марта 756 года). Царевич и его свита присоединились к иорданцам на общей молитве, которой завершался месяц поста. По окончании молитвы,

14. «Ахбар маджмуа», с. 81.

когда хатибу, предстоятелю молитвы, пришло время произнести слово от имени правителя, иорданский вождь велел ему отвергнуть Юсуфа ибн Абд ар-Рахмана как наместника Испании и произнести проповедь от имени Абд ар-Рахмана ибн Муавии ибн Хишама. «Он наш эмир и сын нашего эмира», — заявил Джудар.

Хатиб сделал, как ему было велено, и после проповеди все присутствующие принесли клятву верности омейядскому царевичу. День или два спустя к силам царевича прибавилось 400 всадников из берберского племени бану аль-Хали, жившего в Ронде.

Движение Абд ар-Рахмана стало теперь похоже на торжественный поезд: он шёл от места к месту, принимая приветствия вождей, приветственные клики и молитвы доброжелателей и набирая новых воинов своему делу из всех партий и родов. Колонна шла в Ронду, в Медину-Сидонию, в Херес, в Морон. По мере движения сила нарастала, как снежный ком, пока на подступах к Севилье не насчитывала 3 000. Шёл конец шавваля (начало апреля).

Здесь Абд ар-Рахман принял посольство видных жителей Севильи, представлявших переселенцев и баладийцев. Во главе его стояли Абу Сабах Яхья ибн Яхья, один из самых видных арабских вождей Испании, и Хайят ибн Муламис, один из первых вождей Гарба, как называли юго-западную часть Испании. Вследствие приёма в Севилье люди Гарба тоже, арабы и берберы, примкнули к омейядскому царевичу.¹⁵

Вскоре после прибытия в Севилью Абд ар-Рахман созвал совет старейшин, чтобы наметить следующий шаг. Только что пришло известие, что Юсуф и ас-Сумайл выступили из Кордовы и идут на Севилью. На совете согласились, что пришла пора двигаться на Кордову и взять её. Пришла пора решительной схватки, пора решающей битвы.

15. Ибн аль-Кутийя, с. 25.

ГЛАВА 12

Битва при Мусаре

Первым двинулся Юсуф. Он знал, что попытка втянуть Претендента в союз не удалась и что, подходя к Севилье, Претендент набирает силу, и решил не ждать, а взять Абд ар-Рахмана, пока тот не стал слишком силён. Правительственные войска и без того поределели от дезертирства. Многие воины покинули Юсуфа: одни устали от походов, другие не хотели встречаться с растущей мощью омейядского принца. При нём остались главным образом два рода — бану Фихр, его собственный, и бану Кайс, вождём которых был ас-Сумайл. С этими родами он выступил из Кордовы по северному берегу Гвадалquivира, в сторону Севильи. Зачем он пошёл северным берегом, когда Севилья лежит на южном (и восточном), неясно. Вероятно, это была осторожность: река между ним и неприятелем, чтобы его не застали врасплох, и притом он оставался на том же берегу, что и столица. Первый стан он разбил у Модовера, в 12 милях от Кордовы (ныне Альмодовар-дель-Рио).¹

Услышав, что Юсуф и ас-Сумайл вышли из Кордовы, Абд ар-Рахман двинулся из Севильи по южному берегу Гвадалquivира. Это было в самом начале зу-ль-хиджжи 138 г. х. (6–7 мая 756 г.). Под его началом стояло пёстрое войско: Омейяды и их мавали (почти все сирийцы), основная масса йеменитов, часть мударитов и большой отряд берберов с юго-запада Испании. Общей численности его армии мы не знаем. К концу дневного перехода войско остановилось в Бренесе, в округе Тосины.²

Воины едва успели поставить шатры, как спохватились: у Абд ар-Рахмана нет знамени. Знамя было символом величайшей важности. Оно указывало место полководца в бою и подтверждало, что он с войском. Потерять его было позором, а пока оно реяло, в нём читались вызов войска и воля к победе. У Абд ар-Рахмана знамени не было.

1. «Ахбар маджмуа», с. 85. По Ибн аль-Кутийе (с. 26), Юсуф остановился у замка Ниба; места этого не отыскать, но оно, вероятно, было по соседству с Модовером.

2. Ибн аль-Кутийя (с. 26) называет это место Вильянуэва аль-Бахрайн. Сегодня по соседству три Вильянуэвы, но все лежат к северу от реки.

«Как идти за полководцем, у которого нет знамени? — говорили люди друг другу. — Нет знамени, которое в бою вывело бы нас к нему».³

Старики согласились с общим чувством: знамя необходимо. Абу Сабах, начальник Севильи и общий глава йеменитской стороны при Абд ар-Рахмане, вынес копье и чалму, чтобы наскоро собрать знамя. Копье, однако, оказалось длинным, и, чтобы привязать чалму к верхнему концу, его пришлось бы опустить, а воины сочли, что опускать его — дурная примета. Это кажется нелепым: высокие знамёна всегда опускали, чтобы укрепить на них полотнище. Но в тогдашнем настроении войско, видимо, считало важным не склонять древко, а держать его стоймя во всякое время.

Место нашлось между двумя оливами, росшими близко одна к другой. Копье держали между деревьями, а старый мавла Омейядов, по имени Абдуллах ибн Халид, влез на одно из них, переполз на ветку и привязал чалму к острию копья. Выбор человека был полон великого символического смысла. Его отец готовил знамя Марвана, прапрадеда молодого Абд ар-Рахмана, к битве при Мардж-Рахите, о чём ещё будет сказано. Знамя отдали Абу Сулейману Дауду аль-Ансари, и отныне он нёс его перед омейядским правителем Испании, а после него — его сын.

Эту чалму на конце этого копья, ставшую знаменем Омейядов, позднейшие поколения чтили так, что, когда ткань истлевала, её не выбрасывали. К концу копья привязывали новую чалму, а старую оставляли под ней, и твёрдо верили: пока соблюдают этот обычай, власть Омейядов будет стоять. Это знамя вело омейядских эмиров к победе из поколения в поколение. Со временем люди уверовали в предание о мудреце Фуркаде Сарагосском, наделённом даром прорицания. Фуркад проходил здесь ещё до истории с копьём и чалмой, взглянул на две оливы и сказал: «Между этими двумя оливами повяжут знамя принца, против которого какое знамя ни поднимут — он его сломит».⁴

Оба войска шли, пока не сошлись примерно на полпути между Севильей и Кордовой: Юсуф и ас-Сумайл вели правительственные силы к северу от реки, Абд ар-Рахман — своё войско к югу от неё. Река вздулась от весенних дождей и стала серьёзной преградой, прикрывавшей обе стороны. Здесь

3. аль-Маккари, т. 3, с. 33.

4. Там же.

войска встали станом каждый на своём берегу, в полной видимости друг друга, примерно в пятидесяти милях от Кордовы.

Голод в Испании кончился, но след его держался. В стране не хватало еды. Войско Абд ар-Рахмана это било сильнее, чем правительственные отряды: те были сытее, потому что лучше устроены. Принц вёл голодных людей, которые кормились чем придётся — травами и растениями, какие находили у дороги. Долго так продолжаться не могло. Абд ар-Рахману нужно было скоро кончить дело, пока один голод не заставит воинов покинуть его.

Он решил броситься на Кордову и взять её, прежде чем Юсуф успеет вернуться. Он знал, что столица почти обнажена от войск и что среди жителей есть омейядские мавали и сочувствующие йемениты, которые встретят его радостно. К тому же Кордова дала бы его людям хлеб. Он придумал, как обмануть неприятеля и уйти из стана так, чтобы тот ничего не понял в его замысле. Вскоре после сумерек, оставив гореть костры, он скрытно двинулся к Кордове.

Но ас-Сумайл был не из тех, кого проводят такими простыми уловками. Претендент не прошёл и мили, как ас-Сумайл донёс Юсуфу о его движении. Правительственные силы тотчас пустили по дороге на Кордову, и на рассвете оба войска увидели друг друга: они шли в одну сторону, но по разным берегам широкой реки. Абд ар-Рахман остановился. Враг разгадал его хитрость.

На этот раз, решил он, возьмёт не скрытность, а скорость. Он пойдёт быстро и открыто и обгонит противника. Снова оба войска вышли на дорогу к Кордове, следя друг за другом через реку и идя ноздря в ноздю, словно два быстрых коня. Так прошло три дня, и ни одна сторона не выиграла шага. Войско Юсуфа дошло до Мусары, у излучины реки, немного не доходя Кордовы, а Абд ар-Рахман стоял прямо против него. Они снова остановились.

Юсуф остановился у Мусары потому, что здесь был брод, которым могли перейти люди и кони, и он не хотел оставлять его открытым. Положение его было оборонительным: ждать, пока противник сделает ход, и быть готовым этот ход отбить. Отряд, посланный им к Римскому мосту через Гвадалquivир у Кордовы, занял переправу, чтобы Абд ар-Рахман не перебежал реку и не взял столицу внезапным ударом.

Мусары сегодня нет. На месте того, что было тогда, вероятно, немалым городом, теперь несколько сельских домов, известных как Кортихо-де-Касильяс, рядом с Аламедой-дель-Обиспо (Рощей епископа), всего в двух милях к юго-западу от нынешней окраины Кордовы. Сейчас это городская свалка: мусор сбрасывают и жгут по обоим берегам реки. (Когда автор этих строк был на месте, там ещё дымилось.) Местность ровная, без черт, важных для тактики, кроме одной: лежа в излучине реки, она держит переправу у брода.

Другое место, которое тоже считают прежней Мусарой, лежит уже внутри современной Кордовы. Оно рядом с древней церковью святого Асискло, сразу за старыми Севильскими воротами, — там, где теперь правая сторона авениды де Конде Вальельяно, широкого бульвара, начинающегося от новой гостиницы «Мелиа». Здесь аль-Хурр, первый наместник Испании после семьи Мусы ибн Нусайра (см. главу 1), построил первую в Испании мусаллу.⁵ Но это было у самой городской стены, и Юсуф не выбрал бы такое место, чтобы встретить Абд ар-Рахмана. Он либо встал бы так, чтобы прикрыть брод, либо занял бы город и бился из-за зубцов, против которых Абд ар-Рахман был бы бессилен. Юсуф предпочёл прикрыть речную переправу, у той Мусары, что названа первой.

Абд ар-Рахману стало ясно, что обогнать Юсуфа и ас-Сумайла он не может, да и места для обгона уже не осталось. Быстрая разведка установила, что у Римского моста стоит сильная мударитская стража, и внезапная переправа, чтобы захватить столицу, исключалась. Дальше принцу идти было некуда.

Шло уже 6-е зу-ль-хиджжи (11 мая), а его люди по-прежнему собирали у дороги травы, чтобы прокормиться. Но тут фортуна словно сжалась над молодым претендентом, искавшим в Испании новую судьбу, и послала ему неожиданный дар — небольшую прибавку к силе, горсть омейядских мавали и йеменитов, которые выскользнули из Кордовы и пристали к нему.

Оба войска простояли здесь три дня: войско Юсуфа сытое и довольное, войско Абд ар-Рахмана голодное и всё голоднее. Ас-Сумайл, хитрый старый затейщик, возможно, потешался над обманом, который пытался устроить противник моложе его более чем вдвое, и думал, что сам преподаст молодому выскочке урок-другой. Но молодой выскочка был хитрее, чем знал старый лис. Через два дня после прихода на это место он начал с Юсуфом

5. Мусалла — площадка для молитвы, а не настоящая мечеть.

переговоры. Он хочет мира, говорил он; он примет предложения, которые Юсуф сделал в Эльвире и от которых он отказался лишь потому, что испанец Халид ибн Зайд изложил их недостаточно ясно. Вода в реке падает. Нельзя ли ему с людьми перейти на сторону Юсуфа? Вести переговоры и исполнить то, о чём договорятся, будет легче, если река не разделяет двух вождей. К тому же его люди голодны. Раз им предстоит стать друзьями, пусть Юсуф накормит и их.

Переговоры шли два дня, и второй из них был днём Арафа, 9-м зуль-хиджжи. Юсуф и ас-Сумайл радовались: омейядский принц идёт с миром и смиренно ищет их благосклонности. Среди людей Юсуфа не было недостатка в тех, кто хотел мира любой ценой, и скоро разнеслось слово, что мир будет, что соглашение достигнуто и битва отвлечена. Юсуф позволит Абд ар-Рахману и его людям перейти реку и угостит их на большом пиру ид аль-адха, 10-го зуль-хиджжи, к которому тотчас начали готовиться.

Утром 9-го зуль-хиджжи согласие было достигнуто. Вода в реке спала, и переправа стала возможна. На северном берегу Гвадалквивира воины Юсуфа и ас-Сумайла готовились тепло встретить единоверцев с того берега. На южном берегу Абд ар-Рахман готовился к войне.

«Какой сегодня день?» — спросил он спутников, словно сам не знал. «Четверг, день Арафа», — отвечали друзья. «Завтра пятница, день Адха, — сказал принц. — Противники — Омейяды и фихриты, йемениты и кайситы. Надеюсь, этот день окажется братом дня Мардж-Рахит, на который он похож во всём».⁶

Слова его напомнили людям о битве при Мардж-Рахите, бывшей за семьдесят два года до того, между омейядом Марваном и фихритом Заххаком ибн Кайсом. Тоже была пятница и день Адха. Марван нанёс сокрушительное поражение фихритским и кайситским противникам и взял халифский престол себе. Именно это новый омейядский соискатель и вознамерился сделать с фихритом Юсуфом и кайситом ас-Сумайлом. Сходство он счёл грозным предзнаменованием, и воины разделяли его веру.

Абд ар-Рахман построил войско к бою, назначил начальников полков и дивизий и отдал приказ о переправе. День шёл, и переход через реку совершался, как было задумано, без помехи со стороны противника. До исхода дня его полки перешли Гвадалквивир и собрались в стане к западу от того

6. аль-Маккари, т. 3, с. 52; Ибн аль-Кутийя, с. 26–27.

места, где стояли противники. Настала ночь, а Юсуф и ас-Сумайл нисколько не подозревали, что на уме у молодого претендента. Всю ночь, пока бану Фихр и бану Кайс спали спокойно и грезили радостным ид аль-адха, Абд ар-Рахман тайно готовил удар, который нанесёт утром.

Был ид аль-адха, пятница, 10 зу-ль-хиджжи 138 г. х. (14 мая 756 г.). У правительственной стороны главное утреннее дело составляла весёлая суэта подготовки к дню пира в память о жертве, которую пророк Ибрахим готов был принести из сына своего Исмаила. Занятие было радостное, и вдвойне потому, что между братьями по вере заключён мир и кровавое столкновение оружием отвлечено. Юсуф и ас-Сумайл поздравляли себя с искусством, каким низвели Претендента до подчинённого и безопасного положения. Они укротили молодого льва и посадили его в клетку. Так им казалось.

Солнце едва взошло, когда на них обрушилась голая правда. Абд ар-Рахман перед их фронтом готовил свои роды не к общему пиру с правительственными войсками: он строил полки к бою. Юсуф и ас-Сумайл были потрясены и объаты ужасом, словно их ударила невидимая рука. Разговоры о мире за два последних дня были уловкой, ложным ходом, чтобы усыпить их ложным чувством безопасности, пока Претендент готовил внезапный удар. Юсуф и ас-Сумайл дали ему перейти реку без малейшей помехи и даже не держали стражи против возможного вероломства. И это от желторотого юнца, у которого, как думал ас-Сумайл, ещё многому надлежало научиться в хитрости и коварстве! Ему следовало знать лучше: Омейяды были мастерами хитрости и коварства.

В крайней спешке они бросили полки в боевой порядок, чтобы встретить удар, спиной к Кордове. Людей они поставили — едва-едва, и всё же слишком поздно. Абд ар-Рахман добился полной внезапности и в замысле, и во времени, застал врага врасплох и произвёл нравственное потрясение огромной силы. Фихриты и кайситы ещё не утвердились на ногах, ещё не вернули себе осанку. Их целый фронт был цел лишь с виду; в готовности духа к бою царили смятение и неуверенность.

Абд ар-Рахман ударил центром и крыльями по всему фронту. Битва была короткой и кровавой. Правительственные войска бились ожесточённо, чтобы удержать место, но, страдая от смятения и не имея ясного замысла, не могли равняться с лучше устроенным противником, который дрался с силой и рвением, чтобы уничтожить ненавистного врага. Мужества на пра-

вительственной стороне не было недостатка, но чем крепче они сопротивлялись, тем больше терпели. Юсуф и ас-Сумайл потеряли в бою по сыну — Абдуллаха и Джаушана — среди тысяч фихритов и кайситов, чьи тела усеяли поле битвы.

Вскоре правое крыло Юсуфа сломалось и было согнано с поля. Немного спустя подался центр. Осталось только левое крыло — бану Кайс под началом грозного ас-Сумайла. Старый воин горел от стыда: не только от этой военной неудачи, но и от личной униженности — его перехитрил молодой выскочка, дравшийся в первой своей битве.

Его собственное место ещё не было потеряно. Кайситы держали землю, хотя уже начали терять сердце. Чувствуя, что дальнейшая оборона будет на руку врагу, и не желая уступать победу, он повёл людей вперёд и пришпорил мула в сторону Абд ар-Рахмана, надеясь сойтись с ним в единоборстве. В старом льве ещё оставалось много боя. В эту минуту мимо него проезжал старейшина кайситов, Абу Ата, и крикнул: «О отец Джаушана, спасайся! Слишком много совпадений. Там Омейяды и там фихриты; там йемениты и там кайситы; сегодня день Адха. Всё точно так, как в день Мардж-Рахит!»⁷

Ас-Сумайл бросил на него презрительный взгляд и взревел: «Ты выжил из ума, и мысли твои тоже. Страх застил тебе рассудок». Абу Ата повернул перед наступавшим войском и ускакал в безопасное место. Ас-Сумайл же, напротив, рвался вперёд, всё ещё надеясь сдержать напор и отвратить постыдное поражение. Но вскоре отпрянули и его люди, и его самого понесло назад потоком отступающих. К полудню поле боя было уже за Абд ар-Рахманом, а Юсуф и ас-Сумайл с большой толпой уцелевших сторонников бежали без оглядки. Абд ар-Рахман одержал первую победу в Испании — и первую битву в своей жизни.

Он озирает поле, сидя на муле, который с этого утра был его конём. День он начал как блистательный рыцарь, на горячем, пляшущем скакуне, как и подобает молодому омейядскому принцу. Но воины, знавшие, что у принца нет вовсе никакого боевого опыта и что он впервые идёт в дело, стали поглядывать на его быстрого коня. «Этот юноша, которому немного лет, сидит на резвой лошади, — говорили они. — Никогда нельзя быть уверенным, что при первой же неудаче он не ускачет и не бросит нас».

Дело дошло до Абд ар-Рахмана. Он тотчас решил сменить коня, чтобы люди видели: их полководец и не подумает спастись тем, что сидит лучше

других. Рядом с ним старый начальник Севильи, Абу Сабах, сидел на престарелом муле, «почти белом от старости». Абд ар-Рахман обратился к нему: «Этот конь подо мной неспокоен. Он не даёт мне натянуть лук. Отдай мне своего смиренного мула, а сам возьми моего горячего коня».

Несмотря на возражения старого начальника, которому казалось неприличным, чтобы лихой молодой полководец в бою сидел на муле, Абд ар-Рахман поменялся с ним конями и позаботился, чтобы войско увидело его на древнем муле. Это был, как сказали бы теперь, приём напоказ. А поскольку дело было только в впечатлении, после битвы он снова сел на своего коня.

Ас-Сумайл бежал в Хаэн, округ его старой дивизии. Юсуф сперва укрылся в холмах к северу от Кордовы, потом ускользнул в сторону Толедо. Сын его Абдуллах был мёртв, другой сын, Абд ар-Рахман, был пленником в руках принца. Полководцы проиграли битву, но не считали проигранной войну. Мы ещё вернёмся к ним.

Люди Абд ар-Рахмана с ликованием разграбили стан Юсуфа и сели за сытную еду, которую, по иронии, приготовили для них повара Юсуфа. Часть йеменитов бросилась в Кордову и принялась грабить город, дошла даже до дворца Юсуфа и дурно обошлась с семьёй павшего наместника. На их счастье, Абд ар-Рахман подоспел вовремя, остановил грабёж и выгнал грабителей из дворца и из города.⁷

Жена Юсуфа вышла из дворца встретить нового победителя. «О родич, — сказала она, — будь добр к нам, как Аллах был добр к тебе». Абд ар-Рахман дал понять, что будет добр. Он призвал чиновника, ведавшего мечетью, и отдал ему жену и дочерей бывшего наместника, чтобы о них пеклись бережно и с достоинством. В знак благодарности одна из дочерей Юсуфа поднесла принцу невольницу по имени Хулал, которой предстояло стать матерью его сына и преемника, Хишама.

Абд ар-Рахман водворился во дворце, но опасность ещё могла прийти от йеменитской ватаги, которую выгнали из дворца. Йемениты не питали любви к омейядскому принцу. Для них омейядская династия была столь же

7. По одному источнику эти слова произнёс Ала ибн Джабир (Ибн Изари).

8. О вступлении Абд ар-Рахмана в Кордову мнения расходятся. По одному источнику он три дня оставался за городом, чтобы семья Юсуфа успела собраться и уйти с миром (аль-Маккари, т. 3, с. 34). По другим, он вошёл тотчас (Ибн аль-Кутийя, с. 80; «Ахбар маджмуа», с. 80). Последняя версия представляется более верной.

мударитской, как роды Юсуфа и ас-Сумайла. Они связали свою судьбу с Претендентом не потому, что желали его прихода, а потому, что желали ухода Юсуфа и ас-Сумайла. Теперь они низвергли ненавистное правление и чувствовали себя вольными распорядиться и с Претендентом. Абу Сабах, их хитрый старый вождь и глава йеменитской стороны, поддерживавшей Абд ар-Рахмана, обратился к своим: «О люди Йемена, хватит ли у вас духу на две победы в один день? Мы избавились от Юсуфа и ас-Сумайла. Убьём этого юнца, этого сына Муавии, — и власть будет наша. Тогда мы поставим над собой одного из своих и покончим с бану Мудар».⁹

Случилось так, что на крамольный призыв старика откликнулись немногие, и волнение улеглось. Абд ар-Рахману донесли о заговоре убить его, и он на некоторое время принял меру: держал вокруг себя верную стражу. Когда заговорщики узнали, что их выдали и Абд ар-Рахман знает об их замысле, они оставили мысль устранить его. Что до Абу Сабаха, принц выжидал, пока несколько лет спустя не представился случай; тогда он предал старика смерти.¹⁰

В Кордове весь народ принёс присягу на верность новому эмиру, Абд ар-Рахману ибн Муавии, позже известному как Абд ар-Рахман Пришелец. Шёл ещё день Адха 138 г. х. (14 мая 756 г.). Он объявил всеобщую амнистию и сказал верным своим: «Не истребляйте врага, чья дружба может вам пригодиться».¹¹

Битва при Мусаре была битвой решающей. Она решила судьбу Испании и повернула ход её истории. То, что дотоле было нестройной, подчинённой провинцией, теперь станет независимым государством под эмиром, и первый из них — победитель при Мусаре — заложит основания династии, которой предстояло править во славе без малого три столетия.

К несчастью, у нас нет подробностей этой битвы: ни о числе сражавшихся, ни о манёврах, ни о ходах и ответных ходах — сверх того, что уже рассказано. Неизвестны даже цифры потерь, кроме того, что на правительственной стороне они были очень тяжелы, а на стороне Претендента очень легки. Рисунок боя, по-видимому, был прост: лобовой удар по всему фронту, и его хватило, чтобы дать победу нападавшим. Абд ар-Рахман нанёс

9. аль-Маккари, т. 3, с. 34.

10. Там же.

11. Там же, с. 42.

явное поражение силам, которые вели Юсуф и ас-Сумайл, и кровавым побоищем согнал их с поля.

Главным, что привело Абд ар-Рахмана к победе, была хитрость, позволившая ему ударить по врагу, который ничего не подозревал и не был готов. Иные назвали это вероломством, коварной уловкой, тем более в ид аль-адха, когда братья по исламу приветствуют друг друга любовью и благоволением, в завершение ежегодного паломничества в Мекку. С известной точки зрения так оно и есть. Омейяды никогда не славились большим нравственным достоинством. Но хитрость и коварство — часть войны, и обмануть врага насчёт времени, места и способа удара совершенно законно. Если старый простак Юсуф и старый лис ас-Сумайл, сами в своей жизни бывшие ничуть не нравственнее, дали новичку провести себя, честь принадлежит новичку.

У Абд ар-Рахмана достало хитрости перехитрить противников, славных своей хитростью. Достало мужества идти в бой, не имея превосходства в числе, и решимости и упорства драться до победы. Ему не было ещё и двадцати шести: юноша, дравшийся в первой своей битве против способнейшего полководца Испании. А после победы он был достаточно великодушен, чтобы простить врагов и объявить всеобщую амнистию, и достаточно дальновиден, чтобы видеть во всех жителях страны своих подданных.

Все эти качества ему понадобятся в том, что лежало впереди. Впереди лежали непрерывная распря, кровь и тяготы. Он взял Кордову, но ещё не взял Испанию. Он выиграл битву, но не выиграл мира. Кордова была вехой в его жизни, рубежом между прошлым беглеца, уходящего от погони, и будущим восходящего завоевателя, который сам гонит бегущих врагов. Роли переменялись.

Против него ещё будут подниматься силы под началом арабских и берберских вождей и даже христиан, чтобы оспорить его право на престол. Они будут противиться ему не потому, что сами лучше годны править Испанией, а потому, что безначалие и смута, вышедшие из племенного раздора и самовластия вождей, так их воспитали, что они не могли покориться, пока их не сломят и не принудят к покорности. Абд ар-Рахману снова придётся выйти в поле, и врагами его снова будут Юсуф и ас-Сумайл.

ГЛАВА 13

Конец Юсуфа и ас-Сумайла

Юсуф поспешил отойти с разбитыми своими людьми в Толедо. Придя в город, он увидел, что за ним ещё немало поддержки среди арабов Испании, особенно среди фихритов, которых в Толедо была заметная доля. Наместником этой провинции был фихрит, и он вместе с сородичами не жалел сил, чтобы помочь попавшему в беду вождю и поднять ему дух. Через несколько дней после прихода в Толедо Юсуф сбросил усталость и уныние и был готов снова выйти в поле.

То же было и с ас-Сумайлом в Хаэне. Он и его кайситы были единодушны в решении продолжать сопротивление тому, кого считали узурпатором. Два вождя снова связались и составили план: вывести врага на бой в условиях, выгодных им самим.

Юсуф выступил с фихритским отрядом в Хаэн и там соединился с кайситами ас-Сумайла. Здесь они провели несколько дней. Затем оба полководца, прежняя пара, вышли из Хаэна и направились в Эльвиру, на юг Испании. В Эльвире они набрали местных арабов и стали готовить город к бою. Цель их была выманить Абд ар-Рахмана на юг, прочь от Кордовы, которая тогда останется открытой и уязвимой. Между тем Юсуф велел сыну своему Абу Зайду, командовавшему небольшим отрядом из Мерида, таиться в окрестностях Кордовы и захватить город, как только он узнает, что Абд ар-Рахман из него вышел.¹

Абд ар-Рахман клюнул на приманку и проглотил её. Лазутчики доносили ему о движениях фихритов и кайситов в Толедо и Хаэне и об их выходе к Эльвире, но на другие силы, которые могли угрожать столице, внимания не обратили. Когда Юсуф и ас-Сумайл начали укреплять Эльвиру, Абд ар-Рахман пошёл на них почти со всем войском. В Кордове остался очень малый отряд под началом Убайдуллаха ибн Усмана, главы омейядских мавали, который подготовил почву для прихода принца в Испанию и встретил его в

1. Об этом сыне Юсуфа есть сомнение. У Дози (с. 193) его имя — Абу Зайд. В «Ахбар маджмуа» (с. 92) — Абд ар-Рахман. Но Абд ар-Рахман с битвы при Мусаре был в плену (аль-Маккари, т. 3, с. 34). Стало быть, этот сын скорее был Абу Зайдом.

Торроксе. Гарнизона хватало, чтобы держать закон и порядок, но едва ли на большее.

Едва сыну Юсуфа дали знать, что Абд ар-Рахман ушёл из столицы с главными силами, как он бросился к Кордове и взял её врасплох. Убайдуллах на время спасся с немногими воинами, укрывшись в мечети, но скоро его выбили и оттуда, и он сдался Абу Зайду на условиях. Кордова была теперь в руках сына Юсуфа.

Абд ар-Рахман прошёл половину пути до Эльвиры, когда получил весть о падении Кордовы. Весть и впрямь была ошеломляющей. Он потерял свою базу; на ту пору у него вовсе не было базы, откуда действовать против врагов в стране. Сверх того, Кордова была политической столицей страны, и кто держал Кордову, тот правил землёй. Он быстро пошёл назад, решив отвоевать Кордову у сына Юсуфа.

Абу Зайд не принадлежал к самым храбрым сыновьям Юсуфа и, кажется, не имел духу встретить нового эмира в бою. Едва услышав о приближении Омейяда, он собрал пожитки, забрал заложников и отступил на Толедо. Абд ар-Рахман пришёл и нашёл Кордову открытым городом.

Принц вынес из этого упражнения добрые уроки, и главный из них был таков: нельзя недооценивать Юсуфа и ас-Сумайла, у которых в запасе ещё немало хитростей. Они чисто его обошли, и только его мужество и воля — и недостаток того и другого у сына Юсуфа — позволили ему взять Кордову вторично. С этой хитрой и находчивой парой ещё предстояло разделаться. Если он не может их разбить, надо вырвать им клыки и обезвредить их, а может быть, и переманить на свою сторону. С таким замыслом он снова пошёл на Эльвиру, на этот раз оставив сильный гарнизон защищать столицу.

Под Эльвирой он осадил город. Осада тянулась несколько недель; за это время сила осаждённых не выросла, новых сторонников к ним не пришло, и воины их начали падать духом. Из-за спешных и неполных мер по укреплению и запасам Эльвира не могла держаться долго. Поэтому неудивительно, что Юсуф начал переговоры о мире. После некоторых толков условия капитуляции были согласованы, и Юсуф с Абд ар-Рахманом составили договор.

По условиям этого договора Юсуф и ас-Сумайл признавали Абд ар-Рахмана новым эмиром Испании; эмир объявит всеобщую амнистию, под которой все сторонники старого наместника будут безопасны от кары; заложники, взятые сыном Юсуфа, будут отпущены; Юсуф и ас-Сумайл останутся

в ненарушенном владении своим имуществом, большей частью находившимся в Кордове, но обязаны жить в своих кордовских домах и не покидать города. Жилищем Юсуфа был дворец аль-Хурра (первого наместника Испании после падения дома Мусы ибн Нусайра), стоявший в восточной части города, а дом ас-Сумайла — в предместье. Наконец, в залог доброго поведения Юсуф оставит двух сыновей на хранении у Абд ар-Рахмана. То были Абд ар-Рахман (уже в тюрьме) и Мухаммад, известный также как Абуль-Асвад Слепой.

Договор подписали в сафаре 139 г. х. (июль 757 г.), всего через два месяца после битвы при Мусаре.² Оба войска — войско Абд ар-Рахмана и войско Юсуфа с ас-Сумайлом — мирно вернулись в Кордову, и Абд ар-Рахман въехал в город с торжеством, имея Юсуфа по правую руку и ас-Сумайла по левую, и гордо показывал народу свои живые трофеи. Для молодого завоевателя это была великая минута. Война с Юсуфом и ас-Сумайлом кончилась. Так думал новый эмир.

Около года затем, во второй половине 139-го и первой половине 140 г. х. (то есть в 757 г.), в стране был мир. Все мусульмане Испании признавали Абд ар-Рахмана эмиром — слово это значит полководец, или принц, или независимый правитель рангом чуть ниже короля. Абд ар-Рахман был королём по существу, и в его случае слово «эмир» значило именно это. Но хотя Испания признала его власть, потому что он разбил прежнее правление и теперь был господином столицы, он не мог быть уверен в верности её жителей, особенно тех, кто жил в других больших провинциях: в Мериде на западе, в Толедо в центре, на Верхней границе и ещё дальше к северу. Прежнее сопротивление, помимо сил в самой Кордове, шло из Мериды и Толедо. Это могло повториться. Абд ар-Рахман не отваживался входить в те провинции, а предпочёл оставаться в столице, укрепляя хватку на престоле и собирая прочную опору. Год мира помог ему в этом.

Вскоре после возвращения из-под Эльвиры Абд ар-Рахман разослал общее приглашение Омейядам: пусть едут в Испанию и начинают с ним новую жизнь. Посланцы его дошли до Египта и Сирии, и несколько видных членов омейядского рода приняли приглашение родича и отправились в

2. аль-Маккари, т. 3, с. 34. «Ахбар маджмуа» (с. 93) относит подписание договора на год позже, к 140 г. х. (757–758). Это могло быть позже сафара (второго месяца) 139 года, но не позже начала 140 г. х.

Испанию. Всех встретили тепло, обходились с ними достойно и щедро, дали средства к жизни и даже должности. Абд ар-Рахман очень гордился тем, что сделал в Испании для дома Умайи. На склоне лет он говорил: «Среди многих милостей, которыми одарил нас Всевышний, величайшая после той, что сделала нас господами этого царства, — та, что Он позволил нам собрать в этой стране нашу родню и близких и дал нам возможность уделить им долю в этом царстве, которое мы держим по Его вмешательству».³

Среди тех, кто приехал к нему в Испанию, были брат его Валид, два сына халифа Хишама (то есть дядя Абд ар-Рахмана), двоюродный брат Абд ас-Салам ибн Язид и два племянника — Мугира ибн Валид и Убайдуллах ибн Абан. Но опорой эмира суждено было стать его двоюродному деду, Абд аль-Малику ибн Умару ибн Марвану, человеку огненного духа и несокрушимого мужества, к тому же опытному полководцу и правителю. Он прибыл в новое омейядское царство Испании в сопровождении десяти других крепких людей из своей семьи, был принят с почестью, какой заслуживал, и назначен наместником Севильи. Сына его Умара Абд ар-Рахман назначил наместником Морона. Это было в конце 140-го и в 141 г. х.⁴

Одно из первых дел, к которым обратился этот Абд аль-Малик, была пятничная молитва. Обычай требовал, чтобы хутбу после соборной молитвы произносили во имя правителя исламского мира, то есть халифа. Как и всегда прежде, имам мечети посвящал хутбу аббасидскому халифу аль-Мансуру, вззошедшему на халифский престол ровно за два года до того, как Абд ар-Рахман завоевал Кордову. Абд аль-Малик был непримиримым омейядом и пылал ненавистью к Аббасидам. Он говорил с Абд ар-Рахманом и просил, чтобы имя аль-Мансура изъяли из пятничной молитвы.

Принц медлил сделать такой шаг. В исламском мире была известная религиозная цельность, и символической главой его был халиф; принцу претило всякое действие, которое верующие в Испании могли принять худо. Но Абд аль-Малик не ослаблял нажима. Он возвращался к этому снова и снова, напоминая эмиру обо всех обидах, какие Омейяды претерпели от рук Аббасидов. Наконец, видя, что доводы его не действуют и Абд ар-Рахман не

3. Гаянгос, т. 2, с. 76.

4. аль-Маккари, т. 3, с. 58; Ибн Хальдун, т. 4, с. 264.

склоняется к его взгляду, он поставил ультиматум: если посвящение хутбы не изменят, он, Абд аль-Малик, убьёт себя.

Потерять такого человека, как Абд аль-Малик, Абд ар-Рахман не мог себе позволить. Он согласился на перемену. Пятничную хутбу отныне будут произносить во имя не аббасидского халифа в Багдаде, а омейядского эмира Испании. Абд ар-Рахман пошёл дальше: он повелел, чтобы во время пятничной хутбы призывали проклятия на аббасидского халифа.⁵

Границы мусульманской Испании оставались более или менее такими, как описано в главе 8 и показано на карте 3. Король Альфонсо умер в 757 году, на следующий год после того, как Абд ар-Рахман завоевал Кордову, и на престол Астурии сел его сын Фруэла. А в Андалусии снова началась смута, с теми же старыми врагами, которых он считал обезвреженными.

Юсуф бежал из Кордовы. Это было нарушением договора, который он подписал с Абд ар-Рахманом в Эльвире и который требовал, чтобы он всегда оставался в городе. Бегство его было поэтому враждебным делом, и Абд ар-Рахман увидел его именно так.

Уже некоторое время на Юсуфа нарастало давление: он должен был что-то предпринять. В самой Кордове были сильные люди, противные Омейядам и не примирённые с установлением их власти в Испании. Среди них были группы фихритов и хашимитов — последних, то есть рода, к которому принадлежала ветвь Аббасидов, — исконные враги бану Умайя. Эти люди чувствовали, что сдача Юсуфа в Эльвире их подвела. За год мира, последовавший за эльвирским договором, они ясно дали Юсуфу понять, что не одобряют его поступка, и побуждали его взяться за оружие против омейядского узурпатора, чтобы восстановить собственную власть над Испанией. Юсуф не хотел такого шага. Ему близилось семьдесят, и он думал, что ничего нет лучше, чем чтобы его оставили в покое на старости.

Тут вошла в дело ещё одна сила, ещё одно давление стало прижимать его к стене. Юсуф владел в Кордове немалым имуществом, и право на часть его оспаривали старые племенные противники, в прошлом пострадавшие от его рук. Теперь они требовали многое из его имущества себе, оспаривая законность его владения. Дело дошло до судей, большинство которых принадлежало к враждебной стороне, и те вынесли решение против Юсуфа. Старейший бывший наместник увидел в этом руку Абд ар-Рахмана. Его уже обез-

5. аль-Маккари, т. 3, с. 59; Ибн Изари, т. 2, с. 48.

оружили политически, а теперь лишали даже имущества, и это было нарушением договора, подписанного в Эльвире. Юсуф вышел из себя и произнёс резкие слова против эмира, утверждая, что тот — причина всех его бед. Дело дошло до сведения Абд ар-Рахмана, и Юсуф узнал, что оно дошло до сведения Абд ар-Рахмана. Страшась гнева эмира, он бежал из Кордовы. Шёл конец 141 г. х. (февраль — март 759 г.).

Абд ар-Рахман послал за беглецом конный отряд, но тот ускользнул от поимки и пробрался в Мериду. Здесь горожане приняли его тепло, и он, к своему удивлению, обнаружил, что за ним стоит верная поддержка большого числа людей. Они стекались к нему. Не прошло много недель, как он оказался во главе войска в 20 000 человек, составленного из берберов и арабов, фихритов и кайситов, главным образом баладийцев, но и немногих сирийцев. Это была пёстрая толпа, единая лишь в противостоянии Омейядам. Юсуф вернул себе уверенность и начал грезить, что снова будет править Испанией из Кордовы. Он выступил из Мериды в сторону столицы.

Такой поворот всерьёз встревожил Абд ар-Рахмана. Войско в 20 000 было войском очень большим, больше любого, какое он сам мог собрать. Именно против такой случайности он и держал Юсуфа в Кордове, в подобию домашнего ареста, всегда под надзором. Теперь Юсуф был на свободе и снова готов к бою. Он мог напасть и взять Кордову, а после тех хитростей, какие Абд ар-Рахман сыграл с Юсуфом, молодой эмир не дождался бы от него много милости. Единственной поддержки он мог ждать от родича Абд аль-Малика в Севилье, но не был уверен, что у Абд аль-Малика хватит времени собрать силу, достаточную, чтобы противостоять Юсуфу. Абд ар-Рахман был уязвим.

Он тотчас послал Абд аль-Малику весть готовиться к действию против мятежников, а сам собрал в столице какие войска были под рукой. Затем с наскоро составленной силой он вышел из Кордовы и встал станом у Альмодовара, на северном берегу Гвадалквивира, в 12 милях к западу от столицы. Хотя ему самому грозило нападение и разгром по частям, хотя силы его были разделены между Альмодоваром и Севильей к выгоде Юсуфа, Абд ар-Рахман не смел идти в Севилью: Кордова тогда осталась бы открытой, и Юсуф мог прийти и занять её без единого выстрела. И Абд ар-Рахман ждал у Альмодовара, ждал терпеливо, пока Юсуф сделает следующий ход и следующую ошибку.

Между тем Абд аль-Малик собрал свои силы в Севилье и призвал сына из Морона идти к нему на помощь. Сын привёл отряд верных войск, но соединённые силы отца и сына, собранные в Севилье, были много меньше числом, чем 20 000 воинов, бывших в распоряжении Юсуфа.

Юсуф дошёл до Лакунта, ныне Фуэнте-де-Кантос, на полпути между Меридой и Севильей.⁶ Здесь к нему пристало ещё несколько арабов и берберов, и сила его перевалила за 20 000. Из Лакунта он двинулся берегом Гвадалквивира и встал станом где-то между Севильей и Кордовой. Цель его по-прежнему была Кордова, но здесь его снова одолела привычная нерешительность, а ас-Сумайла рядом не было, чтобы сказать ему, что делать.

Лазутчики принесли ему слово, что Абд ар-Рахман стоит с отрядом людей у Альмодовара, недалеко к востоку, а Абд аль-Малик с сыном собрали в Севилье немалую силу войск, стоявших за Омейядов. Юсуф, как он это видел, оказался между двумя враждебными силами и был в опасности одновременного удара с двух сторон. Будь ас-Сумайл рядом, он, без сомнения, пошёл бы вперёд, разбил Абд ар-Рахмана и взял Кордову. Но ас-Сумайла не было. Юсуф повернул к Севилье, может быть, в надежде, что, сокрушив Абд аль-Малика, легче будет взяться за Абд ар-Рахмана, а может быть, потому, что в случае неудачи ему будет легче отойти на запад, в провинцию Мериду, где омейядская поддержка была слаба. Шла примерно середина 142 г. х. (сентябрь — октябрь 759 г.).

Кровавая битва произошла под Севильей. Более смелое руководство Абд аль-Малика и лучшая сплочённость его войска позволили ему одолеть невыгоду числа. Войско Юсуфа было разбито наголову. Большое число его сторонников полегло, остальные рассеялись. Битву выиграл эмир, не выходя из стана у Альмодовара, благодаря неустрашимому Абд аль-Малику.

Для Юсуфа это будет последняя битва и последний раз, когда он увидит, как распадается его войско. Старик бежал на север, прошёл через Калатраву⁷ и усталым путём добрался до Толедо, где всё ещё надеялся найти сочувствие, если не деятельную поддержку. Рядом с ним ехали два спутника: один — персидский мавла, другой — раб.

В десяти милях от Толедо он проезжал мимо группы людей. Один из них, мединец по имени Абдуллах ибн Амр, обернулся к товарищам и сказал:

6. Этот Лакунт не следует смешивать с Лигантом — арабским названием Аликанте. По мнению Дози, Лакунт — это, вероятно, Фуэнте-де-Кантос.

«Это фихрит, он бежит. Страна отвернулась от него. Убить его — значит спасти его и спастись от него».⁸ Они пошли за беглым полководцем.

Пока Юсуф проезжал селение за четыре мили до Толедо, убийца настиг его. Он убил Юсуфа и персидского мавла, но раб пережил нападение и сумел бежать. Затем Абдуллах ибн Амр отсек Юсуфу голову и отвёз её в Кордову, чтобы поднести в дар новому эмиру. Так кончились в раджабе 142 г. х. (ноябрь 759 г.) жизнь и несчастливое поприще старого Юсуфа ибн Абд ар-Рахмана. Он был праправнуком славного Укбы ибн Нафи, который завоевал Магриб и за восемьдесят лет до того въехал на коне в Атлантику.

Когда Абд ар-Рахман узнал, что голова старого противника уже в пути к столице, он предался чистой мстительности. Сына Юсуфа, заложника Абд ар-Рахмана, он велел казнить в тюрьме. Затем головы отца и сына насадили на копья и выставили перед дворцом Кордовы, чтобы все видели.

Близок был и конец ас-Сумайла. До последнего он оставался гордым арабским вождём, не склонявшим головы ни перед кем. Когда Юсуф бежал, Абд ар-Рахман призвал ас-Сумайла, зная, что Юсуф едва ли двигался без совета и ободрения ас-Сумайла, и спросил, куда ушёл Юсуф.

«Я ничего не знаю», — ответил ас-Сумайл, быть может, правдиво.

«Он не мог уйти, не сказав тебе, — настаивал принц. — Сверх того, с ним ушёл твой сын. Я держу тебя в ответе за его возвращение».

Тут надменный старый полководец вспыхнул: «Если бы он скрывался у меня под ногой, я и тогда не поднял бы её ради тебя. Делай что хочешь».⁹

Абд ар-Рахман велел бросить его в тюрьму, где к нему присоединились два сына Юсуфа, бывшие заложниками, — Абд ар-Рахман и Мухаммад, он же Абуль-Асвад Слепой. (Слепым он на самом деле не был, а притворялся, чтобы иметь больше надежды бежать из тюрьмы.) Старый ас-Сумайл принял заключение со стоической покорностью, но сыновья Юсуфа нетерпеливо рвались к отцу, который там, на воле, собирал силы, чтобы свергнуть Омейяда и вернуть власть их семье. Они ждали случая бежать.

Случай пришёл. Пленников вывели на берег реки для омовения, как делали каждый день, и оба брата воспользовались минутой небрежения стражи и бросились к свободе. Абуль-Асваду помог раб; он сумел добыть

7. По-арабски: Калат-Рабах, близ нынешнего Сьюдад-Реалья.

8. аль-Маккари, т. 3, с. 35; Ибн Изари, т. 2, с. 49.

9. аль-Маккари, т. 3, с. 35.

коня, на нём совершил побег и ускакал в Толедо, где друзья и родичи приняли его тепло. Абд ар-Рахман ибн Юсуф, однако, был человеком тучным, не очень быстрым и не очень крепким. Он задохнулся, его снова поймали и вернули в тюрьму.¹⁰

Так шли месяцы, пока не кончились неудачная попытка Юсуфа свергнуть Омейядов, его бегство и смерть на подступах к Толедо. Когда голову его привезли в Кордову, кончилась и жизнь тучного сына, чтобы Абд ар-Рахман мог вдоволь видеть головы отца и сына, насаженные на копья и выставленные перед дворцом.

Затем пришёл черёд ас-Сумайла. И его поприще истекло. Он знал о попытке, какую сыновья Юсуфа собирались сделать, чтобы бежать из плена, но участвовать в ней отказался. Он презрел бегство и остался в тюрьме.

Однажды утром, вскоре после смерти Юсуфа, старейшин бану Кайс ввели в темницу ас-Сумайла, чтобы они увидели его бездыханное тело, простёртое на ложе. У ложа, на столе, стояли кувшин вина, чаша и блюдо сушёных плодов, какие обычно берут к питью. Абд ар-Рахман надеялся, что они поверят, будто ас-Сумайл напился до смерти.

Стариков не провели. Они знали питейные привычки своего человека, но не поверили, что в них причина его смерти. Они хотели, чтобы ушедший вождь знал, даже если не может их слышать, что им известна правда. «Клянись Аллахом, о отец Джаушана, — обратились они к труп, — ты не пил вина. Тебя отравили».

Они ошибались, полагая, что вождя их отравили. Его не отравили. Ночью его задушили по приказу Абд ар-Рахмана.¹¹

10. аль-Маккари, т. 3, с. 35; Ибн Изари, т. 2, с. 50.

11. Ибн аль-Асир, т. 5, с. 186; аль-Маккари, т. 3, с. 36.

ГЛАВА 14

Абд ар-Рахман и халиф

Много известно о мерах, какие Абд ар-Рахман принимал в следующем году или два, чтобы устроить и вести царство в качестве нового эмира. Историки об этом молчат. Сведения о том, кого он назначал наместниками и правителями провинций и округов, смутны и ненадёжны. Он был господином Кордовы, но хватка его была шаткой, и действительная власть, вероятно, не простиралась дальше провинции Андалусия, а может быть, и не на всю провинцию.

В самой столице он устроил управление, как умел. Хаджбом он назначил Тамама ибн Алькаму — первого из мусульман Испании, кто приветствовал его на берегу Северной Африки и из чьего имени он извлёк доброе предзнаменование. Эту должность позже приравняют к премьер-министру, но пока то был не более чем камергер, или мажордом, ведавший разными распорядами дворца. Убайдуллаха ибн Усмана и его зятя Абдуллаха ибн Халида — двух людей, благодаря которым его пригласили в Испанию, — он назначил визирями (министрами) и катибами (секретарями). Визирем как министром, ведающим делами государства, Абд ар-Рахман не пользовался, потому что всё делал сам. Визири его были советниками и помощниками, которых брали по надобности.¹ Верного вольноотпущенника Бадра он всегда держал при себе, чтобы посылать начальником экспедиций против разных мятежников, поднимающих непокорные головы.

С убийством Юсуфа и умерщвлением ас-Сумайла два самых опасных его противника были устранены, и других, кто угрожал бы его положению, словно не осталось. Что это было иллюзией, скоро станет видно. Беспощадные приёмы, какими он пользовался, и энергия и решимость, с какими он шёл к своим целям, снискивая ему уважение и восхищение одних, возбуждали и недоверие. На руках у него была кровь. Светлый образ молодого романтического принца, добывающего себе венец, уже начал тускнеть.

Жестокость, с какой он обошёлся с Юсуфом и ас-Сумайлом, рассчитанная месть, с какой он выставил напоказ отсечённые головы Юсуфа и его

1. аль-Маккари, т. 3, с. 45–46; Гаянгос, т. 2, с. 91–92.

сына, хладнокровное убийство ас-Сумайла, — всё это, задуманное затем, чтобы устроить будущих мятежников и привести их к покорности и отбить охоту к новым попыткам свергнуть его, на деле дало обратный результат. Арабские и берберские вожди не были робкими марионетками. Они слишком долго воевали, с христианами и между собой, чтобы такие меры их запугали. Сама мстительность принца и бессердечное обращение, какого он удостоивал врагов, лишь ожесточили сопротивление и повели к новому насилию.

Сопротивление должно было прийти главным образом из трёх источников: (а) фихриты, которые не примирились с потерей власти и почёта и жаждали мести; (б) йемениты, которые надеялись использовать Абд ар-Рахмана, чтобы захватить власть самим или хотя бы разделить её с ним, а теперь поняли, что использовали их самих; и (в) берберы, всё ещё болевшие от того, в чём видели обращение арабов с ними как со сводными братьями. Собственные поступки принца были одной из главных причин распри, которой предстояло последовать, и крови, которой предстояло пролиться. Мира ему не было суждено найти, во всяком случае ненадолго. Мир, добытый кровью Юсуфа и ас-Сумайла, продержится лишь год и несколько месяцев.

Первым мятежом был мятеж Ризка ибн Нумана из племени Гассан. Ризк был вождем арабов Альхесираса и близким другом Юсуфа. В конце 143 г. х. (начало 761 г.) он поднял знамя мятежа в Альхесирасе и, объявив о противостоянии новому эмиру, пошёл на Медину-Сидонию и занял её. Вслед за тем он двинулся на Севилью, которая из-за его неожиданного прихода и отсутствия в городе сколько-нибудь крупного отряда войск не смогла оказать больше чем показное сопротивление. И этот город взял Ризк.

Абд ар-Рахман выступил на Севилью, чтобы разделаться с мятежником. Войско его состояло главным образом из омейядских мавали и сочувствовавших сирийцев, с прибавлением некоторых йеменитских, кайситских и берберских родов, сохранивших ему верность. Численность противных сил неизвестна, но под Севильей произошла тяжёлая битва, в которой вождем мятежников был убит, а люди его понесли тяжёлые потери. Абд ар-Рахман вступил в город победителем и после короткого пребывания в Севилье вернулся в Кордову.

Не прошёл и год после восстания Ризка, как смута началась в Толедо. Наместником этого города и провинции со времён Юсуфа был фихрит

Хишам, сын Узры ибн Абдуллаха, который на короткое время стал наместником Испании по смерти Анбасы ибн Сухайма за сорок лет до того.² Толедо всегда было твердыней фихритов, где разбитые фихриты раз за разом искали убежища. Поэтому было уместно, чтобы оно стало средоточием первого крупного мятежа против омейядского правителя.

В начале 145 г. х. (около второй четверти 762 г.) Хишам отрёкся от верности эмиру. Главными его подручными были два видных араба — Хайят ибн Валид и аль-Амри; последний имел ту честь, что был правнуком Умара ибн аль-Хаттаба, второго халифа ислама.³ Хотя сила его была невелика, а может быть, именно поэтому, Хишам готовил Толедо к осаде.

Толедо было провинциальной столицей величайшей важности и сверх того городом исторического значения. Некогда это был римский «Толетум», небольшой укрепленный город, взятый римлянами за два века до Христа и ставший национальной столицей вестготского королевства Испании в середине VI века. Лежа почти точно в географическом центре полуострова, он был идеальным местом, откуда можно было направлять события всенародного значения или влиять на них. Ни один правитель, надевавшийся править всей Испанией, не мог позволить себе выпустить Толедо из рук.⁴

Абд ар-Рахман выступил против Хишама и, придя к Толедо, осадил город: это было лучшее, что он мог сделать, ибо Толедо было практически неприступно. Город сидел на суровом гранитном мысу, и с трёх сторон его защищало глубокое ущелье быстрого Тахо. Река подходила к городу у его северо-восточного края, текла вниз вдоль восточной стороны, огибала юг и поднималась по западной стороне города, прежде чем уйти на запад. Толедо лежало в излучине Тахо, а по южной стороне излучины поднималась гряда зелёных лесистых холмов. Склоны ущелья были обрывисты, высотой в 500 футов; взойти на них было не невозможно, но штурм от этого становился крайне труден, так что нападать можно было только с севера. Город и цитадель стояли на высокой скале, господствуя над восточным рукавом ущелья.

Осада тянулась, неделя за неделей, и положение в городе шло от плохого к худшему. Наконец мятежный начальник запросил мира. Условия были

2. Есть одно сообщение у Ибн аль-Кутийи (с. 30), будто Абд ар-Рахман назначил наместником Толедо потомка Сада ибн Убайды, славного сподвижника пророка Мухаммада. Ни один другой историк этого человека не упоминает. Если сообщение верно, — а скорее всего, неверно, — наместник из него вышел совсем ничтожный. В истории он больше не появляется.

3. Ибн Изари (т. 2, с. 53) называет аль-Амри так: Хишам ибн Хамза ибн Абдуллах ибн Умар.

согласованы: осаду снимут, но войска эмира в город не войдут; Хишам признает Абд ар-Рахмана правителем и господином; Хишам останется наместником в Толедо, но в залог доброго поведения отдаст принцу в заложники сына. С этим заложником Абд ар-Рахман вернулся в Кордову, около второй четверти 145 г. х. (лето 762 г.). Едва он прибыл в столицу, как Хишам снова поднял знамя мятежа и начал подстрекать жителей севера против Кордовы.

Абд ар-Рахмана занимали другие дела, и лишь год спустя, во второй четверти 146 г. х. (лето 763 г.), он смог выступить, чтобы разделаться с вероломным мятежником Толедо. Во второй раз он осадил город и призвал Хишама сдаться. Хишам отверг призыв, и тогда Абд ар-Рахман велел отсечь его сыну голову и метнуть её в город камнемётом.⁵ Это было вполне справедливо. Раз сын был дан отцом в залог его собственной верности, он мог рассчитывать остаться в живых лишь до тех пор, пока отец остаётся верен. В этом случае смерть человека была не жестокостью со стороны Абд ар-Рахмана, а следствием вероломства его отца.

Абд ар-Рахман продолжил бы осаду и даже сжал бы хватку на Толедо, если бы не большая опасность, явившаяся на юго-западе Испании. Арабский полководец, действовавший как агент аббасидского халифа в Багдаде, поднимал народ Испании против омейядского правителя. Абд ар-Рахман снял осаду и поспешил назад в Кордову.

В Багдаде царствовал халиф Абу Джафар аль-Мансур и правил всем миром ислама, кроме Испании. Северная Африка отвергла аббасидского халифа, когда у наместника, Абд ар-Рахмана ибн Хабиба, вышли с ним разногласия (см. главу 9), но позже он вернулся под руку халифа, и Северная Африка снова стала частью владений халифа. Теперь оставалась только Испания, и Испания была не просто вне царства халифа, но деятельно враждебна Багдаду. Она была занозой в боку халифа.

Занозу делало большее то, что Испанией правил Омейяд, уцелевший от династии, которую Аббасиды ненавидели, династии, для истребления которой Аббасиды сдвинули небо и землю. Аль-Мансур клял день, когда молодой принц ускользнул из рук аббасидских войск на берегу Евфрата и затем продолжал уходить от поимки, а преследователи охотились за ним день и ночь. Абд ар-Рахман почти исчез из мира, пока внезапно не объявился в

4. О завоевании Толедо мусульманами см. книгу автора «Мусульманское завоевание Испании».

5. «Ахбар маджмуа», с. 101.

Андалусии и не одержал громкую победу при Мусаре. Укрепление его власти продолжало причинять боль, но самым жестоким ударом, какой претерпел халиф, стало отвержение его имени в пятничной молитве в Кордове.

Аль-Мансур с интересом следил за судьбой молодого эмира. Его ободряли опасности, какие стояли перед Омейядом, и препятствия, мешавшие его пути к успеху. Он отлично знал, что поддерживающие Омейядов — меньшинство в Испании; знал о недовольстве фихритов и кайситов и о готовности берберов принять любое дело, которое ударит по арабскому правителю. Он был хорошо осведомлён о делах Испании, и то, что он знал, укрепляло его в вере: если сделать серьёзную попытку сместить омейядского принца и восстановить над страной аббасидскую власть, она увенчается успехом. Нужен был только подходящий человек, который исполнит это дело.

Человека он нашёл в Але ибн Мугисе аль-Яхсуби из большого йеменитского племени джузам. Ала был видным вождём и полководцем на юго-западе Испании; жил он в Беже (ныне в Португалии), но часто ездил в Северную Африку. Именно во время его поездки в Северную Африку аль-Мансур вошёл с ним в связь и прислал ему верительную грамоту, назначавшую его наместником Испании. Он прислал ему и чёрное аббасидское знамя, чтобы поднять его в Кордове, и дал немалую сумму денег на расходы войны против Абд ар-Рахмана. Он даже предлагал отдать под его начало войска из Северной Африки, но Ала был уверен, что справится и без них.

Несколько времени спустя середины 146 г. х. (осень 763 г.) Ала вернулся в Бежу и развернул аббасидское знамя. Он объявил Абд ар-Рахмана узурпатором и призвал мусульман Испании вернуться к верности истинному халифу в Багдаде и вместе с ним согнать омейядского принца с престола. Успех превзошёл его ожидания. Множества откликнулись на призыв с жаром: арабы и берберы, переселенцы и баладийцы, особенно джунд Египта, поселённый в Беже. Основная масса фихритов и йеменитов выбрала Алу. Пока он шёл к Кордове, на время остановившись в Лакунте (Фуэнте-де-Кантос), ряды его сторонников пухли. Он дошёл до Альмодовара на северном берегу Гвадалквивира, в 12 милях к западу от Кордовы. Весь юго-запад Испании был теперь в его руках. Он стоял, готовый к мощному удару по Кордове, и не сомневался, что дни Абд ар-Рахмана сочтены.

Абд ар-Рахман только что отсёк голову сыну-заложнику мятежного наместника Толедо, когда получил тревожные вести о том, что происходит в

Беже. За этими донесениями последовали другие, не менее тревожные, об отклике народа юго-западной Испании на призыв мятежного полководца. Казалось, чуть не каждая крупная племенная сторона перешла к нему. Абд ар-Рахман послал в Кордову быстрого гонца с приказом Бадру собрать всякого человека, годного к бою, и выступить навстречу силам Алы. Бадру было сказано готовиться к бою не на жизнь, а на смерть.

Ход этой операции неясен, и дошедшие подробности скудны. Пока Абд ар-Рахман возвращался в Кордову, Бадр столкнулся с Алой. Между ним и аббасидским полководцем было несколько схваток, и в каждой омейядский вольноотпущенник был побит. Будь войско Алы менее громоздким и лучше устроенным, успех его против меньшего, но теснее сплочённого отряда Бадра был бы ещё больше. В ходе этих действий Ала перешёл Гвадалквивир и начал действовать к югу от реки. Сам Абд ар-Рахман вступил в дело с небольшой группой верных людей, но стычка кончилась для принца несчастливо: силы Алы погнали его на запад. В конце концов его заперли в замке Кармоны, в 20 милях к востоку от Севильи, и плотно обложили.

Кармона была построена для обороны — замыслом природы и искусством военного инженера, — крепость почти неприступная. Говорили, что в Испании нет позиции сильнее и нет такой, которую осаждающему было бы труднее взять.⁶ Она стояла на гребне, поднимавшемся над равниной; склоны его становились круче у вершины и местами были увенчаны обрывом.⁷

Бадр ещё был где-то в поле, но всё, что он мог сделать против осаждающей силы, было немногим больше булавочных уколов. Принц и его воины были в замке в безопасности, но они же были в замке пленниками. Надежды на выручку не было. Омейядская власть в Испании, славно начавшаяся на кровавом поле Мусары, готова была бесславно кончиться на другом поле. Абд ар-Рахман, однако, был не из тех, кто сдаётся, даже когда избавления не видно.

Прошло два месяца. Шла теперь примерно середина 147 г. х. (осень 764 г.). Абд ар-Рахман и его люди выжили, и страдания закалили их дух. У принца было только 700 человек, но каждый из них был отменный воин, и вместе они были, вероятно, лучшим и храбрейшим полком мусульманской

6. аль-Маккари, т. 1, с. 269.

7. В развалинах старого замка Кармоны испанское правительство устроило теперь прекрасный «парадор насьональ» — государственную гостиницу, откуда открывается великолепный вид на равнину к востоку.

Испании. Эти два месяца не нанесли Омейяду серьёзного вреда, но вконец расстроили войско Алы ибн Мугиса.

Войско его было ордой, пёстрым сборищем племён и родов без общей цели и без иного побуждения, кроме жажды приключения и добычи. Аббасидское дело ничего для них не значило. Главной целью большинства был грабёж, и за месяцы, прошедшие с тех пор, как Ала поднял чёрное знамя в Беже, они без милости грабили округу. Два месяца относительного бездействия, только что прошедшие, повредили отряду Алы больше, чем полку Абд ар-Рахмана. Тоска осады противна непостоянному нраву арабов и берберов, и многие из них разбрелись. Оставшиеся были рассеяны без порядка и дисциплины по равнине вокруг Кармоны, и многие уже готовились оседлать коней и уехать. Войско, осаждавшее Омейядов в замке Кармоны, было в высшей степени беспорядочным.

Абд ар-Рахман знал всё это. Он решился на последнюю отчаянную попытку вырваться на свободу. Он послал Бадру слово о том, что задумал, и дал ему наставление, что надлежит делать. Затем ранним вечером, вскоре после сумерек, он собрал всех своих людей и велел разжечь костёр во дворе замка. Здесь он обнажил меч, отстегнул ножны и бросил ножны в огонь.

«Идите со мной на эту орду, — крикнул он воинам. — Идите как те, кому нет нужды возвращаться».⁸

Ни один человек не дрогнул. Каждый из семисот бросил ножны в огонь и встал с мечом в руке, чтобы следовать за вождём в смелом деле, которое кончится победой или смертью. В час, избранный принцем, они вырвались из замка и обрушились на ничего не подозревавших мятежников, и в ту же пору Бадр ударил по стану с другой стороны.

Внезапность была полной. Потрясение удара сковало мятежников. Иные взяли за оружие, чтобы биться, но большинство было в таком расстройстве, что не могло даже защищаться. Смятение перешло в хаос, а хаос — в панику, когда кричащие ватаги омейядских воинов врзались всё глубже в стан, оставляя за собой кровавый след мёртвых и умирающих. До восхода солнца масса войска Алы рассеялась и бежала. Семьсот из них лежали мёртвыми на поле, и среди них вождь, бывший назначенным аббасидским наместником Испании.⁹

8. Ибн Изари, т. 2, с. 51.

9. Ибн Хальдун, т. 4, с. 266; аль-Маккари, т. 1, с. 332; Ибн Изари, т. 2.

Это был звёздный час Абд ар-Рахмана. Он сокрушил вражескую силу, многократно превосходившую его собственную. Он расстроил мощную аббасидскую попытку сбросить его, попытку, которая едва не удалась и которая удалась бы, будь её целью человек меньший, чем Абд ар-Рахман. Но в свой звёздный час Абд ар-Рахман не мог устоять перед соблазном прибавить к обиде халифа ещё и оскорбление.

Он велел сохранить головы Алы и его главных начальников в соли и камфоре. Имя каждого было написано на ярлыке, прикреплённом к уху, чтобы каждого можно было узнать и назвать. Большую часть голов отправили с проезжими купцами в Кайруан, аббасидскую столицу Северной Африки, и бросили их на рыночной площади, чтобы люди знали, что бывает с теми, кто дерзает действовать как агенты аббасидского халифа против омейядского эмира. Жители Кайруана поняли, к чему это.

Одну голову, голову злополучного Алы ибн Мугиса, завернули в чёрное знамя, которое прислал ему халиф. Затем её положили в корзину вместе с грамотой халифа, назначавшей его наместником Испании. Корзину доверили купцу, шедшему в Мекку, с наказом положить её перед шатром халифа во время хаджа, ежегодного паломничества, совершаемого в месяце зуль-хиджжа. В этом году, то есть в 147 г. х., хадж пришёлся на февраль 765 г.

Халиф аль-Мансур был в Мекке на хадже. Однажды утром он проснулся и увидел, что стража ставит перед ним корзину, в которой по осмотре оказались голова Алы, аббасидское знамя и назначительная грамота халифа. Халиф онемел. Первым его движением была скорбь. «Мы послали этого беднягу на смерть», — сказал он. Затем до него дошёл весь смысл трагедии и дерзкого жеста Абд ар-Рахмана. Его потрясло. «Хвала Аллаху, — воскликнул он, — который положил океан между нами и этим дьяволом».¹⁰

Распорядившись головами Алы и его полководцев и тем преподав аббасидскому халифу урок, которого тот не забудет, Абд ар-Рахман снова обратил внимание на Толедо. Он оставил его год назад, сняв осаду города, чтобы заняться большей опасностью аббасидского заговора. Год был для мятежного наместника Толедо, Хишама ибн Узры, и его главных подручных, Хайята ибн Валида и аль-Амри, временем передышки. Будь Абд ар-Рахман разбит при Кармоне, их сочли бы героями, но, к их несчастью, Абд ар-Рахман победил, и удача их иссякла.

10. аль-Маккари, т. 1, с. 332; Ибн Изари, т. 2, с. 52.

Победа при Кармоне дала омейядскому принцу почёт без меры. Теперь больше людей готово было идти за ним. Арабам он больше не доверял, насмотревшись на то, что считал их непостоянством, но перемену общественного мнения в свою пользу старался использовать как мог. Если этой перемене предстояло удержаться, мятеж в Толедо нужно было подавить, прежде чем крамольные мысли заразят других. Поэтому после короткого отдыха в Кордове он отправил на Толедо сильный отряд под началом Бадра и Тамама ибн Алькамы.

В это время Абд ар-Рахман сделал первую крупную перемену в военном устройстве Испании. Прежний обычай был таков: в каждом округе, где поселены арабы, они обязаны готовить положенное число годных к бою людей для военной службы в летнюю пору походов. Абд ар-Рахман переменял эту систему. Он ввёл новый порядок, по которому каждый округ выставляет половину своих годных к бою людей на шесть месяцев, а другую половину — в следующие шесть месяцев. Так у него всегда будет достаточное число воинов для военной службы.¹¹

Толедо снова было в осаде. Всякий вход и выход перекрыли. Никто не мог выйти; припасы не могли войти в город. Жителям Толедо мало было дела до родовых свар знатных арабских семей, а в них и лежала коренная причина мятежа. Сверх того, блистательная победа Абд ар-Рахмана при Кармоне не оставила в их умах сомнения о судьбе тех, кто берётся за оружие против него. Просидев несколько недель в своей неприступной крепости, они пришли к выводу, что сомнительные выгоды мятежа не стоят бедствия, которое стало теперь их уделом. Тогда Бадр и Тамам вошли в сношения с жителями и начали их обрабатывать, чтобы повернуть против своих вождей. Вскоре горожане согласились выдать троих начальников Омейядам в обмен на амнистию и снятие осады.

Так они и сделали. Мы не знаем, пришлось ли гражданам драться, чтобы одолеть своих вождей; скорее всего, нет. Верность арабов Толедо была не устойчивее, чем в других местах Испании, и, по-видимому, вождей совершенно бросили люди, которые ещё несколько недель назад были их верными сторонниками. Осада кончилась. Действия прекратились, и войска эмира мирно вошли в город. Хишам, Хайят и аль-Амри были пленниками в руках Бадра и Тамама. Шёл конец 764 г. (к исходу 147 г. х.).

11. «Ахбар маджмуа», с. 104.

Бадр остался в Толедо, где будет ждать приказов своего господина. Тамам взял небольшую охрану и отправился в Кордову, чтобы представить трёх знатных пленников принцу. В пути, в месте, называемом Аурит, его встретил чиновник с приказом Абд ар-Рахмана: Тамам вернётся в Толедо и примет должность наместника; Бадр вернётся к эмиру; чиновник проводит пленников в Кордову.

Когда пленники прибыли в Хальзу,¹² неподалёку от Кордовы, их встретил начальник стражи Абд ар-Рахмана и несколько ремесленников, которым было велено сделать своё дело. Цирюльник обрил пленникам головы и бороды; портной сшил каждому простую шерстяную рубаху; корзинщик сделал три короба, чтобы навьючить их на трёх ослах. Пленников, одетых в шерстяные рубахи, посадили в короба, короба закрепили на ослах. Затем шествие двинулось в Кордову.

12. Ибн Изари, т. 2, с. 53. В «Ахбар маджмуа» (с. 104) это место названо Хальва.

ГЛАВА 15

Война с йеменитами

Жиды Кордовы увидели дивное зрелище: три осла входили в город рядом, с коробами на спинах, и из отверстия каждого короба торчала обритая голова знатного и некогда могущественного араба. Ал-Амри, слабейший из троих, обернулся к Хайяту и пожаловался: «На меня надели очень тесную рубаху». Хайят ответил: «Тебе ещё повезёт, если дадут её доносить».

Многие ликовали, многие смеялись нелепому зрелищу смешных лиц, торчавших из коробов на спинах ослов. Иные задумывались. Ослов провели через весь город, чтобы все видели, чтобы все прониклись, чтобы все были предупреждены. Пусть все узнают, какая кара постигает тех, кто восстал против эмира, и узнают, что эмир не прощает.

Когда смех и ликование кончились и Абд ар-Рахман удостоверился, что позора на них взвалено довольно, трёх несчастных пленников вынули из коробов. Затем по приказу Абд ар-Рахмана их казнили, а тела распяли.¹

Когда Абд ар-Рахман сделал с головой Алы ибн Мугиса то, что сделал, — сохранил её в соли и камфоре и послал в Мекку, — он хотел дать пощёчину халифу в Багдаде. Но ему удалось больше, чем усугубить обиду халифа оскорблением. Он оскорблением усугубил и обиду йеменитов, а они были большинством среди арабского населения Испании.

Ала был йеменит и видный вождь йеменитов в стране. Он происходил из племени джузам и рода йахсуб — самого знатного йеменитского рода в Испании, давшего множество видных арабских предводителей. Если бы после битвы при Кармоне Абд ар-Рахман попытался примирить йеменитов, а не проворачивал нож в их ранах, он, быть может, добыл бы мир себе и стране. Но он и не пытался, и действия его ещё сильнее ожесточили йеменитскую партию. Отсюда пошла волна мятежей, длившаяся восемь лет. Каждый возглавлял вождь, который был йеменитом, джузамитом и йахсубитом, и большинство их связывало родство. После падения Толедо у князя

1. «Ахбар маджмуа», с. 104–105.

едва прошёл год передышки, как против него восстал первый из вождей бану Йахсуб.

То был Саид, по прозвищу ал-Матари, начальник Ньеблы. Вызов его был не плодом обдуманного, рассчитанного притязания на власть, а следствием буйной попойки. Однажды ночью, в начале 149 г. х. (начало 766 года), он сильно напился и в хмелю стал рассказывать собутыльникам о собратьях-йеменитах, убитых рядом с Алой при Кармоне. Чем больше он говорил о беде, постигшей его родичей, тем сильнее волновался. Наконец он так распалился, что привязал к копыю знамя, как стяг для битвы, и поклялся отомстить.

Путру, проснувшись и придя в себя, он ровно ничего не помнил о событиях минувшей ночи. Он недоуменно смотрел на стяг. Он спросил друзей, что делает знамя на конце его копья. Они рассказали. Первым его чувством был ужас: если эмир об этом узнает, пощады не будет. Он велел своим людям поспешить и снять злополучное знамя с копья, но не успели они это сделать, как он остановил их. Взял верх дух рыцарственного араба: снять знамя — всё равно что бросить вызов и тут же отступить от страха. «Я ещё ни разу не готовил знамени к войне и не снимал его, не дав битвы», — похвалился Матари.

Он кликнул своих людей к оружию. Йемениты стеклись к нему в немалом числе, и под его стяг собралась также изрядная сила берберов. С ново-собранным войском он выступил к Севилье и взял её без сопротивления. Его приветствовала большая часть местного населения города, и боевая сила его оттого ещё выросла. Затем он узнал, что Абд ар-Рахман идёт на него с большим войском.

Матари был человек храбрый, но полководец посредственный, во всяком случае не из тех вождей, кто внушает войску уверенность. Он решил уклониться от открытого боя с Омейядами. В шести милях к юго-востоку от Севильи поднимался замок Гуадаира, и Матари с небольшим отрядом укрылся в этом замке. Датой этого шага называют 2 раби аль-аввала 149 г. х. (26 апреля 766 года).² Абд ар-Рахман явился на место и осадил Гуадаиру.³

Осада была тесной. Матари заранее не позаботился о припасах для замка и, пытаясь заставить эмира снять осаду, послал срочную мольбу о помощи

2. Ибн аль-Асир, т. 5, с. 218.

3. Мусульманские историки называют этот замок замком Завак.

начальнику Медины-Сидонии, Гиясу ибн Алкаме из бану Лахм, тоже йемени-ту, другу и сочувствующему. Гияс благородно откликнулся на зов друга, попавшего в беду. С отрядом, численность которого не названа, он выступил из Медины-Сидонии в сторону Севильи, но прошёл едва половину пути, как нашёл дорогу запертой омейядским отрядом под началом Бадра. Дальше он идти не мог.

Абд ар-Рахман сделал очень искусный ход. Узнав о мольбе Матари и о готовности Гияса ему помочь, он послал Бадра перехватить Гияса и позаботиться, чтобы подкрепление из Медины-Сидонии не дошло до Гуадаиры. То был классический пример: две воинские силы держат врозь, не дают им соединиться и разделяются с ними поодиночке. Силу Гияса следовало оставить вне боя, чтобы заняться ею позже, пока бьют главного врага при Гуадаире. Бадр развернулся на дороге, которая вела из Медины-Сидонии, и, когда Гияс подошёл, дал ему понять, что дальше тому ходу нет и что много крови прольётся, прежде чем лахмитский вождь сможет идти на помощь другу.

Битвы не было. Лакхмитский вождь понял, что цена, какую пришлось бы заплатить за благородный жест помощи другу в беде, слишком высока. Тогда он сговорился с Бадром так, чтобы крови не лить, к явному облегчению обеих сторон. Гияс повернул назад, в Медину-Сидонию, а Бадр вернулся к своему господину на осаду Гуадаиры.

Неудача колонны из Медины-Сидонии, не сумевшей выручить гарнизон Гуадаиры, омрачила виды жителей города и воинов в замке. Многие из них ночью выскользнули из крепости и сдались осаждающим. Надежды на выручку не осталось. Матари щедрее был наделён свойствами сердца, чем ума. Он назвал заместителя, Халифу ибн Марвана, тоже йахсубита, чтобы тот остался в замке вместо него, а сам с отборным отрядом арабов и берберов сделал вылазку для последней доблестной схватки, которая кончится либо славной победой, либо славной смертью. Кончилась она бесславной смертью. Голову мятежного вождя принесли Абд ар-Рахману, и он приказал водрузить её на копё и пронести перед всеми.

Теперь о мире заговорил гарнизон. Воины предлагали эмиру голову своего нового начальника, Халифы, если эмир снимет осаду и не пойдёт дальше военными действиями. Эмир принял условия. Халифу выдали как пленника и по приказу Абд ар-Рахмана обезглавили. Чтобы такое дело не

повторилось, по крайней мере здесь, Абд ар-Рахман велел полностью разрушить крепость Гуадаиры и превратил её в открытое поселение.

Покончив с Матары, Абд ар-Рахман обратился к Медине-Сидонии, чей начальник дерзнул попытаться помочь мятежнику против эмира. И этого человека надлежало наказать. Омейядские войска обложили город, и жители вскоре почувствовали тяготы осады. Впрочем, нескольких дней действий хватило, чтобы жители Медины-Сидонии запросили мира, и эмир его даровал. На этот раз не было ни казней, ни заложников.

Едва эмир вернулся в Кордову, как против его власти вспыхнули два малых мятежа. Первый начался в Хаэне, где Абдуллах ибн Хираша из бану Асад призвал своих сторонников к оружию и объявил себя независимым от Кордовы. Он даже послал отряд грабить окрестности столицы. Абд ар-Рахман выслал против него отряд, который без труда рассеял его маленькое войско, после чего мятежный вождь просил помилования и был помилован. Второй случай произошёл на юго-западе Испании, где Гияс ибн Мустабид, тоже из бану Асад, поднял мятеж, но попытку подавил правитель Бежи: он убил мятежника и послал его голову в Кордову как трофей.

Всё это случилось в первой половине 149 г. х. (весна и лето 766 года). Позже в том же году вспыхнул мятеж величайшего из йеменитов — Абу Сабаха, шейха Севильи, старшего из вождей йеменитов, который связал свою судьбу с Абд ар-Рахманом, когда молодой князь искал друзей и сторонников против Юсуфа и ас-Сумайла. Поддержка Абу Сабаха решила для Абд ар-Рахмана всё: без неё он не одолел бы установленного правительства Испании. Поддержка йеменитского вождя была, однако, не вполне бескорыстной. Он пользовался Абд ар-Рахманом, чтобы уничтожить кайситское предводительство в Кордове, а затем устранить самого Абд ар-Рахмана и провозгласить над Испанией йеменитское правительство. Если ему не удалось привести замысел в исполнение, то лишь потому, что сторонники не поддерживали его в ту пору, когда поддержка была нужна. С самого конца битвы при Мусаре, когда он тщетно пытался поднять своих людей против омейядского князя, он и Абд ар-Рахман смотрели друг на друга с подозрением: каждый знал, что у другого на уме, и каждый знал, что другой это знает.

После Мусары было некое соглашение. Абу Сабаха назначили наместником Севильи, а племенным вождём этого города он и без того был. Здесь некоторые подробности неясны. Нам говорят, что Абд аль-Малик ибн Умар,

старый омейядский сподвижник, приехавший в Испанию, когда Абд ар-Рахман пригласил родичей сделать то же, получил должность наместника Севильи и оттуда действовал, чтобы подавить последнюю попытку Юсуфа свергнуть омейядское правительство. Во время мятежа Матари его там, очевидно, не было: в истории нет и следа его сопротивления мятежнику, а такое сопротивление не осталось бы без упоминания. Нет упоминания и о том, что там был Абу Сабах, — ни как сторонник мятежников, ни как их противник, — а он был слишком крупным человеком, чтобы его обошли молчанием. Мы знаем, что спустя некоторое время после назначения наместником Севильи Абд ар-Рахман сместил его с этой должности.⁴ Быть может, и назначение, и смещение приходятся на время после мятежа Матари.

Абу Сабах был взбешён смещением и чувствовал, что Абд ар-Рахман обходится с ним как с мелким арабом, а не как с большим вождём, каким он был. Было и ещё кое-что: Абу Сабах утверждал, что Абд ар-Рахман нарушил некоторые условия, ему данные.⁵ Смещение стало началом его мятежа. Он кликнул своих людей к оружию и готовился идти на Кордову.

Абд ар-Рахман не желал встретить в бою ещё одно йеменитское войско, на этот раз под началом вождя более грозного и более чтимого, чем Матари. Он решил прибегнуть к хитрости. Он послал Тамама ибн Алкаму, своего хаджиба и военачальника особых поручений, встретить Абу Сабаха и пригласить его в Кордову под охранной грамотой для разговора с эмиром. Тамам заверил старого вождя, что Абд ар-Рахман желает избежать кровопролития, и Абу Сабах согласился встретиться с Абд ар-Рахманом. Он отправился в Кордову с личной свитой в 400 всадников. Прибыв ко дворцу, он принял совет дворцовых чинов: оставить свиту снаружи и войти к эмиру одному. При приглашении эмира и охранной грамоте он ни на миг не подозревал, что его особе может грозить опасность.

Едва он вошёл в покои эмира, Абд ар-Рахман стал бранить его за то, что он сделал. Абу Сабах приехал не затем, чтобы слушать упрёки, и уж не от этого юного выскочки. Он швырнул князю его упрёки обратно и прибавил несколько собственных резких слов. Тогда князь кликнул двух телохранителей, и те по приказу господина напали на вождя с кинжалами и убили его.

4. Ибн Изари, т. 2, с. 53.

5. аль-Маккари, т. 3, с. 44.

Когда кровавое дело было сделано, Абд ар-Рахман велел унести тело и спешно прибрать дворец. Затем он призвал советников и спросил, как поступить с Абу Сабахом. Советники эти, полагая, что старого вождя эмир держит в плену, опасались четырёхсот йеменитских воинов, стоявших у дворца и превосходивших числом дворцовую стражу. Все, кроме одного, высказались так: йеменитскому вождю не следует причинять вреда. Выслушав их, Абд ар-Рахман объявил, что Абу Сабах уже убит, и показал всем его голову.⁶

Йеменитская свита у ворот дворца, от которой можно было ждать крайней ярости в ответ на убийство полководца, не сделала ничего подобного. Узнав, что их вождь мёртв, они молча сели на коней и уехали.

Абу Сабах, старший из вождей йеменитской партии в Испании, был устранён, и крови не пролилось никакой, кроме его собственной.

Дело Абу Сабаха завершилось к концу 149 г. х. (конец 766 года). Семь следующих лет йемениты уже не поднимались мятежной силой. Между тем немногим более чем через год после Абу Сабаха Абд ар-Рахман оказался в большой берберской войне на севере, против неуловимого Шакны, — в мятеже, которому предстояло длиться десять лет. Война Абд ар-Рахмана против Шакны составляет отдельный и самостоятельный эпизод и описана в следующей главе.

В 156 г. х. (773), когда Абд ар-Рахман был занят действиями против берберов при Сопетране, к юго-востоку от Гвадалахары, он получил из Кордовы срочный зов сына Сулаймана вернуться на юг.⁷ Йемениты снова взяли за оружие, и этому предстояло стать самым большим и самым широким йеменитским восстанием против Абд ар-Рахмана.

Абд аль-Гафир ибн Хамид был начальником Ньеблы.⁸ Амр ибн Талут был начальником Бежи. Оба этих господина, правившие самыми юго-западными округами Испании, были йахсубитами и двоюродными братьями Абу Сабаха. Хайят ибн Муламис, начальник Севильи, был арабом из Хадрамаута, но сочувствовал делу йахсубитов и разделял их жажду мести за убитых родичей. Зная, что Абд ар-Рахман связан борьбой с берберами на

6. Ибн Изари, т. 2, с. 54; «Ахбар маджмуа», с. 106.

7. По некоторым известиям, зов послал Бадр.

8. Некоторые авторы называют его также Абд аль-Гаффаром.

севере, трое вождей согласовали действия и призвали йеменитов к большому общему делу против омейядского правителя.

На зов с жаром откликнулись йеменитские партии, и тысячи их стеклись к стягам вождей. Силу их умножило множество берберов, всегда готовых к походу и добыче. Начальники Ньеблы и Бежи выступили к Севилье, там соединились со сторонниками Хайята и составили немалое войско под общим начальством Абд аль-Гафира.

Главные силы мятежников шли севернее Гвадалквивира, а меньший отряд действовал южнее реки и взял Эсиху. Сбор и движение были так хорошо задуманы и так быстро исполнены, что лишь когда мятежники были в двух дневных переходах от Кордовы, Абд ар-Рахман вернулся в столицу и узнал от своего двоюродного деда, Абд аль-Малика ибн Умара, численность и расположение сил, угрожавших Кордове. Мятежники стояли лагерем на широком пространстве в долине реки Бембесар, небольшой реки, впадающей в Гвадалквивир в двадцати пяти милях к западу от Кордовы.⁹ То было очень большое скопище мятежников, и арабы, и берберы.

Абд ар-Рахман стал лагерем при Мусаре, месте своей первой битвы в Испании, в двенадцати милях к западу от Кордовы, и не желал идти во дворец, пока враг угрожает столице и царству. Первым делом он заново устроил войско, которое форсированными маршами возвращалось с севера. Всё это войско он отдал под начало Абд аль-Малика и велел ему выступить и биться с мятежниками, а сам стал собирать в Кордове новые силы.

У Абд аль-Малика было в жизни одно честолюбие: уничтожить врагов бану Умайя и утвердить омейядскую власть над Испанией на незыблемом основании. Смерть за дело Омейядов была ему милее жизни в омейядском поражении и бесчестии. Он выступил из Мусары с главными силами, послав вперёд сына Умайю начальником авангарда: установить соприкосновение с врагом, вести разведку и соприкосновения не терять.

Молодой Умайя продвинулся и вошёл в соприкосновение, но нашёл врага сильным и бдительным. Он рассудил, что в схватке с мятежниками будет побит из-за недостатка сил и этим навлечёт бесчестие на род. Потому он прервал соприкосновение и отошёл к ставке отца, чтобы доложить ему о положении.

9. Ибн Изари (т. 2, с. 51) называет эту долину Вади-Кайс; Ибн аль-Кутийя (с. 31) называет её Вади-Мунабис и помещает в ней город Баннаш, или Шер-Бонно.

Отец взбесился от ярости: поступок сына он счёл трусостью. «Как ты смеешь ослушаться моего приказа и тем ободрить врага против меня! — прогремел он. — Если ты бежишь от смерти, то прибежал к ней!»¹⁰ Тут же полководец велел отрубить сыну голову за трусость — замечательный, хотя и ужасный, пример дисциплины на поле боя.

Абд ар-Рахман тоже выдвинулся, чтобы соединиться с главными силами, и противники сошлись в широкой долине Бембесара.¹¹ Несколько дней шли тяжёлые стычки, и счастье, по-видимому, было на стороне мятежников. Абд аль-Гафир не раз пытался обойти Омейядов с фланга и прорваться к Кордове, но всякую попытку Абд аль-Малик срывал. Дела Омейядов шли так худо, что порой Абд ар-Рахман думал, будто перед ним поражение, но он и прежде бывал в отчаянных положениях и не собирался бросать борьбу. Эти стычки подготовили большую битву между мятежниками под началом Абд аль-Гафира, стоявшими на укреплённых позициях, и омейядской силой под началом эмира, которой в бою на деле командовал Абд аль-Малик.

Ночью Абд ар-Рахман ходил по лагерю. Ему хотелось видеть, как чувствуют себя воины, в каком они настроении, сидя у костров. Он прошёл мимо полка берберов, которые говорили на своём берберском языке. Это пустило его мысль по следу, и след быстро привёл к замыслу, способному, пожалуй, изменить соотношение сил в его пользу. Берберские воины были у него среди лучших — верные, стойкие, отважные. Если берберы в войске Абд аль-Гафира того же достоинства, — а бои последних дней говорили, что так и есть, — то и у того они среди лучших войск. Если Абд ар-Рахману удастся отделить их от йеменитов, с мятежной силой будет легче совладать.

Он послал своих офицеров говорить с берберскими вождами. Берберам растолковали, насколько им лучше под властью Абд ар-Рахмана, чем было бы под чьей-либо иной; как жестоко обойдутся с ними йемениты, если выиграют битву и положат конец омейядской власти в Испании; как было бы хорошо, если бы они пошли к своим братьям в противоположном стане, уговорили тех переметнуться и перейти на сторону Абд ар-Рахмана. Князь щедро их наградит. Речи подействовали: берберы согласились сделать именно так, как желал князь.

На следующее утро оба войска выстроились к бою в долине Бембесара. Войско Абд аль-Гафира было крупнее и внушительнее, войско Абд ар-Рах-

10. аль-Маккари, т. 3, с. 59.

мана — меньше, но лучше устроено. Прежде чем началась битва, берберы мятежного войска сказали своим арабским товарищам: «Мы лучше бьёмся верхом. Посадите нас на своих коней!»

Арабы приняли предложение. Они признавали, что берберы — превосходные конные бойцы. Они дали берберам коней довольно, чтобы посадить каждого, а сами согласились в битве быть пешими. Едва все берберы сели на коней, как всем отрядом ускакали и перешли на сторону Омейядов.

Омейяды тогда пошли в атаку, и дальше была жестокая рубка, в которой пощады не давали и не ждали. Бойня длилась почти весь день, и после полудня мятежное войско было наголову разбито. На поле легло 30 000 воинов, большею частью из мятежного войска Абд аль-Гафира. Ров, в котором похоронили их тела, и два столетия спустя был виден как примета местности.¹² Абд аль-Гафир и Хайят ибн Муламис вырвались с поля битвы и поспешно отступили в Севилью.

Когда битва кончилась, Абд аль-Малик лежал на земле, кровь сочилась из ран и капала с меча, эфес которого всё ещё крепко сжимала его рука. Абд ар-Рахман подошёл к двоюродному деду. Он опустился на колени возле старого героя и поцеловал его между глаз. «О двоюродный брат, — сказал он, — я устрою так, чтобы мой сын и наследник Хишам взял в жёны твою дочь. Назначаю ей такое-то, тебе такое-то, а детям твоим такое-то. Тебя и сыновей твоих ставлю визирями».¹³

Одной битвы пока было довольно, особенно такой битвы, как эта. Абд ар-Рахман вернулся в Кордову и оставался там до конца года.

В следующем году, 157 г. х. (774), Абд ар-Рахман снова выступил с войском к Севилье, которая всё ещё ошцетинилась мятежным оружием под началом Абд аль-Гафира и Хайята. Мятежников надлежало наказать, йеменитское сопротивление сломить раз и навсегда и преподать урок другим, кто мог бы питать замыслы против омейядской власти.

Омейяды ворвались в Севилью. Йеменитская партия сопротивлялась им крепко, но безуспешно. Омейяды разили без пощады и перебили множество йеменитских сторонников, прежде чем угасло последнее сопротивление. Это была уже не долгая битва; то была кара, месть, доведённая до предела.

11. Ибн аль-Кутийя, с. 32.

12. Там же.

13. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 4; аль-Маккари, т. 3, с. 59.

Хайят ибн Муламис погиб в бою. Абд аль-Гафир снова ушёл, пробрался к берегу, сел там на корабль и отплыл на восток, в Сирию, где и провёл остаток дней.

Никогда больше йемениты не поднимались всею массой против Абд ар-Рахмана, эмира Испании.¹⁴

14. «Ахбар маджмуа» (с. 108). По Ибн Хальдуну (т. 4, с. 268), Хайят тоже ушёл и отплыл в Сирию. По Ибн Изари (т. 2, с. 51), он бежал в Севилью, но позже написал эмиру, прося помилования, и помилование было дано.

ГЛАВА 16

Шакна-бербер

Шакна сын Абд аль-Вахида, был школьным учителем и жил в округе Сантавера (Шант-Барийя), древней области, которая давно исчезла, но примерно совпадала с нынешней провинцией Куэнка, лежащей между Мадридом и Валенсией. Он был бербер из племени микнаса. В этом чело- веке жили честолюбие, воображение, упорство и живучесть в борьбе, и, уча детей в своей школе, он ничем этого не выказывал.

В ту пору, когда Абд ар-Рахман вёл действия против Матари и Абу Сабаха, Шакна вбил себе в голову, что именно ему пристало принять пред- водительство берберов и вести их в завоевательную войну против арабов — войну, которая кончится великой берберской победой и установлением бер- берской власти над Испанией. Тогда те, кто первыми из мусульман завоевал Испанию под началом Тарика ибн Зияда за сорок лет до того, станут един- ственными обладателями власти в стране. Человек этот был либо провидец, либо шарлатан, смотря по тому, глядеть ли на него берберскими глазами или арабскими. Мечта его была захватывающей, и вера в неё не дрогнула за те десять лет, что он играл с Абд ар-Рахманом в прятки и водил эмира весёлой погоней по горам родного Сантавера.

В 150 г. х. (767) он объявил своим приверженцам, что происходит от дочери Пророка, Фатимы, через её сына Хасана. Притязание было совер- шенно ложным, но он стоял на нём. Он принял имя Абдуллах ибн Мухам- мад и титул ал-Фатими — Фатимид, — верный лишь постольку, поскольку мать его звали Фатимой.¹ Он стал святым человеком. На берберов это подействовало сильно: их всегда тянуло к святым людям и мистикам, и их они чтили превыше всех. Они стеклись к нему. Мало-помалу число их росло, и Шакна оказался во главе немалого скопища воинственных бербе- ров, лично ему преданных. Позже к нему примкнули и некоторые арабы — из вражды к омейядской власти. Арабские историки называли его берберских приверженцев сбродом,² но, выиграй они войну, которую вели против ара- бов, история почтила бы их лучшим именем.

1. Ибн аль-Асир, т. 5, с. 224; Ибн Изари, т. 2, с. 55.

2. Ибн Изари, т. 2, с. 54.

В 151 г. х. (768) Шакна выступил в поход. Он взял приступом город и замок Сопетран,³ столицу области Сантавер, и сделал его своей ставкой. Город стоял на возвышенности недалеко от слияния рек Тахо и Гуадиелы, милях в двадцати к юго-востоку от Гвадалахары, и ныне его полагают городом Кастро-де-Сантовер.⁴ Упрочив власть над областью, он отправился покорять северо-западную часть владений эмира, ту часть, где преобладали берберы.

Он шёл равниной между Тахо и Гвадианой, и всюду, куда он приходил, берберы поднимались, чтобы присоединиться к нему и служить под его стягом, признавая его своим духовным и светским властителем. Он вступил в область Мерида и без труда взял три города: Курию (Касерес), Мериду и Медельин. Правителем Мерида был Абу Забал, берберский вождь, верный Абд ар-Рахману, и местные берберы убили этого человека во время боя в городе. После этого завоевания Шакна вернулся в свою ставку в Сопетране, посадив над завоёванными городами берберских правителей, верных ему самому. Он был господином широкой полосы испанской земли между реками Тахо и Гвадианой, от Мерида на западе до гор Куэнки на востоке. Он рассёк владения эмира, отделив Толедо на севере от Андалусии на юге. Шакна правил этой землёй, но податей не собирал: просто грабил округу, когда нужны были деньги.

В следующем году, 152 г. х. (769), Абд ар-Рахман выступил против Шакны, намереваясь привести его к битве и покончить с мятежом, как покончил со всеми прочими мятежниками в стране. Он пришёл к Сопетрану и нашёл его опустевшим. Мятежный вождь не желал встретить омейядское войско в правильном сражении, где менее искушённые берберы были бы в невыгоде, и увёл свои силы в предгорья к востоку от Сопетрана. Абд ар-Рахман последовал за ним в холмы, надеясь схватиться с мятежником. Между арабами и берберами произошло несколько стычек, и после каждой берберы отходили глубже в горы, увлекая арабов за собой. После нескольких столкновений Абд ар-Рахман оказался в трудной горной местности, где конница его была мало пригодна, а всё преимущество было у

3. Этот город называют также Шайтараном (Ибн Хальдун, т. 4, с. 267; Ибн аль-Асир, т. 6, с. 3) и Шубатраном (Ибн Изари, т. 2, с. 54).

4. Дози, с. 202.

проворных берберов. Эмир прервал соприкосновение и спустился на равнину.

Прежде чем вернуться в Кордову, он назначил в Толедо нового наместника, а именно Хабиба ибн Абд аль-Малика, и велел ему и дальше теснить берберов. Хабиб послал в Сопетран офицера по имени Сулайман ибн Усман, чтобы тот исполнил приказ эмира. Пока Сулайман ещё готовил войска к походу на мятежников, Шакна ринулся с гор и ударил по силам эмира при Сопетране. Сулайман был убит, войска его разбиты, и Шакна снова утвердился господином замка Сопетран. После этой победы ещё больше берберов, дотоле сидевших между двух сторон и смотревших, куда повернётся борьба, связали свою судьбу с Шакной.

В следующем году, 153 г. х. (770), Абд ар-Рахман снова пришёл разделиться с мятежником, но мятежник снова оставил Сопетран и ушёл в холмы. На этот раз Абд ар-Рахман удовольствовался тем, что упрочил свою власть над городом и окрестностями, и через несколько недель вернулся в Кордову. Зная, однако, что берберы таятся недалеко от города и ждут случая на него наброситься, он послал Бадра командовать гарнизоном Сопетрана и делать всё возможное, чтобы рассеять угрозу.

Бадр прибыл в Сопетран и тотчас начал готовиться привести Шакну к битве, но ему повезло не больше, чем господину. Когда он вошёл в предгорья, мятежники отошли на более высокие гребни, и Бадр оказался в свалке с врагом, который держался вне досягаемости и всё же досаждал. Бадр тоже вышел из соприкосновения и вернулся в Сопетран, где оставался настороже против внезапного нападения берберов.

Шакна оставался в своём горном убежище. Он начал то, что мы теперь назвали бы партизанской войной: набегал на поселения, угонял скот, убивал всякий омейядский отряд, застигнутый в уязвимом положении, и никогда не ввязывался в серьёзный бой с сильными правительственными войсками. Эти партизанские действия продолжались и в 154 г. х. (771), когда Абд ар-Рахман снова соединился с Бадром при Сопетране и они вдвоём сделали ещё одну неудачную попытку добраться до Шакны.

То был первый опыт Абд ар-Рахмана в деле с партизанским врагом, который бил и исчезал прежде, чем его собственные силы успевали отозваться, и не давал себя втянуть в битву. Абд ар-Рахман не мог преследовать мятежника глубоко в горы, а Шакна мог когда угодно выйти на равнину и ударить по любой цели по своему выбору. Так война шла дальше: неуловимый бер-

бер оставался вне досягаемости, а правительственные силы едва удерживали власть над равнинами. Положение было ущербнее для Абд ар-Рахмана, чем для его противника, ибо Абд ар-Рахман был государь, которому надлежало не только держать свою землю в руках, но и сохранять доверие подданных, тогда как Шакна был разбойник под громким именем, и ему довольно было набегать, грабить и ждать удобного случая для лёгкой победы.

Случай этот представился, когда к концу 154 г. х. (771) Абд ар-Рахман вернулся в Кордову и взял с собою Бадра, оставив гарнизон держать Сопетран. Шакна снова ринулся с гор и отбил город. Он опять был господином области, и стяг его снова взвился на стенах замка.

На этот раз Абд ар-Рахман решил послать против мятежника крупную силу. В 155 г. х. (772) он снарядил поход под началом Тамама ибн Алкамы и своего старого сторонника Убайдуллаха ибн Усмана и дал им задачу: где только можно, привести Шакну к битве и покончить с его крамолой раз и навсегда.

Оба полководца вошли в окрестности Сопетрана и стали лагерем недалеко от города. Убайдуллах послал своего племянника Ваджиха вести переговоры с Шакной и уговорить его покориться омейядской власти. Желаемой цели переговоры, однако, не достигли и кончились прямо противоположным: мятежник уговорил арабского посланца обратиться против эмира и присоединиться к мятежникам (за это преступление его позже убьют два убийцы, которых Абд ар-Рахман пошлёт нарочно для того).⁵

Убайдуллах и Тамам ждали в лагере, какой ответ принесёт их посланец, чтобы решить, что делать дальше, как внезапно на них ударила дикая орда берберов под началом Шакны, а вёл её изменник Ваджих. Захваченные совершенно врасплох, большая часть омейядских воинов вместе с обоими полководцами искала спасения в бегстве, а тех, кто встал, чтобы сдержать натиск берберов, изрубили. Лагерь омейядского войска достался как военная добыча, и ликующие берберы разграбили его дочиста.

После этой победы Шакна подошёл к замку Хуввариюн, известному также как Мадаин.⁶ Правитель этого места, чиновник омейядского правительства, укрылся в цитадели, но Шакна выманил его хитростью, под пред-

5. «Ахбар маджмуа», с. 111.

6. Установить, где находилось это место, невозможно.

логом переговоров, и затем убил. После того он взял цитадель приступом и захватил власть над городом.

Абд ар-Рахман сделал ещё одну попытку биться с мятежником на его собственной земле. В 156 г. х. (773) он осадил Сопетран, но едва прошло несколько дней, как Шакна вырвался из города и ушёл в свои горы. Абд ар-Рахман двинулся разделаться с ним в горах, но не успел уйти далеко, как получил из Кордовы весть о восстании йеменитов под началом Абд аль-Гафира и Хайята. Бросив всякую мысль идти на берберского льва в его логове, князь поспешно вернулся, чтобы справиться с йеменитской угрозой, о которой рассказано в предыдущей главе. Шакна снова сошёл с гор и восстановил свою власть над городом Сопетран и областью Сантавер.

Весь остаток года и большую часть следующего Абд ар-Рахман был занят действиями против йеменитов. Когда кончилось последнее дело того похода, то есть к концу 157 г. х. (774), он снова был готов заняться своим берберским противником.

К этой поре Абд ар-Рахман совершенно разочаровался в арабах Испании. Он нашёл их неверными, лживыми, недисциплинированными, непредсказуемыми и ненадёжными.⁷ Он больше не мог полагаться на них в своих битвах и в том, чтобы они удержали его на престоле. Если он хотел упрочить свою власть и остаться бесспорным правителем Испании, у него под рукой должно было быть войско, на чью безраздельную верность он мог бы положиться и которое всегда было бы по первому его зову. Оно должно было состоять из воинов, неподвластных племенному и партийному давлению и заинтересованных единственно в службе эмиру.

Абд ар-Рахман начал набирать новое войско. Часть его составляли рабы — не те домашние рабы, каких всякий мог купить на невольничьем рынке, а рабы-воины, люди, взятые в плен в бою и считавшиеся рабами в силу самого плена. Таких людей держали не для домашней службы, а для войны, и часто они были лучшими из воинов. Абд ар-Рахман купил их множество в личную собственность и зачислил в части как профессиональных воинов, состоявших на службе постоянно.

Но такие воины были в меньшинстве. Главную массу нового войска составляли берберы из Северной Африки. Агенты его рыскали по областям по ту сторону Гибралтарского пролива, набирая берберских воинов для

7. аль-Маккари, т. 3, с. 36; Ибн Хальдун, т. 4, с. 268; Ибн аль-Асир, т. 6, с. 64.

службы в Испании. Их влекли щедрое жалование и надежда жить в почёте и на высоком положении в стране более приятной, чем дикие края, где они обитали, и они тысячами шли служить новому господину. В Испании такой опыт предпринимали впервые: наёмное войско, набранное большей частью на стороне и верное правителю, — и ему предстояло стать главной силой Абд ар-Рахмана. Со временем новое войско дойдёт до 40 000, войско преимущественно берберское, но с людьми и других народов.⁸ До этой цифры было ещё несколько лет, но к весне 158 г. х. (775), когда Абд ар-Рахман снова принял вызов Шакны, часть нового войска уже была готова к походу. Число её пополнили верные арабские отряды.

На этот раз эмир избрал более широкий и цельный замысел против своего берберского противника. Все прежние военные действия не смогли привести того к битве на условиях, удобных для правильных правительственных войск. Шакна всё ещё правил землёй, захваченной в 151 г. х., от Мерида до холмов Куэнки, и всё ещё располагал верной поддержкой всех берберов, населявших его землю. Теперь Абд ар-Рахман соединит политические и психологические меры с военными действиями.

Сначала он выступил на запад и покорил край Мерида и Касереса. Берберское сопротивление было жестоко подавлено. Под предлогом мести за смерть своего правителя Абу Забала, убитого семью годами раньше, он велел казнить множество берберов, всех, кто мог приложить руку к этому убийству. Он схватил заместителя Шакны в Мериде, Аббаса ибн Калуша Абу Мазкану из берберского племени масмуда, но мы не знаем, казнили этого человека, пощадили или какое иное наказание он понёс.⁹ Действия против Мерида, помимо того что устроили берберов и отбили у них охоту поддерживать своего вождя, имели и ещё одно следствие: западная часть мятежной земли была отсечена, и оттуда Шакна уже не получит ни помощи, ни подкрепления.

Затем Абд ар-Рахман выступил в область Сантавер и к её столице, Сопетрану. Услышав о приближении эмира, Шакна, по своему обычаю, оставил город и укрылся в холмах. На этот раз, однако, Абд ар-Рахман не преследовал его, как делал прежде. Он попробовал иной путь, чтобы выбить почву из-под ног берберского полководца.

8. аль-Маккари, т. 3, с. 37; Ибн Хальдун, т. 4, с. 268.

9. Ибн Изари, т. 2, с. 55.

В восточной части Испании жил другой видный берберский вождь, по имени Хилал. Он подчинился Шакне ради похода за завоевание Испании, хотя как вождь своего племени стоял выше Шакны, чьё прошлое было не знатнее прошлого школьного учителя. Абд ар-Рахман дал этому вождю свою поддержку. Он назначил Хилала вождём всех берберов в восточной части страны и правителем области и позаботился, чтобы выгоды, какие давала тому покорность омейядской власти, были достаточны и удержали его от новой измены.¹⁰

То был очень хитрый политический ход, и он удался. У Хилала было немало личных приверженцев, и перетянуть его на сторону правительства было для эмира победой. Почему Хилал обратился против Шакны — из погони за властью или потому, что устал от войны, которой не видно было конца, — так и останется неизвестным, но отпадение его подорвало силы Шакны. Видя себя лишённым поддержки множества берберов, он отошёл ещё глубже в свои горы, в ещё более недоступную глушь, куда эмир, надо было думать, за ним не пойдёт.

Но эмир пошёл за ним. В два следующих года, 159 и 160 гг. х. (с конца 775 до конца 777 года), эмир теснил слабеющего берберского вождя, заходя в горы Куэнки дальше, чем заходил прежде, и надеясь принудить бербера к последнему бою. Мысль, что это единственный мятежный вождь, который перехитрил его манёвром, ускользал от него и уцелел как боеспособный противник почти целое десятилетие, задевала гордый дух князя. Шакна был угрозой более крупной и более опасной, чем кто-либо иной, и, покуда он жив, Абд ар-Рахман не мог спать спокойно. Быть может, опасался князь, тот и теперь готовит хитрый ответный удар, как не раз делал прежде. Человека этого нужно было поймать и примерно наказать, а крамоле его положить конец навсегда.

Никакого ответного удара Шакна не готовил. Дела его были плохи. Из-за отпадения множества берберов и упадка рвення у тех, кто остался, он впал в тяжёлые времена. Сверх того, в эту пору несчастья ближайшие друзья обращались против него, иные — под действием подкупов эмира.

Двоим из этих друзей предстояло стать его палачами: Дауду ибн Хилалу и Кинане ибн Саиду; первый был сыном новоназначенного вождя, приняв-

10. Ибн Изари (т. 2, с. 54) относит это переманивание к 155 г. х., но вероятнее, что оно случилось позже, как сказано выше, и положило начало концу Шакны.

шего сторону Омейядов. В месте, называемом Карьят-уль-Уюн, пока усталый старый партизан отдыхал, ничего не подозревая и не готовясь к защите, они напали на него и убили.¹¹ Убийцы отнесли голову Шакны Абд ар-Рахману.¹²

Это случилось в 160 г. х. (777), десять лет спустя после того, как Шакна объявил свою независимость в Сопетране. То был постыдный конец для такого человека, для того, кто мог бы стать королём Испании — первым берберским королём — и положить начало собственной новой династии. История не была добра к Шакне ибн Абд аль-Вахиду, он же Абдуллах ибн Мухаммад, он же ал-Фатими, быть может, потому, что историю того времени писали арабские историки, видевшие больше доблести в арабском правителе, чем в возможном берберском.

Попытка берберов под началом Шакны навязать Испании берберскую власть не удалась. Берберы не будут править страной до трёх столетий спустя, когда мурабитуны Магриба перейдут пролив, чтобы защитить мусульман Испании от наступающих христиан.

11. «Ахбар маджмуа», с. 111.

12. Ибн Хальдун, т. 4, с. 268.

ГЛАВА 17

Абд ар-Рахман и христиане

Абд ар-Рахман не был изнурён битвами, которые вёл более двух десятилетий. Но читатель, пожалуй, изнурён после шестнадцати глав битв и крови, насилия и предательства. Он заслужил передышку. Мы ненадолго отойдём от войны и отвлечёмся на несколько страниц к предметам менее кровавым. Первый из них — прекрасная молодая дама по имени Сара, готская царица, которую мусульманские историки знали под прозвищем ал-Кутийя... госпожа-готка.

Последним королём готов в Испании был Родерик. Он наследовал королю Витице. Родерик был не из семьи Витицы и не царской крови. Он был видный полководец, начальник готской конницы при Витице и герцог Бетики, южной области Испании. После смерти Витицы сенат и сановники избрали Родерика на престол, отвергнув притязания трёх сыновей Витицы, а именно Ахилы, Ольмондо и Артабаса.

Царевичи никогда ему этого не простили. Вокруг сыновей Витицы собралась немалая партия, которая считала Родерика узурпатором и искала путей и средств свергнуть его и посадить на престол одного из сыновей покойного короля. Случай их пришёл в 711 году, когда Тарик ибн Зияд вторгся в Испанию с мусульманским войском и встал против готского войска Родерика на берегу реки Барбате.

Крылья войска Родерика состояли из сторонников Витицы и были под началом сыновей Витицы. Те вступили в переговоры с командующим мусульманским войском: они перейдут на его сторону, если мусульмане обещают вернуть им имущество отца, три тысячи отборных поместий, которые король Родерик отобрал. Притязание было не вполне справедливым, ибо поместья были коронными землями, принадлежали государству и находились у короля как у царствующего государя, но царевицы считали их семейным наследством, и партия их поддерживала это притязание. Тарик принял условие. Партия Витицы перешла на другую сторону в решительный миг битвы, и мусульманам оттого легче было одержать над готами огромную победу. Родерик утонул в реке Барбате во время бегства с поля битвы.¹

После битвы царевицы пришли к Тарику. «Ты сам военачальник, или над тобою есть военачальник?» — спросили они.

«Нет, — ответил Тарик, — надо мною есть военачальник, а над тем военачальником — верховный повелитель».²

Тарик отослал их к своему старшему начальнику в Северной Африке, Мусе ибн Нусайру, а Муса отослал их дальше, к халифу аль-Валиду в Дамаск. Халиф принял царевиц с большим почётом и подтвердил договор, заключённый Тариком. Братья вернулись в Испанию вступать во владение обещанными землями и зажили достойно и на досуге: Ольмондо — в Севилье, Артабас — в Кордове, Ахила — в Толедо. Три тысячи поместий разделили на три особые области, каждому брату досталось по тысяче: Ольмондо — между Гвадалквивиром и Гвадианой, Артабасу — по берегам Гвадалквивира, Гвадахоса и Гвадабульона, Ахиле — по берегам Эбро.³

Шли годы. Ольмондо умер. Когда это случилось, Артабас, живший в Кордове, захватил имущество покойного брата и присоединил его к своему, оставив детей брата без наследства. Детями были Сара, юная дева, и двое мальчиков помоложе.

Сара была девушка с характером и не из тех, кто позволит попираť свои права. Она не обратилась за помощью к дяде Ахиле и не обратилась к мусульманскому наместнику Испании, которым тогда был Абу-ль-Хаттар

1. Об этом сражении см. книгу автора «Мусульманское завоевание Испании».

2. аль-Маккари, т. 1, с. 265; Ибн аль-Кутийя, с. 3–4.

3. Симонет, с. 42.

(743–745). Она села на корабль в Севилье и вместе с малолетними братьями проплыла весь путь до Сирии. Высадившись в Аскалоне, она поехала сухим путём в Дамаск и потребовала свидания с халифом, теперь уже Хишамом ибн Абд аль-Маликом (724–743).

Её ввели к халифу. Она заметила мальчика, стоявшего подле халифа, и узнала, что его зовут Абд ар-Рахман и что он внук халифа, но не знала, что этот мальчик станет однажды эмиром Абд ар-Рахманом Испании. Сара изложила своё дело правителю мусульманского мира. Она напомнила ему о полномочии халифа аль-Валида, отдавшем её отцу во владение тысячу поместий, рассказала, как дядя Артабас захватил имущество её покойного отца и сделал его своим, и потребовала правосудия.

Халифа поразили не только ум и дух девушки, но и её красота. Он написал приказы наместнику Северной Африки: пусть тот велит наместнику Испании позаботиться о возвращении её имущества. Он также сделал ей предложение о браке от имени араба по имени Иса ибн Музахим. Сара была так ослеплена изяществом и утончённостью арабской жизни в Дамаске, что охотно приняла предложение. Она вышла замуж и вернулась в Испанию с мужем, вернула себе имущество и снова зажила в Севилье достойно и в довольстве.

Она родила Исе двух сыновей, Ибрахима и Исхака, и от одного из них происходил знаменитый испано-мусульманский историк X века Ибн аль-Кутийя... Сын госпожи-готки.

Муж её умер в тот год, когда Абд ар-Рахман высадился в Испании. После того ей делали многие предложения о браке, в том числе Хайят ибн Мула-мис, начальник арабов Севильи, которому позже предстояло восстать против эмира, но она всем отказала.

Она стала навещать Абд ар-Рахмана в его дворце в Кордове, и оба с удовольствием вспоминали первую встречу при дворе халифа Хишама. Ей был открыт свободный доступ во дворец, где её принимали с почётом и приятностью. Позже, по просьбе Абд ар-Рахмана, она вышла за Умайра ибн Саида и родила ему сына, которого называли Хабибом. Все её сыновья стали родоначальниками знатных родов в Испании, гордившихся происхождением от госпожи-готки.⁴

Дядя Артабас, вернув Саре имущество её отца, перестал быть злодеем. Он жил в довольстве и блеске как видный гражданин Кордовы, известный

не только умом и остроумием, но и щедростью и гостеприимством. Он держал в городе княжеский двор, куда хаживали арабские вельможи наслаждаться его обществом и хлебосольством. Он стал и заметным политическим лицом. Он встречался с наместником Испании и советовал ему в разных политических делах. По совету Артабаса наместник Абу-ль-Хаттар решил удалить сирийцев из Кордовы и поселить их в округах поодаль от столицы, как рассказано в главе 6.⁵

Однажды его навестили десять знатных сирийцев, и среди них трое, о которых в этой книге уже говорилось: ас-Сумайл ибн Хатим, Убайдуллах ибн Усман и его зять Абдуллах ибн Халид. Двое последних были теми вождями, которым предстояло позже подготовить почву для прихода Абд ар-Рахмана и которые послали корабль перевезти его из Северной Африки. Пока эти арабы сидели и беседовали, в доме явился ещё один гость. То был Маймун Благочестивый, мавла сирийцев, известный в Кордове благочестием и подвижничеством.

Артабас увидел, как тот входит в комнату. Он встал ему навстречу, обнял его и просил сесть в его собственное кресло, покрытое золотой парчой. Он пытался подвести гостя к креслу, но Маймун отказался сидеть на нём и сел вместо того на пол. Артабас тоже сел на пол подле него и спросил: «Господин мой, что привело такого человека, как ты, к такому человеку, как я?»

«Мы пришли в эту землю ради священной войны, — начал Маймун. — Мы не ждали, что пребывание наше будет долгим. Мы не готовились к долгому пребыванию. Затем с нашими друзьями случилось то, чего мы никак не могли вообразить, и теперь нам уже никогда не вернуться в свои дома. Аллах был к тебе щедр. Я прошу: дай мне одно из своих поместий, и я буду возделывать его своими руками. Я буду отдавать тебе твоё и оставлять себе долю, какая мне причитается».

«Нет, клянусь Богом, — ответил Артабас. — Я ни за что не соглашусь отдать тебе поместье на половинных началах. Я отдам его тебе в дар». Затем он позвал секретаря и велел ему: «Отдай ему выгон в долине Шуш и всё, что в нём есть из скота, овец и рабов. Отдай ему также наше поместье и замок в Хаэне».

4. аль-Маккари, т. 1, с. 266–267; Ибн аль-Кутийя, с. 4–6.

5. Санчес-Альборнос. «España musulmana», т. 1, с. 128.

Маймун Благочестивый поблагодарил хозяина дома и откланялся. Артабас вернулся на своё место.

Сирийцы смотрели на этот разговор в безмолвном изумлении. Когда Маймун ушёл, ас-Сумайл сказал: «О Артабас, всё, что мешает тебе сберечь наследство отца, — это расточительность, с какой ты его проживаешь. Я предводитель арабов в Испании, я здесь с этими спутниками, которые суть предводители мавали в Испании. Ты выказываешь нам не больше уважения, чем то, что позволяешь сидеть на этих деревянных креслах. А входит этот нищий, и ты обходишься с ним с такой щедростью!»

«О отец Джаушана, — ответил Артабас, — люди твоей веры говорят мне, что их учение не вошло тебе в голову, иначе ты не осудил бы доброе дело, которое я сделал». Он продолжал и прочёл ас-Сумайлу проповедь о том, что щедроты Божьи следует делить с менее удачливыми. Ас-Сумайл был человек неграмотный, но гордый, и, услышав слова Артабаса, повёл себя так, словно «проглотил камень».

Гости пропустили мимо ушей речи хозяина. Они твёрдо хотели получить кое-что и для себя от этого царевича царской щедрости, пока длится его царское расположение. «Оставь это, — сказали они Артабасу, — и займись делом, ради которого мы к тебе пришли, а оно то же, за чем приходил этот человек, которого ты принял так щедро».

Артабас понял, к чему клонится речь. Они хотели извлечь из него кое-что. «Вы правители этой земли, — сказал он. — Малым вы не удовлетворитесь. Итак, я даю вам сто поместий, которые вы можете разделить между собой, по десяти на каждого».

Так и сделали. Среди этих поместий были Торрокс, доставшийся Убайдуллаху ибн Усмани и тот самый, где князь Абд ар-Рахман остановился после высадки в Испании; Альфонтин, доставшийся Абдуллаху ибн Халиду; и оливковая роща в Альмодоваре, доставшаяся ас-Сумайлу.⁶

То было в дни, когда страной правили Юсуф и ас-Сумайл. Затем явился Претендент, ниспроверг стоявшее у власти правительство и утвердился как эмир Испании. Артабас был совершенный царедворец: он засвидетельствовал новому правителю своё почтение. Абд ар-Рахман привязался к нему, присылал за ним и брал его с собою в поездки.

Затем однажды беда поразила готского царевича. Он сопровождал эмира в одном из походов, и они стали лагерем на ночь. Шатёр Артабаса стоял

рядом с шатром Абд ар-Рахмана. Эмир взглянул на шатёр своего спутника и увидел, что тот обставлен тюками и узлами — всякого рода добром, которое пришло к Артабасу от слуг и рабов, работавших на его многочисленных поместьях. Для Артабаса это было вполне обычно: он всегда получал добро со своих поместий, не считая многочисленных даров, которые присылали ему друзья.

Вокруг шатра Абд ар-Рахмана не было ничего. Никто ничего ему не присылал. Он смотрел с завистью, а потом с гневом на роскошный шатёр готского царевича, обставленный всеми приметами богатства. Затем в припадке гнева он приказал отобрать у Артабаса всё имущество, все поместья и всё мирское добро. Приказ исполнили без промедления, и всё, чем Артабас владел, у него отняли.

Готский царевич в одночасье стал нищим. Он пошёл к племянникам и племянницам за помощью, но получил мало. Быть может, они помнили, как дурно он обошёлся с осиротевшими детьми собственного брата, и жалости к состарившемуся и обедневшему дяде у них почти не нашлось. Оттого он стал нищим и терпел нужду и заброшенность.

Спустя некоторое время, когда он почувствовал, что жизнь уже довольно долго была к нему достаточно недобра, он решил увидеться с Абд ар-Рахманом. Он пошёл к хаджибу дворца и просил устроить ему приём у эмира, говоря, что желает проститься с эмиром. Приём был дан.

Абд ар-Рахман с удивлением смотрел на нищего сына готского короля, теперь одетого в лохмотья. «О Артабас, — сказал он, — что привело тебя сюда?»

«Ты меня сюда привёл, — ответил Артабас. — Ты встал между мною и моим добром. Ты нарушил договоры, которые предки твои заключили со мною, а я не совершил никакого преступления, которое оправдало бы такой поступок».

Абд ар-Рахман пропустил обвинение мимо ушей. «Что это за прощание? — спросил он. — Полагаю, ты желаешь отправиться в Рим».

«Нет, — ответил Артабас, — но до меня дошло, что ты желаешь отправиться в Сирию».

Абд ар-Рахман был озадачен словами гота. «Кто же пустит меня вернуться в Сирию?» — спросил он, и вопрос был риторическим. «Ты знаешь, что меня выгнали мечом».

Тогда Артабас сказал: «Это место, которое ты добыл себе, — хочешь ли ты передать его сыну после себя, или намереваешься, чтобы он был лишён того, что ты приобрёл?»

«Клянусь Аллахом, — поклялся эмир, — я не ищу ничего, кроме как сохранить это владение для себя и для своего потомства».

«Тогда слушай...» Артабас рассказал ему о положении в Испании такое, чего Абд ар-Рахман не знал и чего никто не говорил ему прежде. Он советовал, какие действия тому надлежит предпринять, — действия, о которых ему не советовал никто другой.

Абд ар-Рахман слушал жадно. Его не только поразил, но и тронул поступок готского царевича, предостерегавшего его о недочётах в правлении и учившего его некоторым тонкостям местного положения, которых арабские советники либо не были настолько искущённы, чтобы знать, либо не настолько честны, чтобы ему открыть.

Он горячо благодарил Артабаса за услугу, которую тот оказал, рассказав ему всё это. Милость свою он явил тем, что даровал Артабасу звание графа — первое такое звание, дарованное в мусульманской Испании, — и вернул ему двадцать поместий. Этого было довольно, чтобы старый царевич, теперь граф, дожил остаток дней на досуге.⁷

Мы возвращаемся к войне, ибо рассказ об Абд ар-Рахмане Пришельце в существе своём есть рассказ о войне. И мы возвращаемся, после многих лет и многих глав, на север, в королевство Астурия. Вступая в Астурию, образно говоря, мы вступаем в часть истории, окрашенную пристрастием, запутанную противоречиями, искажённую ложью, в лес, наполовину настоящий, наполовину мнимый, в котором неосторожный учёный легко может заблудиться. Нам приходится опираться на те же источники, которые говорят, что после битвы при Ковадонге гора, на которой столпилось 63 000 арабов, поднялась и сбросила их в реку Деву. (См. главу 2.) Мы постараемся проложить разумный путь через этот лес мифа и легенды.

Альфонсо I, чьи деяния кратко рассказаны в главе 8, умер в 757 году, на следующий год после того, как Абд ар-Рахман взял Кордову. В своё цар-

7. Ибн аль-Кутийя, с. 36–38.

ствование он оттеснил мусульман к югу, к реке Дуэро, и создал к северу от этой реки полосу опустошения. Сын его Фруэла, наследовавший ему на престоле и правивший с 757 по 768 год, был человек жёсткий и суровый... «человек с железом в руках и железом в духе».⁸ Он убил своего брата Вимару собственными руками. С церковью он обходился сурово и даже бичевал в церквях и монастырях тех священников и монахов, которые вступили в брак, как за поколения готского правления сделали очень многие. Он вновь сделал безбрачие обязательным условием священства.⁹

Христианские источники сообщают нам, что, пока Абд ар-Рахман был занят борьбой со своими мятежными подданными, Фруэла вёл непрестанную войну против мусульман на северо-западе Испании; что он дал много битв, из которых самая знаменитая была при Понтувии (Понтуво), в нынешней провинции Ла-Корунья, в северо-западной части Галисии. В этой битве, говорят, было убито 54 000 арабов, а их командующий, молодой Умар, сын эмира, взят в плен и обезглавлен по приказу Фруэлы.¹⁰ Это совершенно неверно. Не было никакой битвы между силами Фруэлы и силами Абд ар-Рахмана, который уже был в борьбе не на жизнь, а на смерть со своими единоверцами и слишком занят борьбой за выживание, чтобы послать огромное войско в северо-западный угол Испании, столь огромное, что оно могло потерять в бою 54 000 человек. Войска, которыми Абд ар-Рахман командовал в битвах против мятежных вождей, редко доходили до десяти тысяч. Что же до сына Умара, командующего этим огромным войском, взятого в плен и казнённого на поле битвы, то это плод воображения сказителя.

Мусульманские источники извещают нас, что Фруэла покорил северо-западную Испанию, откуда выгнал мусульман, что он взял Луго, Порту, Самору, Саламанку и Кастилию.¹¹ И это не может быть правдой, ибо эти места раньше взял Альфонсо I, который затем создал свою полосу опустошения к северу от Дуэро. Возможно, некоторые историки приписали действия Фруэлы, брата Альфонсо, игравшего важную роль в его завоеваниях, Фруэле, сыну Альфонсо. Вероятнее же другое: ранние христианские писатели, ища побед, которыми можно было прославить восходящее Астурий-

8. Пидаль, т. 6, с. 36.

9. Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия», с. 186–187; Пидаль, т. 6, с. 37.

10. Леви-Провансаль, с. 76; Санчес-Альборнос. «Королевство Астурия», с. 183–184; Пидаль, т. 6, с. 36.

11. аль-Маккари, т. 1, с. 330; Ибн Хальдун, т. 4, с. 386–387.

ское королевство, и не находя их, эти победы выдумали. Если война между королём Фруэлой и мусульманами и была, она не могла быть ничем большим, чем пограничные стычки вдоль рубежа, установленного во времена Альфонсо и показанного на карте 3.

Сообщают, что Абд ар-Рахман послал поход в Кастилию под началом Бадра к концу царствования Фруэлы, которое кончилось в 768 году. Вероятно, это был набег крупными силами, в 149 или 150 г. х. (766–767), после того как он покончил с Матаром и прежде чем бербер Шакна начал свою долгую войну против Кордовы. Бадр вошёл в округ Алава, близ верховьев реки Эбро, и вернулся с добычей, которую назвал данью, и с пленниками, которых назвал заложниками. Это был единственный отряд, какой Абд ар-Рахман когда-либо посылал на север Испании.

У Фруэлы было много хлопот с галисийцами на северо-западе и с васконами, его восточными соседями, из которых большинство позже станут известны как баски. Галисийцы и баски были свободные варварские народы, веками жившие вольной варварской жизнью. Они негодовали на вторжение в их горные края варваров нового Астурийского королевства и бились, чтобы не пустить их. Фруэла принудил их к покорности не затем, чтобы сделать их гражданами своего нового царства, а чтобы держать в подчинении, дабы они признавали короля Астурии верховным господином. Во время действий в баскской стране он захватил прекрасную баскскую девушку по имени Муния и взял её на своё ложе. Муния стала матерью мальчика, которому предстояло стать Альфонсо Целомудренным, одним из великих королей Астурии.

Фруэла пришёл к насильственному концу. Убив брата Вимару, он сам пал при Кангас-де-Онисе под кинжалами сторонников Вимары. За его смертью последовало двадцать лет мира между астурийцами и мусульманами. Говорят о перемирии,¹² но ничего подобного на деле не было. У Абд ар-Рахмана не было с Астурийским королевством никаких отношений; для него оно формально не существовало.

За Фруэлой на престоле последовал его двоюродный брат Аурелио, сын того Фруэлы, который был братом Альфонсо. В его царствование вспыхнул широкий мятеж рабов, начавшийся в Галисии, но Аурелио его подавил, и

12. Леви-Провансаль, с. 77.

рабы остались рабами. По нраву он не был человеком задиристым: сам не искал ссоры с мусульманами, и ссоры у него с ними не случилось.

По его смерти престол перешёл к Сило, мужу Адосинды, дочери Альфонсо. Мать Сило была арабка, взятая в плен в каком-то деле и ставшая собственностью готского господина. В царствование Сило в Галисии было серьёзное восстание, и, чтобы с ним справиться, королю пришлось дать кровавую битву в округе Луго, прежде чем мятежники были раздавлены. Сило тоже никогда не воевал с мусульманами.

За Сило, как ни странно, последовал другой король, чья мать была мусульманкой. То был Маурегато, незаконный сын Альфонсо, царствовавший с 783 по 789 год и пребывавший в мире с мусульманами. Имя его может значить «сын пленницы-мавританки»,¹³ вероятно, ещё одна из арабских или берберских девушек, захваченных в христианских набегах и украсивших ложе короля Альфонсо.

После Маурегато пришёл Бермудо, сын того Фруэлы, который был братом Альфонсо. Но здесь мы останавливаемся, ибо уже вышли за пределы правления Абд ар-Рахмана Пришельца. Правление Бермудо и сменившего его Альфонсо Целомудренного мы разберём в позднейшем труде.

13. Пидаль, т. 6, с. 201.

ГЛАВА 18

Мятеж на северо-востоке

Историки сохранили нам текст договора, который Абд ар-Рахман заключил с христианами и которым наложил на них некоторые подати. Из-за упоминания «Кашталы» в арабском тексте некоторые историки заключили, будто Абд ар-Рахман покорил Старую Кастилию, и дивились, как ему это удалось.¹ Каштала этого договора была не Кастилией, а городом Кастелья в округе Эльвира (будущая Гранада), и Абд ар-Рахман наложил эти подати потому, что христиане этого округа помогли Юсуфу и ас-Сумайлу против него после битвы при Мусаре.²

Текст договора таков:

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Охранная грамота от великого царя Абд ар-Рахмана патрициям, монахам, знатным и прочим христианам и испанцам Кашталы и их приверженцам в других округах.

Охранная грамота и мир. Он принимает её на себя, покуда они в течение пяти лет будут ежегодно платить: 10 000 унций золота, 10 000 унций серебра, 10 000 лучших коней и столько же мулов, а при них 1000 кольчуг, 1000 железных шлемов и столько же копий.

Писано в городе Кордове 3 сафара 142 г. х. (758).³

Ни один историк не подверг сомнению достоверность этого известия или точность текста, который приписывают знаменитому испано-арабскому историку Ибн аль-Хатибу. Какой-то договор между Абд ар-Рахманом и христианским населением Кастельи, без сомнения, был, но могло ли хоть одно окружье или группа округов Испании VIII века вынести столь непомерное бремя податей — это вызывает серьёзное сомнение.

Были и другие соприкосновения и столкновения Абд ар-Рахмана с христианами, жившими на северо-востоке Испании, в краю Пиренеев и реки Эбро, но случились они позже, и о них речь в главе 20.

На северо-востоке Испании две заметные черты местности отделяют Иберийский полуостров от основного массива Европы, отделяют Испанию

1. Леви-Провансаль, с. 76–77; Инан, т. 1, с. 199.

2. Санчес-Альборнос. «España musulmana», с. 131.

3. Санчес-Альборнос. «España musulmana», с. 131; Инан, т. 1, с. 199.

от Франции. Это Пиренейские горы и река Эбро, которые идут почти параллельно, и между ними от 50 до 80 миль. Через Пиренейские горы идут перевалы, по которым с древних времён вторгавшиеся войска маршировали с одной стороны на другую. Из-за этих природных черт, особенно Пиренеев, этот край гор и реки имеет первостепенную стратегическую важность и даёт своему обладателю явные военные выгоды и для наступления, и для обороны.

Мусульмане называли этот край Верхней маркой и считали его четвёртой областью Испании. Столицей его был древний город Сарагоса на берегу Эбро, важный узел путей, которому предстояло позже стать столицей королевства Арагон. Для мусульман у него было и ещё одно значение, ибо он граничил с землёй франков на севере и с землёй басков в восточной части области Наварра, чьей столицей была Памплона, и это придавало Верхней марке характер пограничной области, а Сарагосе — характер пограничного города.

Множество арабов, главным образом йеменитов, и очень немного берберов избрали этот край для поселения, и к их числу прибавилась немалая сила местных испанцев, которые приняли новую веру и вошли в братство ислама. Поскольку берберов в крае было очень мало, Верхняя марка была избавлена от разорения междоусобной войны, в которой арабы и берберы едва не обескровили друг друга в Северной Африке и в Испании. Из-за отдалённости от Кордовы область пользовалась долей независимости, какой не было у других частей страны. За два десятилетия правления Абд ар-Рахмана, пока он был занят борьбой за престол и подавлением мятежей направо и налево, Сарагоса жила почти как самостоятельное государство, которым правили местные вожди, и многие из них были бесчестные искатели приключений, которым было дело лишь до собственных честолюбивых замыслов. Верность, какую они выказывали центральной власти в Испании, была не более чем номинальной, формой без содержания, и Кордова оставляла мусульман Верхней марки в покое не только из-за расстояния, но и потому, что те часто стыкались с франками, и тревожить их не следовало. К тому же Кордова ничего не могла поделать, чтобы навязать свою волю далёкой области, ибо столица погрязла во внутренних распрях.

Из людей, стоявших у кормила дел на Верхней марке, самым важным был Сулайман ибн Якзан, известный также как Ибн аль-Араби. В ту пору он был наместником области, и его называли господином Барселоны и

Жероны. Как он стал наместником Сарагосы, неясно, но он там был и, ревниво оберегая независимость северо-восточной Испании, собрал круг единомысленных вождей, которые действовали бы заодно с ним и сопротивлялись всякой попытке Абд ар-Рахмана накиннуть на Верхнюю марку более тугую узду. Самым видным из его союзников был Хусейн ибн Яхья, потомок Сада ибн Убады, который после смерти Пророка Мухаммада в Медине едва не стал первым халифом ислама. С наместником действовали и другие: Абу-ль-Асвад, сын Юсуфа ал-Фихри, бежавший из темницы в Кордове, как рассказано в главе 13, и безвестный вождь по имени Абу Саур ибн Кусай, правитель Уэски.

Эти вожди видели, что их независимости угрожает растущая мощь Абд ар-Рахмана Пришельца. Как йемениты они, естественно, были враждебны новому правителю Кордовы, но противны им были не одни Омейяды: столь же не желали они и восстановления аббасидского верховенства над своей областью. Они хотели сохранить всё так, как было. Они готовили общий отпор возможному вторжению из Кордовы, когда на сцене внезапно явился «Славянин», потрясая чёрным знаменем Аббасидов.

Халиф Мансур вынес горький урок из неудачной попытки свергнуть Абд ар-Рахмана руками Алы ибн Мугиса: отрубленная голова того, лежавшая у входа в шатёр, предостерегла халифа не вмешиваться в дела Испании. Он понял урок и больше не предпринимал ничего против молодого эмира. В западных сочинениях есть упоминание об обмене послами между Мансуром и Пипином Коротким, королём франков, — обмене, который якобы начал последний, — но это маловероятно, и ни один ранний мусульманский историк о нём не говорит.⁴ Немыслимо, чтобы варварский вождь вроде Пипина столько знал о халифате или о борьбе Аббасидов с Омейядами и даже о тонкостях дипломатической переписки, чтобы затеять такой обмен.

Халиф Мансур умер в 775 году, и на престоле его сменил сын, Мухаммад ал-Махди. Молодой халиф, не утраченный неудачей отцовской попытки сменить правительство в Кордове, снова принял вызов Омейяда. Действовать против Абд ар-Рахмана он стал через Кайруан, столицу Северной Африки, где всё ещё правили родичи Юсуфа ал-Фихри.

Человеком, которого избрал халиф, был Абд ар-Рахман ибн Хабиб, зять Юсуфа, всем известный как Славянин (ас-Сиклаби). Его так прозвали за

4. Пидаль, т. 6, с. 418; Инан, т. 1, с. 171.

облик: высокий, сильный, рыжеволосый, голубоглазый.⁵ В начале 160 г. х. (конец 776 года) он высадился на берегу Мурсии (округ Мурсии арабы называли Тудмиром, ибо Мурсии тогда ещё не было). Едва ступив на испанскую землю, он воззвал ко всем мусульманам края: пусть присоединятся к нему в войне против омейядского узурпатора и помогут восстановить власть законного халифа в Багдаде. На зов откликнулись главным образом берберы, которых в округе осело много, и вскоре у Славянина было войско, достаточно большое, чтобы выступить в поход.

Он пригласил Сулаймана ибн аль-Араби на совместное дело против общего врага в Кордове. Сулайман тогда гостил в Барселоне, и ему не по сердцу была мысль, что на арену выйдет ещё один полководец: тот мог запутать положение, мог навязать северу Испании аббасидскую власть, а она была не милее омейядской. На приглашение аббасидского полководца он не ответил. Славянин принял молчание за знак вражды и решил принудить Сулаймана к покорности, тем самым прибавив себе весу в походе на Кордову. Он двинулся на север с берберским войском. Где-то между Валенсией и Барселоной Сулайман и Славянин сошлись в бою, и Славянин был разбит. Он отступил к Тудмиру зализывать раны.

Вскоре мы вернёмся к судьбе Сулаймана и его соучастников. Прежде, однако, уместно покончить со Славянином: ему не суждено было сыграть никакой роли в мятеже на северо-востоке и во франкском вторжении, к которому этот мятеж привёл.

На следующий год после того, как Сулайман отбросил Славянина, эмир выступил из Кордовы гасить пламя мятежа, которое Славянин раздул на восточном берегу Испании. Когда омейядское войско подошло к окрестностям Тудмира, Славянин отступил в гористый край к западу от Валенсии. Абд ар-Рахман уничтожил все суда на побережье, чтобы отрезать Славянина возможное бегство, и теснил его в горах, но, подобно берберу Шакне, — а кое-кто из приверженцев Шакны, весьма возможно, служил теперь под началом Славянина, — мятежник оставался в безопасности в своём горном убежище. Отсюда он вёл партизанскую войну против правильного войска Абд ар-Рахмана, опустошая округу и сея тревогу и уныние.

Так длилось год: способность Славянина вредить делу Абд ар-Рахмана не слабела, а надежда Абд ар-Рахмана добраться до Славянина не светлела.

5. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 18; Ибн Изари, т. 2, с. 55.

Наконец, отчаявшись выманить противника на бой, Абд ар-Рахман обратился к испытанному средству — подкупу и убийству. Он объявил награду в 1000 динаров тому, кто убьёт мятежного вождя и принесёт его голову.

Берберский воин по имени Мисхар, один из доверенных приверженцев Славянина, не устоял перед соблазном. Он выбрал миг, когда Славянин потерял осторожность, и убил его. Он отсёк голову своему полководцу и отнёс её эмиру, и тот тотчас наградил изменника кошелём в 1000 динаров. Так в 162 г. х. (778) кончилась не только жизнь Абд ар-Рахмана ибн Хабиба, он же Славянин, но и единственная попытка халифа Махди повлиять на события в омейядской Испании.⁶

С неудачей этого злополучного предприятия пришёл и конец привилегиям, какие ещё оставались у Атаногильда, готского графа Мурсии и преемника славного графа Теодомира, который во время завоевания Испании заключил договор с Абд аль-Азизом ибн Мусой и после того правил семью округами Мурсии как почти независимый господин. Много лет спустя после завоевания мусульманский наместник Испании Абу-ль-Хаттар женился на дочери Теодомира и ещё позже, по смерти старика, унаследовал его обширное личное имущество, оставив преемнику звание господина семи округов, но с сильно умалёнными положением и властью. (См. главу 6.)

Сделав грубую ошибку в расчёте, по прибытии Абд ар-Рахмана-Славянина Атаногильд связал свою судьбу с искателем приключений, в уверенности, что дело того удастся, что омейядский князь будет свергнут и страна перейдёт под власть аббасидского халифа. Когда это случится, его, Атаногильда, без сомнения, щедро наградят.

Этого, разумеется, не случилось, и с крушением мятежа Славянина и со смертью самого Славянина Атаногильд остался один на один с гневом победителя. Месть эмира была мягкой по сравнению с тем, как он обходился с другими мятежными вождями, — быть может, потому, что Атаногильд не был мятежным вождём в собственном смысле. Его отрешили от должности, семь округов у него отняли, чтобы ими правили мусульманские

6. Есть упоминание, будто эмир Абд ар-Рахман в 163 г. х., покончив со Славянином, думал послать поход в Сирию, чтобы отвоевать эту область у бану Аббас, и будто он собрал большое войско, но осуществить замысел ему помешали события на северо-востоке Испании (Пидаль, т. 6, с. 418). Для человека столь трезвого, как Абд ар-Рахман, это кажется маловероятным, хотя как приятную дневную мечту он мог эту мысль и лелеять.

чиновники, как прочими округами Испании, а граф был низведён до положения простого жителя и жил в бесчестии. Договор с Теодомиром отменили.⁷

После столкновения со Славянином Сулайман вернулся в Сарагосу и при поддержке Хусейна ибн Яхьи поднял знамя мятежа и отрёкся от верности омейядскому князю. Они готовились к войне, собирали силы и укрепляли оборону Сарагосы, чтобы выдержать осаду, которая, они были уверены, последует.

Едва эмир услышал об объявленном мятеже Сарагосы, как послал против мятежников отряд. Отрядом командовал Салаба ибн Убайд, визирь Абд ар-Рахмана. Ему было велено подавить мятеж, а затем остаться в Сарагосе наместником Верхней марки. Салаба прошёл через Толедо и Тарасону, чтобы подойти к пограничной столице с запада. Он осадил город.

Затем последовал ряд осадных действий: приступы к городу и вылазки гарнизона, чтобы прорвать осаду. Бой был тяжёлый, но решительного исхода не дал.

7. Симонет, с. 242.

ГЛАВА 19

Карл Великий

После нескольких дней таких действий Сулайман решил попытаться на внезапный налёт. Дневной бой кончился; омейядские силы отошли от ворот, которые штурмовали; в лагере они сложили оружие и ослабили бдительность. В миг, когда его всего меньше ждали, Сулайман вырвался из города с конной колонной и обрушился на лагерь. Омейяды не успели опомниться. Их полководец был взят в плен, а остальные разбежались во все стороны.

Это была ясная победа мятежников и тяжкая неудача эмира. Его командующий полководец — в плену, войско разбито и прогнано от Сарагосы, а мятежники прибавили себе весу за его счёт. Но радость мятежников была недолгой. Упоение победой прошло, и на его место встал страх: что сделает с ними Абд ар-Рахман. Они не сомневались, что он придёт сам, с силой покрепче, и обойдётся с ними так же без милости, как обходился с другими мятежниками. Страх расплаты в мятежном лагере был так велик, что вожди решили обратиться к единственной силе, о какой могли помыслить, чтобы спастись от мести Абд ар-Рахмана.

История мусульманской Испании полна измены и отпадения: христианские сеньоры обращаются к мусульманским князьям за помощью против единоверцев, мусульманские вожди ищут помощи христианских сеньоров против собратьев по вере. Первым мусульманином, предавшим ислам ради личного честолюбия, был Мунуса; его история рассказана в главах 2 и 3. Вторым был Сулайман ибн Якзан аль-Араби.

Сулайман убедил товарищей-вождей призвать франков в Испанию. Оставив Хусейна ибн Яхью начальником провинции в Сарагосе и в сопровождении Абу-ль-Асвада и Абу Саура, а с ними пленного полководца Салабу, весной 777 года (раджаб — шабан 160 г. х.) он проехал через Францию в Падерборн в Саксонии (ныне на северо-западе Западной Германии), чтобы встретиться с королём франков. Испанцы звали этого короля Карлос Магно, на языке этой книги он — Карл Великий, и под этим именем он вошёл в историю.¹

Пипин Короткий, первый каролингский король франков, умер в 768 году. Перед смертью, по франкскому обычаю, он разделил королевство между двумя сыновьями — Карлом и Карломаном. Карл был незаконнорождённым, как и его дед Карл Мартелл, но спустя некоторое время после его рождения Пипин торжественно заключил брак с матерью Карла. Теперь, после престолонаследия, едва Карл освоился с правлением своей половины королевства, как его призвала война на юге, в Аквитании.

История Аквитании и многочисленных её попыток добиться независимости от Каролингов и удержать её вкратце рассказана в главе 3. Пипин Короткий принудил Аквитанию к покорности, но после его смерти страна снова поднялась под герцогом Хунальдом, чтобы сбросить ярмо каролингского господства. Карл выступил во главе большого войска, разбил герцога и подавил мятеж. Хунальд бежал на юг и искал убежища у Лупо, герцога Саксонии, но Карл принудил того выдать беглеца ему в руки. Покорить Саксонию Карл не сумел и должен был довольствоваться покорностью герцога Саксонии для вида: обрядом, в котором было мало существа. Аквитанию, однако, он присоединил к своему королевству. Поскольку Септимания, Прованс и Бургундия уже были в его руках, южная граница королевства легла теперь на реку Гаронну, восточные Пиренеи и Средиземное море. (См. карты 1 и 2.)

Карл был могуч — могуч не только телом, но и волей к власти и тем гонящим честолюбием, каким отмечена была его борьба и в каком не оставалось места угрызням совести. Столкновение интересов между ним и младшим братом, Карломаном, было неизбежно. По наущению матери Карл заключил союз с королём лангобардов Дезидерием против брата и даже женился на дочери лангобардского короля. Однако, прежде чем можно было сделать дальнейшие шаги, чтобы устранить короля-соперника с престола, Карломан умер, в 771 году, и Карл поспешно вступил в половину королевства, принадлежавшую брату, присвоил её себе и не посчитался с правами племянников.

Вдова Карломана бежала с детьми в Ломбардию, на северо-запад нынешней Италии, и просила короля Дезидерия о помощи. Лангобардский король

1. Дози (с. 204) включает в это посольство Абд ар-Рахмана ибн Хабиба Славянина. Это неверно. История Славянина изложена в этой главе так, как её передают мусульманские историки, и поездке в Падерборн в ней нет места. На деле Славянин никак не участвовал в заговоре, имевшем целью призвать франков в мусульманскую Испанию.

расторг союз с Карлом и стал давить на папу, чтобы тот вмешался в спор и помазал сыновей Карломана в короли франков. В ответ на эту угрозу Карл вступил в Ломбардию и взял её столицу, Павию, где провозгласил себя «королём лангобардов».² Дети брата попали ему в руки и «исчезли».

Карлу суждено было завоевать обширные земли за пределами родных франкских границ и объединить большую часть западной и средней Европы под одной христианской державой. Разделавшись с тестем, Дезидерием, и отвергнув жену, дочь Дезидерия, он повернул на север — против языческих варваров Фризии (нынешней Голландии) и Саксонии (северо-западной части нынешней Западной Германии). Саксы были одним из самых диких варварских народов и на следующие тридцать лет окажутся самыми упорными из противников Карла. Знать их готова была соединиться с королём франков, но большая часть народа думала иначе и под водительством грозного вождя Видукинда в 772 году начала против франков затяжную войну.

После пяти кровавых лет войны в тёмных лесах Северной Германии Карл одержал над саксами первый крупный успех. Он ошибочно полагал, что в последний раз имеет дело с этим непокорным народом, но успех был всё же значителен. Видукинд был изгнан из Саксонии и вынужден бежать в Данию, где ему дал приют датский князь, а большая часть саксонского народа лежала поверженной перед франками.

В ознаменование победы решено было собрать в Падерборне, в Саксонии, великий сход родов. Сход этот бывал ежегодно и звался «Майским полем»; его держали весной или летом, на нём обнародовали королевские указы и замыслили военные походы. В этом году, то есть в 777-м, его назначили на май. На этом сходе Карл примет покорность тысяч саксов, которые также войдут в христианскую веру и примут крещение.

Пока шёл этот обряд, франкский двор был поражён: ход собрания прервало прибытие посольства арабов из Испании, народа, которого христианские франки почитали исконным врагом. Посольство составляли Сулайман аль-Араби, Абу-ль-Асвад и Абу Саур — мятежные вожди, прибывшие из Сарагосы искать помощи короля франков Карла, которого впредь будем называть его историческим именем: Карл Великий.

2. Лангобарды, один из германских варварских народов, первоначально назывались „лангобардами“: на их германском наречии это значило „длинная борода“. «Британская энциклопедия», т. 4, с. 44.

Сулайман предложил союз. Он звал франкского короля вторгнуться в мусульманскую Испанию, как за полвека до того граф Юлиан звал мусульман Северной Африки вторгнуться в Испанию христианскую. Арабский вождь, быть может, и соблазнял Карла Великого завоеванием всей Испании, едва ли не отдавая её на блюде, но твёрдое обязательство дал относительно области северо-восточной Испании, провинции Верхней границы. Он убеждал короля прийти самолично с походным войском и овладеть провинцией; в этом деле он и его товарищи окажут всякую возможную помощь. Он обещал сдать Карлу Великому многие города Испании, особенно Сарагосу, и признать его верховенство над страной. Вдобавок к побуждению он предупредил христианского государя, что вторжение мусульманского эмира в его земли близко и упредить его можно лишь собственным наступлением. Наконец, в доказательство верности, он передал Карлу Великому пленного полководца, Салабу ибн Убайда, вазира Кордовы.³

Мысль о вторжении в мусульманские земли была Карлу Великому по душе. В его королевстве царил мир. Он сокрушил, по крайней мере на эту пору, германских и славянских соседей к востоку и юго-востоку, за Рейном и Альпами и до самой реки Дуная. Видение собственного величия, разожжённое сильным религиозным чувством, заставляло его воображать себя завоевателем мусульманской Испании и восстановителем христианства на Пиренейском полуострове. Он знал о междоусобной войне в Испании, в которой мусульмане расточили силы в бесплодных внутренних распрях и тем подали захватчику с севера золотой случай. Сверх того, военный расчёт показывал ему явную выгоду держать Пиренеи и Эбро: так можно было не только преградить мусульманам дальнейшие вторжения в его королевство, но и в какой-то мере влиять на дела того, что останется от мусульманской Испании.

Карл Великий принял предложение арабских вождей. Он придёт большим войском следующим летом и сделает то, что надлежит сделать. Согласовав кое-какие дела обоюдной выгоды, Сулайман и его товарищи-вожди вернулись в Сарагосу. Они открыли дверь вторжению в мусульманскую Испанию самого могущественного христианского государя того времени.

Карл Великий начал готовить большое вторжение в Испанию. Гонцы его скакали во все концы державы созывать подданных на то, что ему представ-

з. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 21; «Ахбар маджмуа», с. 113; Леви-Провансаль, с. 81; Пидаль, т. 6, с. 428.

лялось священной войной. Кроме собственных христианских подданных ему была обещана помощь и доброе расположение мусульман на северо-востоке Испании, а также христианского графа Галиндо Серданы в восточных Пиренеях. Союзники в полосе действий были кстати, и Карл Великий надеялся, что как христианский государь он встретит сочувствие и поддержку христианских басков и наваррцев в западных Пиренеях. Это было принятие желаемого за действительное.

Отряды шли из каждой провинции его державы на зов короля. Они шли из Австразии, Бургундии, Баварии, Ломбардии, Септимании, Прованса — всё германские варварские народы, которым добыча была милее священной войны. За месяцы в провинции Пуатье собралось значительное войско; его устроили и приготовили к смелому походу против ислама. Конечным местом сбора вторгающейся силы был Шасснёй, между Пуатье и Бордо.

19 апреля 778 года войско выступило из места сбора. До реки Гаронны оно шло единой массой, затем разделилось на два корпуса. Один должен был перейти Пиренеи на востоке и наступать через Жерону и Барселону; другой, под личным началом короля, — идти старой римской дорогой через западную оконечность Пиренеев и выйти в Наварру. Овладев её столицей, Памплоной, он продолжит марш к Сарагосе, где соединится с другим корпусом.

Карл Великий прошёл перевалом Ибаньета в долине Ронсеваль и прибыл в Памплону, за 25 миль. В пути ничего не случилось; ничего не случилось и в Памплоне, ибо жители областной столицы, главным образом наваррцы и немного басков, сдались. Карл Великий принял покорность Памплоны и ключи города. Отсутствие борьбы и мирный вид сдачи ободрили короля: ему поверилось, что весь поход будет лёгким торжеством. Из Памплоны он продолжил марш на Сарагосу через Уэску.⁴

Теперь его встретили арабские вожди, продававшие свою страну христианскому государю. Они могли встретить его по прибытии в Памплону, могли встретить по дороге в Сарагосу, могли выйти из Сарагосы приветствовать его, когда он приблизился к столице. Рассказы расходятся. Но ясно, что Сулайман аль-Араби расчищал христианскому войску дорогу, облегчая

4. В одном рассказе («Donde fue... Roncesvalles», с. 36) сказано, что войско, вероятно, перешло Эбро и подошло к Сарагосе с запада. Это маловероятно: путь был бы небезопасен, с риском помехи от враждебных сил на юге. Дорога через Уэску (Пидаль, т. 6, с. 275) оправдана военным смыслом и к тому же легче и безопаснее.

марш и ведя его к цели. С ним были Абу Саур, правитель Уэски, и брат и сын последнего, а при Карле Великом находился пленный полководец Салаба ибн Убайд.⁵

Корпус под началом Карла Великого вышел к Сарагосе и здесь соединился со вторым корпусом. Тот прошёл через Жерону и Барселону, изъявившие показную покорность, как велел Сулайман. Затем он прошёл к Лериде и после этого к Сарагосе, чтобы соединиться с другой половиной войска.

Именно у Сарагосы Карл Великий потерпел первую неудачу. Словно наступил на грабли, и они, вскинувшись, ударили его по лицу. Город не открыл христианам ворот, как обещали арабские союзники. Мусульмане передумали.

Когда Сулайман покинул Сарагосу, чтобы идти приветствовать нового христианского господина, он оставил город в руках товарища и заместителя, Хусейна ибн Яхьи. После того как мятежный вождь ушёл в том, что правоверные почитали нечестивым делом, мусульмане Сарагосы решили, что не станут отдавать город неверному лишь назло омейядскому принцу в Кордове. Новый начальник Сарагосы принадлежал к одному из знатнейших родов Медины и происходил от человека, который мог бы стать первым халифом ислама. Ему, как и другим мусульманам, было противно заключать сделку с врагами Аллаха против собратьев по вере. Поэтому они отказались открыть ворота города. Христианскому государю здесь не рады. Если ему нужна Сарагоса, пусть добывает её боем, и получит он её лишь через их мёртвые тела.

Карл Великий оказался в неловком положении званого гостя, перед которым захлопнули дверь, а Сулайман был смущён не меньше: хозяин привёл гостя домой и увидел, что дом заперт. Он убеждал гостя взять город приступом, указывая, что защитники не выдержат осады из-за нехватки припасов. И Карл Великий, не желая вернуться без награды, ради которой прошёл весь этот путь, обложил Сарагосу. Шёл июнь 778 года.

Начались осадные действия. Христианские и варварские силы несколько раз шли на приступ укреплений, пытаясь проникнуть в город, но мусульмане бились в духе священной войны и держали стойкую оборону. Каждый приступ был отбит, каждая попытка проломить защиту отброшена. Много

5. Салабу могли передать Карлу Великому в Сарагосе по его прибытии, а не годом ранее в Падерборне, как писали некоторые.

дней шёл жестокий бой: Карл Великий силился взять город штурмом и к успеху не приближался. Королю франков пришлось бы сесть на долгую осаду, чтобы голодом принудить защитников к сдаче, но, на счастье защитникам Сарагосы, решать это ему не дали.

Из Франции прибыли гонцы с тревожной вестью: саксы снова поднялись войной. Видукинд вернулся в поле; саксы пользовались отсутствием короля с войском и опустошили страну до самого Рейна, даже взяли город Дойц напротив Кёльна. Держать оборону против саксов было некому, вздумай они перейти Рейн и перенести войну в коренные земли франков.

Карл Великий был в щекотливом положении. Далеко от своей базы, в чужой земле, среди чужого народа, которого почитал союзниками и который на деле был ему деятельно враждебен. К этому прибавлялась опасность, что эмир Испании воспользуется оторванностью Карла Великого и пойдёт на него с юга. Если Абд ар-Рахман соединится с мусульманами Верхней границы, он может нанести вторгшемуся франкскому войску страшный урон. Это мог быть заговор, думал Карл Великий; это мог быть хитрый замысел заманить его в западню и погубить.

Первым движением короля было схватить арабских союзников и держать их заложниками. Они были причиной его бед, и, если больше нечем похвалиться за труды, он хотя бы выставит этих знатных мусульманских вождей как трофеи войны. Вожди были Сулайман, Абу Саур, брат и сын Абу Саура и вазир Салаба; несколько других арабов, бывших при этих вождях, тоже стали пленниками короля. Следующий его шаг был мстителен: он опустошил окрестности Сарагосы и собрал немалую добычу, чтобы увезти с собой. Затем он отдал приказ возвращаться во Францию — самое разумное, что он мог сделать. Обратный марш из Сарагосы начался в июле.

С горьким вкусом неудачи во рту Карл Великий ускорил марш. На этот раз всё войско шло с ним и должно было взять ту же дорогу, какой он шёл сюда, через Памплону и Ронсеваль. По пути он захватил ещё добычи в Уэске. Спеша домой, чтобы не дать свершиться беде в собственном королевстве, он рад был думать, что на обратном пути ему никто не преградит дороги, и уж конечно не в Памплоне, христианские жители которой за несколько недель до того охотно ему покорились.

В этом он ошибся. Наваррцы Памплоны и баски, жившие в городе, любили франков не больше, чем мусульман и, впрочем, любого чужеземца. Они видели в Карле Великом захватчика, чужого короля, которого перехит-

рил народ умнее его и затем отбросили под стенами Сарагосы, разбитого полководца на отходе, который возвращается встретить дома ещё более тяжкий кризис. Они приготовились к делу. Они захлопнули перед ним ворота города и тем самым словно показали нос королю франков.

Карл Великий не собирался позволить христианам Памплоны сделать с ним то, что сделали мусульмане Сарагосы. Он повёл на город жестокий приступ, и приступ увенчался полным успехом. У наваррцев не было ни воинского устройства, ни умения мусульман, и те, кого не убили в городе, разбежались во все стороны, спасаясь от жестокой мести короля, и оставили город на произвол его солдат. Варвары разграбили Памплону. Последним актом мести Карл Великий снёс её укрепления и сровнял город с землёй. Хронисты говорят, что он сделал это, дабы отбить у наваррцев охоту к новому мятежу,⁶ хотя возвращаться этой дорогой он не собирался и в самом деле больше не возвращался.

Не ведал Карл Великий, что этим произвольным избиением и опустошением он заслужил мучительное возмездие, ждавшее его в Пиренейских горах, к которым он теперь направлялся.

Дорога во Францию начинает мягко подниматься в некотором отдалении от Памплоны, через южные предгорья Пиренеев, и поднимается дальше, до Бургете, исконной столицы округа Ронсеваль. Двумя милями дальше долина сужается, и уклон извилистой дороги становится круче. Уже всего долина на вершине перевала, называемой высотой Ибаньета: 1062 метра над уровнем моря, 26 миль от Памплоны. Слева и справа от перевала гребни поднимаются до 1300–1500 метров над уровнем моря. За Ибаньетой дорога спускается долиной Валькарлос, которую считают частью длинной теснины Ронсевалья. Мусульмане звали перевал Баб-уль-Шазри. Долину Ронсеваль позже называли также, у французских писателей, Эррозабаль, Розабальес и Рансеваль.

Это не было ущелье, где людям пришлось бы продирааться след в след, как позже изобразили его сочинители романтических песней. Она была всё же узка и красива и для засады смертоносна, как мало какое иное место, особенно последние несколько сотен метров, восходящих к вершине Ибаньеты. Здесь решительный отряд, лежащий в засаде, мог учинить разгром

6. «Donde fue... Roncesvalles», с. 37.

усталого и ничего не подозревающего войска, с трудом поднимающегося перевалом.⁷

Карл Великий вовсе не помышлял об опасности вести большое войско тесниной Ронсеваля, где местами ему пришлось бы идти почти по одному. Он полагал, что это будет обычный переход вне досягаемости враждебных сил. Это была, в конце концов, страна басков и наваррцев, христианского народа, от которого можно было ждать сочувствия его делу, пусть с ним и жестоко обошлись в Памплоне. Он, кажется, нисколько не подозревал, что перед ним враги, ненавидящие его непримиримой ненавистью, и не единственные враги, о которых ему предстояло тревожиться.

Сам того не зная, Карл Великий имел дело с двумя врагами, одним мусульманским и другим христианским. Мусульманским врагом был отряд, наспех собранный Матрухом и Айшаном, сыновьями Сулаймана аль-Араби, чтобы вызволить отца из рук христиан. Двое молодых людей, как полагают, просили Хусейна ибн Яхью помочь в этом деле и встретили ободряющий ответ — не потому, что Хусейн питал к Сулайману какую-либо любовь, а потому, что готов был на всё, что повредит христианским захватчикам мусульманской Испании. Сила, собранная сыновьями Сулаймана, шла за христианским войском, держась вне глаз и вне слуха, и, пока Карл Великий был занят карательными действиями против Памплоны, ушла в холмы за этим городом говорить с наваррцами и басками.

Другой враг был христианский: наваррцы и баски, особенно последние, дичее и непокорнее тех и других. Франки утешались тем, что звали их ворами и разбойниками, но в собственных варварских глазах они были героическими защитниками своей земли и вольности — теми, кого теперь называли бы борцами за свободу. Когда они не бились с мусульманами, они бились с астурийцами; когда не бились с астурийцами, бились с франками; а когда не бились с франками, бились друг с другом. Они были против всех и каждого.

Баски с самого начала не терпели вторжения в свою землю сил франкского короля. Движению христианского войска они не мешали: либо не были к нему готовы, либо готовы были стерпеть, если франки не станут бесчинствовать. Но франки набесчинствовали в Памплоне, учинив разгром

7. Автор побывал на этом месте в августе 1980 года; проводником ему был каноник монастыря-больницы, построенной в XII веке там, где ныне селение Ронсеваль.

в главном городе Наварры и пролив кровь басков и наваррцев. Баски и наваррцы, всегда ненавидевшие франков, поднялись, как рой разъярённых шершней, пылая желанием покарать виновников этого злодеяния и оскорбителей их вольности. И когда мусульмане снеслись с басками о совместном действии против общего врага — действию, в котором дикая отвага басков умерялась бы и восполнялась дисциплиной и воинским умением мусульман, — они нашли охотный слух.

Некоторые западные историки запутали историю этого события, дав ложный рассказ о том, кто был врагом франков в последовавшем деле. Одни, не желая признать поражение христианских франков великого короля от мусульман Испании, говорят, что врагом были одни баски. Другие, отшатавшись от мысли, что на христианского государя напали единоверцы, настаивают, что врагом были одни мусульмане. На деле врагом были и те и другие, мусульмане и баски, и это признают и новейшие западные историки.⁸ Две группы, численность которых нам неизвестна, действовали заодно: баски помогали мусульманам лучшим знанием местности, мусульмане помогали баскам превосходным знанием воинской тактики.

В долине Ронсеваль, близ вершины Ибаньеты, мстители лежали в засаде. Избранное ими место включало подъём к вершине, то есть последние несколько сотен ярдов ниже Ибаньеты, саму вершину и короткое расстояние за вершиной. Это была узкая долина, покрытая лесом, местами с крутыми склонами, местами каменистая: она давала нападающему всё укрытие, какого он мог желать, и стесняла свободу действий всякого правильного войска, запертого на дне долины. Мусульмане и баски заняли свои места. Они укрылись и терпеливо ждали, когда добыча ступит в западню.⁹

Полки Карла Великого, разграбив в походе города и сёла, через которые проходили, выступили из Памплоны 12 или 13 августа. Карл Великий построил войско для марша двумя частями: впереди главные силы, во главе которых шёл сам король; позади арьергард, чисто франкский отряд, куда он поместил весь обоз, в том числе добычу и арабских заложников. Арьергард был небольшой частью войска, и командовал им племянник короля Роланд,

8. Леви-Провансаль, с. 83; Пидаль, т. 6, с. 276.

9. Современные испанские и французские исследователи проделали очень полезную работу по определению места этой засады. Общее мнение помещает её примерно так, как описано выше.

хранитель Бретонской марки (или герцог Бретани). Христианское войско весело шло по дороге, в блаженном неведении о беде, которая его ждала.

Под конец дня 15 августа 778 года (16 зу-ль-хиджжа 161 г. х.) войско стояло на перевале Ибаньета, когда решили остановиться. Большая часть войска, то есть главные силы, перевалила вершину и вытянулась по дороге за нею; голова арьергарда стояла на самой седловине перевала; остальной арьергард растянулся позади вершины. Здесь войско остановится на ночь. Люди сложили ношу и вместе с нею бдительность и стали устраиваться на ещё одну спокойную ночь. Обоз свалили посреди долины, заложников поместили рядом, где их хорошо стерегли. Тени удлинились. Люди отдыхали. Сумерки близились.

Тут ударил враг. Они были по обеим сторонам долины, таились за валунами и кустами. С великим шумом они поднялись из укрытий, пустили стрелы и кинули камни в усталого и неготового врага вниз. Затем с леденящими душу криками ринулись вниз по склонам и бросились на арьергард.

Франки были лучше устроены и лучше вооружены, но местность была им чужая, и их застигли в самом уязвимом положении и в самый уязвимый миг. У мусульман и басков было вооружение полегче, как раз для их дела; засаду они приготовили тщательно и вполне воспользовались лучшим знанием местности. Удар по духу от засады парализовал франков, и они не сумели оправиться. Многие схватились за оружие и бились храбро, но толку не было. Короткая и кровавая схватка в долине длилась недолго. Большая часть воинов арьергарда была перебита, и лишь очень немногие ушли от резни, чтобы принести королю горькую весть. Роланд был убит на вершине Ибаньеты, где ныне стоит величественный каменный памятник на месте его гибели.

Затем свет стал меркнуть. В сгущающейся тьме баски накинулись на сваленный обоз, забирая всё, что легко было унести. Дело было не в том, что баски возвращали своё, отнятое у них: разбойники грабили обоз, большая часть которого прежде была награблена у их же собратьев, басков и наваррцев. Грабителей ограбили другие грабители. Баски растаяли во тьме и, надо полагать, унесли своих мёртвых, если баскские мёртвые были. Мусульмане под водительством Матруха и Айшана вызволили отца и прочих заложников и с торжеством вернулись в Сарагосу.

Засада была бедой для франкского войска. Значительная часть его была истреблена в теснине Ронсевалья, и трупы лежали грудями на вершине Иба-

ньеты. Карл Великий, пожалуй, сам не убил за весь поход столько людей, сколько потерял в этой засаде, и вся добыча, которую он вёз показать подданным по возвращении, в утешение за поход, в остальном бесполезный и дорогой, досталась баскам, так что королю нечего было показать за свои труды. Горько было королю принять потрясающую весть о беде, постигшей арьергард и унёсшей его начальника и многих знатных офицеров. Но Карл Великий был полководец твёрдого сердца. Он поспешно вернулся с отрядом воинов к вершине перевала оглядеть обломки засады.

Что он сделал затем, неясно. Историю этого события исказили легенда и романтические поэмы, написанные три века спустя, чтобы прославить дело и приукрасить его. Историкам, пишущим об этом, приходилось опираться на сочинения XI века вроде «Песни о Роланде», «Истории Турпина» и «Путеводителя паломника» — сочинения, историческая ценность которых сравнима с «Тысячью и одной ночью». По-видимому, Карл Великий явился на место засады с намерением биться, но биться было не с кем. Было темно, и мусульмане с басками уже отделились от перевала. Кроме того что похоронил Роланда и часть мёртвых и пожалел, что вообще пришёл в Испанию, он не сделал ничего. Сделать было нечего.

На седловине перевала, где пал Роланд, стоит каменный памятник, красивый памятник, поставленный много позже. В нынешнем селении Ронсеваль, милей ниже вершины, есть часовня; её, как полагают, построил Карл Великий, чтобы хранить черепа и кости павших воинов. Кости всё ещё там, и посетители могут их видеть (как видел их автор этих строк). А недалеко от часовни есть церковь и больница, или странноприимный дом, под названием Реаль Колехиата, построенная в XII веке в помощь паломникам, шедшим из Франции к святилищу Сантьяго на северо-западе Испании.

Карл Великий ушёл обратно во Францию, лелея уязвлённую гордость. Теперь всё выглядело великой западнёй, в которую он попал добровольной жертвой, жестоким обманом, в который он не был достаточно проницателен, чтобы проникнуть. Он верил, что идёт в Испанию великим завоевателем, что его ждёт геройская встреча и что он покорит весь полуостров. Вышло совсем иначе. Мусульмане, звавшие его, обнажили против него мечи. Баски и наваррцы, от которых он ждал покорности и помощи, не только обратились против него, но и соединились с другими его врагами во вполне удавшейся засаде на его силы. Смущённый и униженный, Карл Великий оставил испанскую землю ради своей. Всё, что у него осталось за

труды, — пленный полководец Салаба ибн Убайд, всё ещё бывший у него в руках и от которого он надеялся получить у эмира богатый выкуп. И здесь короля франков ждало разочарование.

Карл Великий был человек великого роста — не только телесного, но и по мужеству, воле и воинскому дарованию. Отряхнув с себя неудачу под Сарагосой и потерю арьергарда в Ронсевале, он ринулся в новое наступление на саксов. В походе, охватившем 779 и 780 годы, он нанёс саксам тяжкое поражение. Два года спустя саксы снова явились в силе и истребили французскую армию в Саксонии, но Карл Великий снова выступил в поле и снова их разбил. В отместку за гибель своего войска он в 782 году хладнокровно перебил четыре тысячи пятьсот саксонских пленников. Три года спустя грозный вождь Видукинд сдался франкскому королю и принял крещение. В исполнение замысла сделать саксов неспособными к дальнейшему сопротивлению он выселил множество их на франкскую землю, а на их место поселил в Саксонии множество франков. Сопротивление их на этом не кончилось: оно длилось, пока наконец хребет их силе не был сломен и Саксония не была покорена навсегда в 804 году.

Что до арабского заложника Салабы, он по-прежнему томился в плену. Абд ар-Рахман не мучился угрызениями, когда отбрасывал людей, едва те переставали быть ему нужны, и выказал полное равнодушие к судьбе вазира. Несколько позже, когда он оставил замыслы насчёт Кордовы, Карл Великий сам открыл переговоры с эмиром. Он предложил перемирие и, по одному мусульманскому источнику, предложил свою дочь в жёны Абд ар-Рахману. Эмир отклонил брачное предложение, но перемирие принял.¹⁰ Он потребовал и возвращения Салабы; Карл Великий согласился, и пленный полководец после долгого плена снова был в Кордове.¹¹

По-видимому, Карл Великий не относился к перемирию всерьёз и пользовался им лишь как уловкой, чтобы обезопасить границу с Испанией, пока не будет достаточно силён оборонять свою землю. В 781 году он переустроил Аквитанию, включив в неё Нарбонну, так что старое герцогство покрыло всю его границу с исламом, и назначил её королём малолетнего сына Людовика (позже известного как Людовик Благочестивый). Затем, в 785 году, он тихо послал франкский отряд через восточную оконечность

10. аль-Маккари, т. 1, с. 330.

11. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 21.

Пиренеев занять город и округ Жероны, что и было сделано. Мусульманский наместник города не оказал сопротивления.

Карл Великий назначил франкского графа Ростаньо наместником Жероны, дабы она оставалась частью королевства.

Абд ар-Рахман не обратил на это внимания. Быть может, он считал Жерону частью Септимании, а не мусульманской Испании. Кроме этого случая, на северо-востоке Испании не было ничего, что вызвало бы столкновение короля франков и эмира Испании.

Карл Великий больше ни разу не ступил на испанскую землю. Одного раза было довольно.

ГЛАВА 20

Завоевание северо-востока

Поскольку Карл Великий был занят бесплодным походом на Сарагосу, эмир занимался мятежом Абд ар-Рахмана Славянина в области Мурсии и Валенсии. Равнодушие, какое Абд ар-Рахман выказал к действиям франков в северо-восточной провинции державы, шло не от искусного замысла дать мусульманам Верхней границы обескровить христиан, а от простого факта: сделать он ничего не мог. Славянин связал его своими набегами и грабежами. Когда наконец, год спустя, он избавился от Славянина убийством, мёртвые похода Карла Великого уже остыли в могилах.

Мятеж Славянина кончился в 162 г. х. За ним пошёл урожай мелких восстаний: они скорее досаждали принцу, чем всерьёз ему угрожали, но всё же держали его занятым. Их было пять, одно за другим; четыре пришлось на остаток 162 г. х., кончившегося в ноябре 779 года.

Первым восстал Дихья аль-Гассани, араб, некогда близкий приверженец Абд ар-Рахмана, но рассорившийся с ним и примкнувший к Шакне-берберу в его долгой войне против Кордовы. После смерти Шакны Дихья двинулся на юг, захватил один из замков в округе Эльвира и объявил, что намерен продолжать войну. Абд ар-Рахман послал колонну под началом одного из своих вазиров, Шухайда ибн Исы; та загнала мятежника в угол и убила его. Вторым был бербер Ибрахим ибн Шаджра: он поднялся в Мороне со своими берберами, но был застигнут врасплох и убит вольноотпущенником Абд ар-Рахмана Бадром. Третьим был ещё один бербер, Аббас; против него эмир послал Тамама ибн Алькаму, который убил мятежного вождя и рассеял его силы.

Четвёртый случай был любопытнее. Речь об арабе, известном как Каид ас-Салами, то есть военачальник Салами, высоком чиновнике правительства и доверенном приверженце Абд ар-Рахмана. Однажды ночью он выпил лишнего вина и под его действием попытался открыть ворота, ведущие к мосту через Гвадалквивир. Пока он шарил в темноте, его увидел страж, остановил и отправил домой, в постель, проспаться от вина. Наутро, однако, память о случившемся вернулась и стала его мучить. Боясь, что эмир покарает его за проступок, он поспешно покинул Кордову и усакал в

Толедо, где объявил совершенно ненужный мятеж против прежнего господина.

Разношёрстное войско, собранное Салами, было достаточно велико, чтобы заслужить серьёзные ответные меры, но недостаточно велико, чтобы требовать присутствия эмира. Поэтому Абд ар-Рахман послал против мятежника дивизию под началом Хабиба ибн Абд аль-Малика. Омейядский полководец прибыл к Толедо и обложил город, но едва осада началась, как Салами вышел из города и бросил общий вызов на поединок. Со стороны правительства на вызов выслали чёрного раба, одного из лучших их бойцов. Два поединщика вступили в бой и бились долго, пока оба не пали смертельно ранеными. Мятежный полководец вскоре умер от ран, и на том его мятеж кончился.

Эти четыре мятежа пришлось на 162 г. х., хотя четвёртый, вероятно, захватил и 163-й. За ними последовал последний из мятежей на юге; виновником его был араб по имени аль-Румахис ибн Азиз аль-Кинани, бывший начальником полиции Марвана ибн Мухаммада, последнего омейядского халифа. С падением Омейядов он некоторое время скитался и в конце концов добрался до Испании, где Абд ар-Рахман, всегда щедрый к старым слугам династии, сделал его правителем Альхесираса. Теперь Румахис, прожив много лет в неизвестности, вдруг объявил открытый мятеж против Кордовы. Это случилось в 163 г. х. К тому, как ответит Кордова, он отнёсся крайне беспечно и не принял спешных мер, чтобы подготовиться, — беспечность, которую можно приписать только глупости.

Абд ар-Рахман решил карать неверность этого человека самолично и повёл на Альхесирас быструю колонну. Движение его было так быстро, а меры охраны Румахиса так плохи, что тот не получил никакого предупреждения о приближении эмира. Румахис был в купальне, когда раб вбежал с тревожной вестью: конница эмира во дворе дома. Одеться было некогда. Бывший начальник полиции завернулся в одеяло, бросился к берегу, сел на судно и отплыл в Северную Африку, откуда позже отправился на восток. Абд ар-Рахман вошёл в дом мятежника и увидел, что птичка упорхнула.

После отпора Карлу Великому у Сарагосы и позора, какой учинили ему баски, провинцией Верхней границы по-прежнему правили Сулайман аль-Араби и Хусейн ибн Яхья. Первый был, по-видимому, старшим и более заметным из двоих, и провинция, по-видимому, была в мире с эмиром, хотя как совершился переход от мятежа к верности, неясно. Абд ар-Рахман не

пытался надеть узду на северо-восток, самую беспокойную провинцию его беспокойной державы.

Содружество Сулаймана и Хусейна было беспокойным и продержалось лишь два года. Затем, в начале 164 г. х. (год начался в сентябре 780 года), Хусейн составил заговор против старшего товарища. Выждав случай, когда жертва не будет чутя опасности, он велел напасть на него в большой мечети Сарагосы, куда тот пришёл на пятничную молитву. Нападавший заколол его до смерти. Айшан, сын Сулаймана, вызволивший отца из плена в Ронсевале, бежал в Нарбонну, спасаясь от возможного покушения на себя, а Хусейн принял всю власть над Верхней границей, ни с кем её не деля. Теперь он был единовластным правителем провинции и, как единовластный правитель, объявил о независимости от Кордовы.

Абд ар-Рахман приготовился к делу. Последний из мятежей на юге был раздавлен. Новое профессиональное войско в сорок тысяч было готово к действию — войско наёмников, лично преданных эмиру, но мало заботившихся о стране, в которой воевали. Эмир был свободен отдать себя делу северо-востока и с новым войском чувствовал себя достаточно сильным, чтобы наложить свою власть на бурную пограничную провинцию. С этой целью позже в 164 г. х. он выступил во главе войска и обложил Сарагосу. Он послал также несколько отрядов под началом своих сыновей в окрестную землю вылавливать мятежников, каких найдут, и несколько дней спустя эти отряды вернулись с донесением: все покорились и все готовы оставаться верными центральной власти Кордовы.

Не прошло и много недель, как в Сарагосу вернулся и Айшан, сын Сулаймана аль-Араби. Он слышал, что город обложен эмиром, и счёл, что теперь можно безопасно вернуться. Вскоре после возвращения ему удалось перехватить убийцу отца и убить его; восстановив так свою честь мстью за кровь отца, он предложил свои услуги эмиру.

Абд ар-Рахман принял его на службу, ибо тот был врагом врага, и оставил при войске мелким вождём.

Хусейн ибн Яхья понял теперь, как он на самом деле одинок. Единственная опора была у него в городе, и получить ещё помощь от остальной провинции было неоткуда. Поэтому он предложил почётную покорность. У Абд ар-Рахмана не было причины сомневаться в заверениях Хусейна, и он принял его покорность. Он даже назначил Хусейна кордовским наместником Верхней границы, но для предосторожности взял в заложники сына нового

наместника, Саида. Несколько дней спустя Саид ускользнул и бежал на Балеарские острова, но Абд ар-Рахман не счёл побег частью замысла, затеянного отцом юноши.

Вопрос Сарагосы был решён, по крайней мере на эту пору. Стояла середина лета 781 года (ближе к концу 164 г. х.), и впереди оставалось много месяцев погоды, годной для похода. Абд ар-Рахману пора было заняться христианами северо-востока: покарать их за то, что они не были добрыми подданными мусульманского государства, и позаботиться, чтобы впредь они вели себя лучше.

С той поры, как он взял власть в Кордове, за четверть века до того, у Абд ар-Рахмана не было ни времени, ни средств, ни душевного покоя, чтобы заняться христианами севера. Но теперь беды, какие его мучили, миновали или казалось, что миновали, и в его руках было отличное новое войско. Наконец у него нашлись время и средства обратить внимание на народ, который он сделает своими будущими христианскими подданными. Лёгкость и скорость, с какими он провёл следующий поход, хорошо говорят о подвижности его войска и о его собственном умении им маневрировать.

Абд ар-Рахман сначала повернул на запад и прошёл южным берегом реки Эбро в нынешнюю провинцию Логроньо и покорил Калаорру и Вигеру. В нескольких местах он встретил сопротивление и легко его сломил, и всюду разрушал укрепления, чтобы жители снова не подняли мятеж. Затем он перешёл Эбро и двинулся к Памплоне, жители которой сдались при его появлении. Наваррцы и баски были покорены вполне, хотя не прежде, чем его быстрые колонны выследили в горах непокорные христианские отряды и принудили их к покорности.¹ Абд ар-Рахман взял заложников, чтобы обеспечить их доброе поведение, и назначил мусульманского наместника Памплоны.

Затем он повернул на восток и прошёл южными предгорьями Пиренеев к восточным пределам хребта, где самым важным княжеством была Серданья. Ею правил граф Галиндо Беласкотенсес, человек, которого мусульмане звали Ибн Баласкут и который прежде объявил о поддержке Карла Великого.² Этот вельможа, вероятно готский сеньор, открыл мусульманам

1. Ибн аль-Асир (т. 6, с. 22) называет некоторые места и некоторых вождей, разбитых Абд ар-Рахманом, но имена искажены и не поддаются сведению к известным местам и историческим лицам.

2. Его называли также Галиндус Бласкес (Леви-Провансаль, с. 124).

ворота. Абд ар-Рахман принял покорность графа и взял его сына в заложники.³

Дальше Абд ар-Рахман не пошёл. Он покорил весь северо-восток Испании, от земли басков на западе до восточного конца Пиренеев. Все ему покорились, уплатили джизью и обязались платить её впредь. Все выдали эмиру заложников в залог того, что останутся добрыми подданными державы. Где-то осенью 781 года (в начале 165 г. х.) Абд ар-Рахман двинулся в обратный путь на Кордову. Новых вторжений он не предпримет и новых действий на севере вести не будет. Есть, однако, упоминание о походе, который наместник Толедо предпринял в Астурию в 168 г. х. (784–785), в правление короля Маурегато, «сына пленных мавританок», — походе, вернувшемся, нагруженным добычей и пленными.⁴

Пока Абд ар-Рахман действовал на северо-востоке, между берберами Сантавера и берберами Валенсии бушевала междоусобная война. Причина этой войны неизвестна, неизвестен и исход, кроме того, что множество берберов с обеих сторон пало в кровавой схватке. Абд ар-Рахмана эта война не занимала; быть может, он даже рад был видеть, что она идёт и возможные враги изматывают друг друга. Однако, возвращаясь с северо-востока Испании, он схватил в Сантавере тридцать шесть видных берберов, в том числе вождя Хиляля, с которым подружился в конце долгой войны против Шакны аль-Фатми и чей сын Дауд убил Шакну, и запер их в тюрьме в Кордове. Дальнейшая их судьба неизвестна.⁵

По возвращении в Кордову Абд ар-Рахман расправился и с Айшаном ибн Сулайманом, который с ним рассорился. Айшан покушался убить эмира, но был одолён и убит, а тело его распяли на берегу Гвадалквивира.⁶

Прошёл год, и вопрос Сарагосы ожил снова. Сын наместника Сарагосы, бежавший из лагеря эмира и добравшийся до Балеарских островов, вернулся в город и снова соединился с отцом. Верность отца эмиру тоже продержалась один год. В 166 г. х. (год начался в августе 782 года) Хусейн ибн Яхья снова поднял мятеж и собрал силы для новой пробы сил на случай,

3. Пидаль (т. 6, с. 277) упоминает ещё одного христианского вождя по имени Химено эль Фуэрте (Сильный), который покорился эмиру.

4. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 26. Христианские рассказы об этом набеге не упоминают и утверждают, что в правление Маурегато между христианами и мусульманами царил непрерывный мир. См. главу 17.

5. «Ахбар маджмуа», с. 113.

6. Там же, с. 115.

если Кордова снова попытается наложить свою власть на Верхнюю границу.

Абд ар-Рахман помнил, как легко в прошлый раз принудил мятежников Сарагосы к покорности. Он не верил, что мятежники стали сильнее прежнего, и потому присутствие эмира, чтобы во второй раз поставить их на колени, не понадобится. Поэтому он послал дивизию под началом полководца по имени Галиб ибн Тамам ибн Алькама сломить сопротивление Сарагосы и доставить мятежного вождя в Кордову.

Галиб выступил к Сарагосе, и, когда он приблизился к городу, Хусейн вышел биться с ним в открытом поле. Где-то за Сарагосой дали бой, в котором мятежники были разбиты и отброшены, а несколько их офицеров взяты в плен, в том числе сын Хусейна Яхья. Галиб отослал пленных в Кордову, где всем отрубили головы. Он подошёл и к стенам города и начал осаду, которая затянулась и зашла в тупик. Хусейн хорошо подготовил оборону и наполнил город обильными припасами, чтобы выдержать долгую осаду.

Абд ар-Рахман видел, что Сарагоса — орешек покрепче, чем он воображал, и принял меры посерьёзнее. Он подготовил силу побольше, чтобы взять столицу Верхней границы, и даже велел построить тридцать шесть катапульт, чтобы бить стены города и крушить его укрепления. В следующем, 167 г. х. (начался в августе 783 года), он сам выступил против мятежников северо-востока.⁷ Город били машины эмира с нескольких сторон. Когда оборону расшатали, катапульты собрали в одном месте, чтобы пробить пролом, и в этот пролом войска эмира хлынули в город. Сарагоса была взята приступом, и мятеж раздавлен.

Хусейна и многих его офицеров привели к Абд ар-Рахману. Всех казнили. Участь Хусейна была особенно жуткой: ему отрубили руки и ноги, и, после того как он некоторое время мучился, его забили насмерть.⁸ Вслед за жестокой казнью их вождя всех мединцев Сарагосы сослали в селение за три мили — в наказание за мятеж. Несколько позже, однако, в знак милости эмир позволил им вернуться в город.

Сарагоса в последний раз восстала против Абд ар-Рахмана. Больше она ему не досаждала.

7. По мнению некоторых, и эта операция завершилась в 166 году.

8. Ибн Изари, т. 2, с. 57; Дози, с. 207.

ГЛАВА 21

Последние фихриты

Првым и самым сильным врагом, с каким Абд ар-Рахману пришлось встретиться в Испании, был Юсуф ал-Фихри. Он был самым сильным потому, что представлял собою власть Испании в ту пору, когда Абд ар-Рахман был не более чем беглецом и претендентом на престол. Чтобы разбить его и в конце концов устранить со сцены, понадобились вся хитрость и всё упорство, какими Абд ар-Рахман располагал. Видеть Юсуфа, пригвождённого ко кресту перед дворцом, вместе с сыном Абд ар-Рахманом, было радостью для нового эмира, успешным завершением двух лет кровавой борьбы.

При иных обстоятельствах мог бы воцариться мир и отношения омейядского принца с фихритами могли бы улучшиться, но суровость, с какой Абд ар-Рахман обошёлся с Юсуфом и с какой продолжал преследовать врагов, сделала мир невозможным. Горечь унижительной участи их наместника нельзя было стереть из памяти рода. Бану Фихр были родом знатным, одним из самых благородных родов курайшитов Мекки, родом, который дал нескольких самых видных полководцев священной войны, особенно в Северной Африке и Испании.

После смерти Юсуфа фихриты снова поднялись под Хишамом ибн Узрой в Толедо (см. главу 14) и, хотя их снова разбили, угли вражды не погасли. Их поддерживал сын Юсуфа, Мухаммад Абу-ль-Асвад, бежавший из тюрьмы в Кордове незадолго до смерти отца и брата. По мере того как другие вожди фихритов проигрывали и сходили со сцены, Абу-ль-Асвад принимал главенство над родом и поддерживал его надежды. Он верил, что в один день бану Фихр снова поднимутся и оправдают себя, вернув честь и отвоевав власть.

Несколько лет он оставался мятежником на свободе. Удача редко ему улыбалась. Затем он связал свою судьбу с мятежниками Верхней границы и стал заодно с Сулайманом аль-Араби и Хусейном ибн Яхьёй. Он даже ездил в Падерборн в Саксонии вместе с Сулайманом искать помощи франкского короля и звать его в Испанию. После неудачи похода Карла Великого на

Сарагосу Абу-ль-Асвад снова оставался на свободе, хотя что он делал и куда ездил, неизвестно.

Семь лет спустя, в начале 169 г. х., он покусился на власть. Он собрал вокруг себя на востоке Испании значительную силу из фихритов, кайситов, берберов, недовольных, искателей приключений — все враги Омейядов — и двинулся к Толедо, которое стало средоточием движения. Наконец он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы идти на Кордову и разделиться с Абд ар-Рахманом в его собственной столице.

Эмир не стал его ждать. Он выступил из Кордовы навстречу противнику. Абу-ль-Асвад едва перешёл реку Гвадалимар (по-арабски Вади-ль-Ахмар), как Абд ар-Рахман явился на место. Оба войска стали лагерем у города Кастельон, в 20 милях к северо-востоку от Хаэна, как раз перед тем местом, где Гвадалимар сливается с Гвадалквивиром. Здесь обе силы построились к бою; Абу-ль-Асвад стоял спиной к Гвадалимару, который тогда тёк глубоко и сильно. Несколько дней были одни стычки: каждая сторона пробовала другую, чтобы снять с неё мерку. Затем пришёл день боя, 11 сентября 785 года (1 раби аль-авваля 169 г. х.), между разноязыкой силой Абу-ль-Асвада и спаянным наёмным войском эмира.

Это был один из самых тяжёлых боёв, какие дал Абд ар-Рахман, несмотря на то что он уже переманил одного из полководцев Абу-ль-Асвада, начальника правого крыла мятежников. Из-за измены их полководца и ещё потому, что наёмные воины хорошо бились, бой кончился полной победой эмира. Четыре тысячи мятежников были убиты, и ещё многие утонули в Гвадалимаре, бежав с поля. Абу-ль-Асвад отступил на север, а Абд ар-Рахман гнал по горячим следам, рубя множество отставших, пока не дошёл до Калатравы (близ нынешнего Сьюдад-Реаля), где погоня кончилась. Абу-ль-Асвад ушёл на запад, в Касерес, с остатками войска, а Абд ар-Рахман вернулся в Кордову. В этом году больше не будут биться.

В Касересе Абу-ль-Асвад заново собрал и устроил свою силу. Войско его таяло; люди теряли в него веру. Но воинов у него оставалось ещё довольно, чтобы поддержать его в решимости продолжать сопротивление Омейядам, и, не смущаясь прежними неудачами, он готовился к новой пробе сил. Она пришлась на следующий, 170 г. х.

Абд ар-Рахман выступил к Касересу, но боя не было. Едва авангард эмира явился на место, остатки некогда грозного войска Абу-ль-Асвада растаяли. Быстрые колонны эмира преследовали бегущих и многих перебили,

но Абу-ль-Асвад снова ушёл, на этот раз бросившись в болото, где сумел уклониться от преследователей.

Абу-ль-Асвад снова скрылся из виду. Теперь он был бездомным беглецом, лишённым друзей, сломленным и разбитым человеком, потерявшим всякую надежду завоевать себе место в Испании. Несколько месяцев спустя, всё ещё в 170 г. х., он тихо умер в селении Раккана, в округе Толедо. Он был последним из вождей, достаточно крупных и достаточно сильных, чтобы угрожать омейядской власти в Кордове.

Вскоре после его смерти брат его Касим, вероятно последний оставшийся в живых сын Юсуфа ал-Фихри, сделал жалкую попытку собрать мятежников против эмира. Это случилось в Толедо в последние месяцы 170 г. х. Абд ар-Рахман снова выступил против мятежника, но боя не было. Едва эмир прибыл в Толедо, как Касим покорился. Он вошёл в лагерь эмира без свиты и без охранной грамоты и был тотчас казнён.

Это был последний мятеж против Абд ар-Рахмана. Эмир был теперь стар, и жить ему оставалось несколько месяцев.

ГЛАВА 22

Друзья и родичи

Судьба не сулила Абд ар-Рахману недостатка во врагах. Когда не фикхриты, то йемениты; когда не йемениты, то части кайситов, или берберы, или иные разные группы, задавшиеся целью противиться новому сильному человеку, который пытался наложить на страну новую центральную власть. А когда не было никого из этих врагов, от которых он и ждал враждебных поступков, являлись собственные друзья и родичи: у Абд ар-Рахмана был свой способ наживать врагов, и способ этот обеспечивал, что врагов всегда будет вдоволь. Собственное обращение его со сторонниками, часто шедшее вразрез с привычной душевной щедростью, отталкивало их и гнало к вражде. Многим из тех, кто помог ему к власти, и тем, кому он помог наслаждаться достатком в его державе, предстояло с ним рассориться.

Первым из них был Абдуллах ибн Халид, зять Убайдуллаха ибн Усмана, — двое вождей, которые звали его в Испанию и готовили почву для его прихода. В мятеже Абу Сабаха, вождя йеменитов, случившемся в 149 г. х. (766), Абдуллаха ибн Халида, тогда вазира, использовали посредником, чтобы привезти старого вождя в Кордову под охранной грамотой, которую Абд ар-Рахман нарушил. Вождь йеменитов был убит в присутствии эмира. Абдуллах ибн Халид был так потрясён этим нарушением принципа, что оставил службу и поклялся никогда больше не иметь дела с правительством. Он умер в безвестности.

Тамам ибн Алькама был первым из мусульман Испании, кто приветствовал Абд ар-Рахмана. Он высадился на берег Северной Африки, чтобы перевезти претендента в Испанию, и Абд ар-Рахман извлёк из его имени знамение победы. Тамам стал первым его хаджибом, командовал несколькими походами против мятежных войск и служил эмиру беззаветной верностью. Под конец, однако, Абд ар-Рахман забыл услуги, оказанные Тамамом, и тот впал в немилость, лишённый почёта и положения. То, что он претерпел при Абд ар-Рахмане, было лёгким ударом рядом с тем, что последовало. Его сын вместе с сыном Убайдуллаха ибн Усмана был казнён сыном и преемником Абд ар-Рахмана, Хишамом. Касаясь этого события, историк Ибн Хайян

говорит: «Казнь двух юношей, приказанная сыном того человека, кому их жизни должны были быть всего дороже, хорошо убедила их безутешных отцов в истине: никто не вправе ждать похвальных дел от собственной родни. В самом деле, если сравнить участь тех, кто был главным орудием успеха Абд ар-Рахмана и кто отдал ему державу, с участью тех, кто противился его власти и был покорён, мы увидим, что участь первых была плачевнее и суровее».¹

Величайший из его сторонников, Убайдуллах ибн Усман, глава Омейядов в Испании, главный виновник предприятия, имевшего целью утвердить в стране омейядскую власть, имел право ждать высшей почести от человека, которого сделал эмиром Испании. Он и вправду был первым, кого назначили вазиром, и действовал как военачальник высокого чина в войске эмира. Он командовал одним из крупных походов против Шакны-бербера; во время этого похода племянник его Ваджих перешёл на сторону берберского мятежника и позже был убит по приказу Абд ар-Рахмана. После этого и Убайдуллах впал в немилость, и эмир совершенно его не замечал.

Прожив много лет в безвестности в своём замке в Торроксе, на юге Испании, и остро чувствуя в эти годы несправедливость своего положения, Убайдуллах попытался привлечь внимание эмира и в то же время выказать правителю презрение. Он уговорил собственного племянника поднять мятеж в одном из замков округа Эльвира. Абд ар-Рахман послал к месту мятежа вооружённый отряд, который схватил мятежника и отрубил ему голову. Дата этого события в истории не записана, но это был бы год или два после конца мятежа Шакны в 160 г. х. (777).

Затем Убайдуллах сделал шаг смелее. В 163 г. х. (779–780) он соблазнил Убайдуллаха ибн Абана, племянника Абд ар-Рахмана, подняться против эмира, рисуя блистательную картину: племянник сядет на испанский престол вместо брата своего отца. Этот молодой человек сговорился с дядей, Абд ас-Саламом ибн Язидом, носившим имя аль-Язиди и приходившимся эмиру двоюродным братом. Оба посвятили в дело нескольких чиновников, готовых увидеть смену господ. Они замыслили убить Абд ар-Рахмана в его дворце. Прежде чем дело могло совершиться, слуга, знавший о заговоре, открыл его Бадру.

Абд ар-Рахмана во дворце не было. Он был на охоте.

1. аль-Маккари, т. 3, с. 45; Гаянгос, т. 2, с. 91.

Бадр послал за ним быстрого гонца известить, что происходит. Эмир тотчас послал два отряда воинов под началом доверенных офицеров схватить обоих принцев, что и было сделано. По возвращении в Кордову Абд ар-Рахман велел схватить каждого участника заговора и, когда все были в руках, казнил их, в том числе двоюродного брата и племянника. Он знал, что старший Убайдуллах ибн Усман по уши сидит в заговоре, что ум заговора — он, но из уважения к его положению человека, посадившего его на престол, и к оказанным им услугам пощадил ему жизнь. Абд ар-Рахман сказал: «Я наложу на него кару хуже смерти».² Карой его стало полное равнодушие правителя; но полагают, что Абд ар-Рахман позже смягчился и вернул этому человеку сан и милость.

Это были не единственные близкие родичи, поднявшиеся против Абд ар-Рахмана. Большинство беглых уцелевших из дома Умайи, пришедших в Испанию и принятых новым эмиром с теплом и добротой, были благодарны и довольны. Но были и другие — честолюбивые и нетерпеливые делить власть, — открытые соблазну крамолы и заговору против главы рода. Следующим поднял мятеж Мугира ибн Валид, ещё один племянник Абд ар-Рахмана; он злоумышлял против него вместе с Хузайлем, сыном покойного ас-Сумайла ибн Хатима, желавшим отомстить за убийство отца, совершённое Абд ар-Рахманом. Прежде чем заговорщики далеко зашли в своём замысле, их открыли, и Мугира и Хузайль были преданы смерти по приказу Абд ар-Рахмана. Это был последний из родичей, злоумышлявших против него, и случилось это в 167 г. х. (783–784).

Абд ар-Рахман был глубоко опечален этим новым изъятием неверности и неблагодарности со стороны собственной семьи — семьи, для которой он столько сделал. Вскоре после казни Мугиры слуга, пользовавшийся его доверием, вошёл в покои эмира и застал его погружённым в думы и явно в глубокой скорби. Увидев доверенного слугу, Абд ар-Рахман сказал: «Диво нам, как после всех наших стараний поставить этих людей в положение безопасности и довольства и после того, как мы рисковали жизнью, пока Богу, чьи побуждения сокровенны, не угодно было, чтобы мы исполнили свой замысел, они оказались столь неблагодарны, что подняли на нас оружие. Они приходят в эту страну, бежав от мечей наших врагов; и всё же, когда мы принимаем их с распростёртыми объятиями, даём им долю в державе,

2. аль-Маккари, т. 3, с. 44; Гаянгос, т. 2, с. 90.

которую Бог предназначил нам одним, даруем им безопасность и окружаем всяким удобством и роскошью, они поводят руками, раздувают ноздри, воображают себя выше нас и пытаются противиться той власти, которую Всевышний вложил в наши руки! Но Бог наказал их неблагодарность, позволив нам проникнуть в их тайны и обратив против них удары, которые они метили в нас».³

Подумав несколько минут, Абд ар-Рахман продолжал: «Худшая из моих забот — этот брат, отец того злосчастного. Как мне быть спокойным в его обществе после казни его сына и нарушения кровного родства? Как моим глазам встретиться с его глазами? Ступай к нему немедленно и объясни ему положение. Вот пять тысяч динаров. Отдай их ему и уговори уйти от меня куда он сам изберёт, на другой берег».⁴ Другой берег значил Северную Африку... другой берег Гибралтарского пролива.

Слуга передал слова и деньги. Брат Валид стал оправдываться, вину сына, который, по его словам, скрыл от него крамольные дела против эмира. Он обещал уехать немедленно, так и сделал и с семьёй и имуществом осел в Северной Африке.

Слуга вернулся к эмиру и передал, что сказал брат. «Слова его, — горько заметил Абд ар-Рахман, — не обманывают нас насчёт того, что у него на уме. Будь в его власти испить моей крови, он не помедлил бы ни мгновения. Хвала Аллаху, который дал нам успех в том, что мы для них задумали, и расстроил их замыслы против нас».⁵

Самым горестным из разрывов, и пришёлся он на конец правления, был разрыв с Бадром — верным слугой, верным бывшим рабом, постоянным спутником, стойким другом, — который провёл жизнь при особе принца.⁶ Ради господина он претерпел тяготы и лишения, каких не претерпел никто другой. Он делил с ним опасности бегства и погони, одиночество скитаний, голод и нужду беглых лет в Сирии, Палестине, Египте, Африке и Магрибе. Он нёс вместе с принцем свою долю бремени несчастья и трагедии. Шаг его ни разу не дрогнул, верность и преданность ни разу не ослабели. Если бы

3. аль-Маккари, т. 3, с. 49; перевод Гаянгоса (т. 2, с. 84).

4. аль-Маккари, т. 3, с. 47.

5. Там же, с. 47–48.

6. Год событий, описанных на следующих страницах, нигде в истории не отмечен, но это должны быть последние три года правления Абд ар-Рахмана.

не он, Абд ар-Рахман, вероятно, не пережил бы опасностей аббасидской погони и превратностей пути через три материка.

Это Бадр открыл Абд ар-Рахману дверь Испании, устроив ему поддержку и подготовив почву для его прихода. В известном смысле это он заложил основания нового королевства, первым правителем которого стал Абд ар-Рахман. Он дал за своего принца бесчисленные бои и командовал против врагов эмира большим числом походов, чем кто-либо другой. Он даже спас его от убийства. Бадр состарился на службе господину и поднялся к положению почёта и богатства, которого вполне заслуживал. С годами и почетом пришла уверенность, чувство особых отношений с эмиром, и оно вскружило ему голову, ибо он был человек низкого происхождения, поднявшийся до положения военачальника высокого чина и высокого чиновника двора. С гордостью положения пришла дерзость, рождённая короткостью; она резала тонкое чувство принца, и соперники Бадра не замедлили этим воспользоваться.

Бадр старел. Последние тридцать лет он провёл в седле и в походе и уже не чувствовал себя достаточно молодым и бодрым, чтобы делать то же и дальше. Эмир говорил о походах, какие предстоит вести, и о том, что Бадр продолжит доброе дело. Бадр отговаривался. Временами он жаловался на свои тяготы, часто напоминал принцу об оказанных услугах и порой даже говорил фамильярно и непочтительно — так сказывались уверенность и самоуверенность. Бадр оставался Бадром.

Однажды он зашёл слишком далеко. Он сказал нечто не к месту — для бывшего раба, пусть и возвысившегося. Абд ар-Рахман был не из тех, кто и дальше делает скидку на прежние услуги; по природе ему скорее свойственно было сбрасывать за борт нежеланных и докучливых попутчиков. Гнев его вспыхнул. Он тотчас приказал отрешить Бадра от должности, конфисковать всё его имущество и заточить его в собственном доме в Кордове. Бадр был ошеломлён. Его вдруг низвели до нищего человека без имени, пленника эмира. Хуже потери положения и лишения имущества было то, что удар нанёс Абд ар-Рахман, человек столь близкий и столь дорогой, человек, с которым у него всегда были особые отношения.

Некоторое время он молча сносил страдание. Затем несправедливость его положения стала невыносима. Он написал эмиру: «Я полагал, что, переплыв море и пройдя пустыни, чтобы добыть вам царство, вы наградите меня иначе, чем так унизив меня в глазах равных мне, подав повод к злорад-

ству моих врагов, сделав меня бедным и нищим и уже бесполезным для друзей, заставив тех, кто меня чтит и уважал, сторониться меня, а тех, кто ненавидел, ненавидеть ещё сильнее. Воистину думаю, что, попади я в руки бану Аббас, они не обошлись бы со мной хуже, чем обошлись вы. Но Бог над всем, и к Нему всем нам вернуться».⁷

Абд ар-Рахман перечитал письмо. Оно привело его в сильный гнев. Он написал Бадру: «Я прочёл твоё письмо, и оно — доказательство твоего невежества, неуместного тона и низменности мыслей. Странно: желая установить с нами особые узы, ты говоришь такое, что самые эти узы рушит». В письме были выговор и увещание Бадру вести себя как следует.⁸

Бадр был раздавлен. Он ждал жалости, если не справедливости. Он стал терять надежду. Все отвернулись от него, словно от зачумлённого, которого надо избегать. Но он продолжал писать Абд ар-Рахману, то умоляя, то обвиняя его в неблагодарности, часто не думая о том, что говорит. Наконец в отчаянии он написал: «Моё заточение очень затянулось, скорби и заботы мои удвоились. Быть может, вы прикажете вернуть мне имущество, чтобы оно было моим в изгнании. Я больше не стану ни в какой должности и не буду пользоваться никакой властью, пока жив».⁹

Ответом Абд ар-Рахмана было ещё одно жёсткое письмо и ещё один суровый выговор. Перемены не будет, облегчения не будет, имущества не вернут. Бадр и дальше будет нести кару, наложенную на него эмиром.

Ещё некоторое время Бадр нёс свою беду. Затем пришёл праздник Ид, день радости и торжества, когда всякий наслаждается праздником и встречей с семьёй и друзьями. У Бадр не было ни семьи, ни друзей. Чужое празднование Ида дало ему ещё острее почувствовать своё положение и показало, кто он на самом деле: печальный и одинокий старик, всеми оставленный, живущий без надежды и без всего, что заработал за жизнь службы. Он написал эмиру ещё раз, ещё раз жалобно взмолился о милости, об улучшении условий своей жизни.

Этому письму суждено было стать последним письмом к господину. На этот раз Абд ар-Рахман приказал изгнать его из Кордовы и отправить на далёкую пограничную заставу. Письмо Абд ар-Рахмана к Бадру, извещава-

7. аль-Маккари, т. 3, с. 40; перевод Гаянгоса (т. 2, с. 89–90).

8. Там же.

9. аль-Маккари, т. 3, с. 41.

шее об изгнании, кончалось так: «Знаю, что ты жаловался тому-то и тому-то. Величайший твой враг — твой язык: он сбил тебя с пути более всего прочего. Обуздай его, пока он тебя не погубил».

Бадра сослали на какую-то заставу державы, на далёкую границу, и остаток жизни он прожил в жалкой бедности и забвении. На той же границе, в той же горестной доле, несколько позже верный старый воин и слуга испустил дух. Без него Абд ар-Рахман, вероятно, не прожил бы дольше ранней юности; эмиром Испании он уж точно бы не стал.

ГЛАВА 23

Абд ар-Рахман и Кордова

Концу правления Абд ар-Рахман стал в Кордове человеком народным.

Его знал в городе каждый: он свободно ходил среди горожан, смешивался с подданными, разделял их праздники и бывал на похоронах, где нередко сам совершал погребальную молитву. Он навещал больных и утешал их. Он стоял с верными на пятничной молитве и на молитвах праздников Ид, а по окончании поднимался на минбар и обращался к собранию.

Одежду он всегда носил белую и белую чалму на голове. Одевался просто и достойно. Сложен он был прекрасно: высок, прям, и гордая осанка свидетельствовала о могучем теле, какое было у него с ранней юности. И под шестьдесят он был хорош собой: светлая кожа, голубые глаза, тонкие брови, длинные русые волосы и борода, уже седеющая с годами. Где-то на долгом пути жизни, прошедшей в походах, он лишился одного глаза — никто не знает, как и где, — и это был единственный изъян на лице в остальном поразительно красивом. Обоняния у него не было.¹

Приёмы народу он давал постоянно: выслушивал жалобы и заботился, чтобы дела получали разрешение. Видеть его мог любой подданный, и всякий, у кого была жалоба, мог подойти и просить, чтобы несправедливость была исправлена. Слабые шли к нему за защитой от сильных, и он не медлил исправлять обиды, едва те доходили до его сведения. Когда он не принимал людей во дворце, то бродил по городу, чтобы самому узнать, как обходятся с подданными и что они думают о его правлении. Один он не ел никогда. Приходило время трапезы — он звал к своему столу всякого, кто был рядом, даже просителя.

Так было не всегда. Эта лёгкость в обращении с народом явилась в последние годы правления, когда большая часть противников была уже сокрушена и он прочно сидел в седле. Но свобода этих хождений не обходилась без опасности: врагов и недоброжелателей хватало, и в том ему однажды пришлось убедиться, когда он поехал на похороны одного кордовского горожанина.

1. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 37; Ибн Изари, т. 2, с. 48; аль-Маккари, т. 1, с. 332.

Он возвращался с похорон верхом, и на улице его остановил дерзкий человек. «Да прославит Аллах эмира, — сказал тот. — Твой кади (судья) обидел меня, и я ищу у тебя помощи, чтобы обида была исправлена».

«Если то, что ты говоришь, правда, — заверил его Абд ар-Рахман, — обида твоя будет исправлена».

Он послал коня вперёд, но человек схватил коня за повод. «О эмир, — сказал он, — заклинаю тебя именем Аллаха, не сходи с этого места, пока не прикажешь своему кади рассудить моё дело по правде: вот он, рядом с тобой».

Встреча эта Абд ар-Рахмана разгневала. Человек мог лгать, мог быть виновен и вполне заслуживать невыгодного приговора, какой вынес судья. Прикажи эмир судье отменить решение — вышло бы кривосудие и обида могла лишь усугубиться. Абд ар-Рахман оглянулся, ища стражу. Её было очень мало, и никого не стояло достаточно близко, чтобы вмешаться. Опасаясь связаться с буйном, от которого можно было ждать насилия, он неохотно приказал кади рассудить дело неотвязного просителя по правде. Тогда человек выпустил повод, и эмир продолжил путь домой.

Во дворце, где о случившемся уже знали все, к нему подошёл один из придворных, который всегда не одобрял странствий эмира по городу и боялся за его безопасность. «Да сохранит Аллах Всевышний эмира, — сказал он. — Не пристало могущественному султану, каков вы, так часто бродить среди людей: привыкнут глаза простого народа к вашему виду — и всякое почтение, всякий страх исчезнут».²

Абд ар-Рахман увидел мудрость этого совета и оставил обычай бродить по городу. Представлять себя на похоронах и на народных собраниях он поручил сыну Хишаму, и с тех пор эти обязанности исполнял Хишам.

Абд ар-Рахман носил титул эмира и воздерживался от более пышных именований вроде султана или малика (короля). Слово «эмир» обычно означало царевича или военачальника, но здесь оно значило ровно то же, что король, — а королём Абд ар-Рахман и был. Титула повелителя правоверных он так и не принял, хотя имя аббасидского халифа вычеркнул из пятничной проповеди и поставил на его место своё: при всех несогласиях и спорах в сердцах мусульман жило известное почтение к центральной власти халифа, которого во всём мире ислама знали как повелителя правоверных. Лишь два

2. аль-Маккари, т. 3, с. 37; Гаянгос, т. 2, с. 87–88.

века спустя этот титул принял восьмой омейядский правитель Испании, Абд ар-Рахман III.

Среди близких его звали Абу Мутарриф, то есть отец Мутаррифа; по иным известиям — Абу Сулайман, по старшему сыну, и даже Абу Зайд, по другому из сыновей.³ Сыновей у него было одиннадцать, дочерей девять. История знает его как Абд ар-Рахмана ад-Дахилия — Пришельца, — потому что он первым из омейядских царевичей вступил в Испанию. Славный недруг назвал его Соколом Курайшитов; об этом ещё будет сказано в следующей главе. На перстне-печати стояла надпись: «На Аллаха Абд ар-Рахман уповает и к Нему обращается»,⁴ а по другому источнику: «Абд ар-Рахман доволен волей Божией».⁵

Об устройстве управления при Абд ар-Рахмане известно очень мало. До него мусульманские правители ведали землёй как провинцией североафриканской области, а та, в свою очередь, была одним из крупнейших государств, или наместничеств, державы халифа. В Испанию они перенесли сирийский порядок управления и разделили всю страну на округа (по-арабски кура) под начальниками, которых звали вали, а меньшие округа — под амилами. До Абд ар-Рахмана в мусульманской Испании было четыре провинции: Кордова, Толедо, Мерида и Верхняя марка; у последней столицей была Сарагоса. Абд ар-Рахман сохранил это устройство: округа действовали под началом провинциальных правителей, а те получали повеления от центральной власти в Кордове. Эмир, впрочем, волен был, когда хотел, сношаться с округами прямо.

Для кабинета, или канцелярии, у него были визири (министры) и хаджибы; последние — мажордомы, придворные, ведавшие этикетом и церемониалом. Среди визирей в то или иное время были Убайдуллах ибн Усман и его зять Абдуллах ибн Халид, те самые, кто первым призвал Абд ар-Рахмана в Испанию... Шухайд ибн Иса, внук раба, берберца или грека, взятого в плен в одной из ранних войн ислама... Салам ибн Бусайл ар-Руми, тоже потомок грека, раба-воина... и Асим ибн Муслим, удалой силач, первым бросившийся в реку Гвадалквивир накануне битвы при Мусаре, первой битвы Абд ар-Рахмана в Испании. Среди хаджибов были Тамам ибн Аль-

3. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 37.

4. аль-Маккари, т. 3, с. 54.

5. Ибн Изари, т. 2, с. 48.

кама, не раз упомянутый в этой книге... Юсуф ибн Бухт, глава клиентов Омейядов... Абд ар-Рахман, сын знаменитого Мугиса ар-Руми, который взял Кордову, служа под началом Тарика ибн Зияда в первое мусульманское вторжение в Испанию... и Мансур-евнух — первый евнух, достигший при Омейядах высокой должности в Испании. Визирь и хаджибы не составляли кабинета и не стояли во главе ведомств. Их употребляли как полководцев, чиновников или секретарей: исполнять повеления или надзирать за тем, что задумал и направлял эмир. Абд ар-Рахман ничего не оставлял другим и всё делал сам.⁶

Самое новое, что он дал Испании в устройстве дел, было войско, которое он собрал, чтобы вести свои войны и хранить свой мир. Нужду в войске, всецело преданном ему самому, он впервые почувствовал в битвах с йемениитами, когда разочаровался в соплеменниках-арабах. Они оказались неверны, недисциплинированны, непокорны и ненадёжны. Тогда он набрал большое войско берберов из Северной Африки, привлёкши их в Испанию щедрым жалованьем и добрым содержанием, и пополнил его рабами-воинами, а среди них было немало белых воинов, взятых мусульманами в плен в боях на севере Испании и на юге Франции. Войско это, более сорока тысяч человек, организованное и выученное до совершенства, было слепо предано своему главнокомандующему, и им он одерживал победы над мятежниками в последнее десятилетие правления.⁷

Как и предки его, Омейяды Сирии, Абд ар-Рахман питал страсть к строительству и предавался ей настолько, насколько позволяла занятость войной. Даже в разгар военных действий он в затишьях находил время для архитектурного усовершенствования и украшения Кордовы и, в меньшей мере, остальной Испании. Строительство шло и тогда, когда армии ходили в поход и возвращались.

В провинциях он построил несколько мечетей, а также замки, бани, дороги и мосты. Кордову он украшал с любовной заботой. Горожан он снабдил водой в изобилии, проведя её акведуком из предгорий Кордовского хребта к северу от города. Он заново отстроил мост через Гвадалквивир, сильно повреждённый наводнением 162 г. х. (778–779). Город он обнёс защитной стеной. Такие стены существовали и прежде, с римских и готских

6. аль-Маккари, т. 3, с. 45; Ибн Изари, т. 2, с. 48.

7. Ибн Хальдун, т. 4, с. 268; аль-Маккари, т. 3, с. 37.

времен, и известно, что правитель Самх ибн Малик (100–102 г. х. / 719–721) произвёл большие починки кордовских стен. Абд ар-Рахман, вероятно, провёл стену по новой линии и отстроил её лучше прежнего.

Всё это делалось, пока страна ещё была в смуте и мятежные вожди поднимали знамя восстания во всех концах. Когда им снесли головы, когда большая часть мятежей была подавлена, когда в страну вернулся мир и Абд ар-Рахман прочно сидел на престоле, так что оспаривать его власть было уже почти некому, строительное рвение разгорелось ещё ярче. Случилось это около 167–168 г. х. (783–785), когда все мятежи, кроме мятежа Мухаммада Абу-ль-Асвада фихрита, были уже позади и царевичу оставалось жить ещё четыре или пять лет.

Себе Абд ар-Рахман построил в Кордове новый дворец на месте старого, где прежде жил правитель Испании. Дворец стоял внутри городских стен, на берегу Гвадалquivира, рядом со старым собором святого Викентия. Там он и жил, и держал ставку, где вершились дела государства.⁸

Ещё он построил себе великолепную новую резиденцию в двух милях к северо-западу от города, на берегу ручья, у подножия холмов, и назвал её Муньят ар-Русафа (Сад Русафы) — по загородной усадьбе деда Хишама близ Киннасрина в Северной Сирии, где Абд ар-Рахман провёл большую часть детства. Просторное здание окружало великолепным садом, украшенным лучшими цветами и растениями, какие только можно было достать где бы то ни было.⁹ Сестра Абд ар-Рахмана, Умм Асбаг, которая помогла ему бежать из Сирии и всё ещё жила там, прислала ему с востока диковинные растения, в том числе персики и редкий сорт граната, называемый сафари.¹⁰ Однажды, гуляя в этом саду, Абд ар-Рахман увидел одинокую пальму, и вид её наполнил его тоской по родине. Будучи поэтом, он произнёс несколько стихов экспромтом, сравнивая себя с этой пальмой: семя её проросло в пустынях востока, а теперь она стояла, как и он сам, одна, вдали от своих, на чужой земле, пересаженная в чужую почву.¹¹

8. Этот дворец, возможно, был построен раньше. Год постройки назван лишь в одном источнике (Леви-Провансаль, с. 88): 168 г. х. (784–785), но дата может быть неверна.

9. От великолепного дворца Абд ар-Рахмана ничего не осталось, но на том месте, где он стоял, испанское правительство выстроило прекрасный «Парадор насьональ» — государственную гостиницу, какие делают честь нынешней Испании. Гостиница эта стоит на пологом нижнем склоне Сьерра-Морены, откуда открывается безупречный вид на Кордову, и носит имя Аррусафа.

10. аль-Маккари, т. 1, с. 456; Гаянгос, т. 2, с. 86.

Самое долговечное, что Абд ар-Рахман внёс в архитектурную красоту Кордовы, — соборная мечеть. Она простояла более двенадцати веков и стоит поныне, и поныне её знают как «Ла Мескита».¹² Ей предстояло быть главным храмом мусульманской Испании до 1236 года, когда по приказу короля Фердинанда III, после христианского отвоевания Кордовы, её обратили в собор. До завершения этого благочестивого дела Абд ар-Рахман не дожил, но рассказ о мечети Кордовы нужно начать с начала ислама в Испании.

Когда мусульмане завоевали Испанию под началом Мусы ибн Нусайра и Тарика ибн Зияда в 711–714 годах, они последовали обычаю Абу Убайды и Халида, завоевавших Сирию во времена халифа Абу Бакра. Те установили обычай делить главную церковь завоёванного города между христианами и мусульманами, так чтобы половина её доставалась последователям каждой веры. И христиане, и мусульмане молились в одном храме Божиим, и каждая община занимала свою половину. Так поступили и в Испании. При правителе Абу-ль-Хаттаре (743–745) собор святого Викентия в Кордове разделили между двумя общинами: половину взяли мусульмане-завоеватели, половина осталась в руках побеждённых христиан. Некоторые другие церкви в городе и вокруг него были снесены.

За следовавшие полвека число мусульман в Испании росло стремительно, по мере того как ислам расходил по всем краям страны. Христиан чтили как «людей Писания», равно как и иудеев, и они вольны были исповедовать свою веру и не несли никаких тягот, кроме небольшой подати, называемой джизьей. И всё же обращения в ислам были массовыми, так что в поздние годы правления Абд ар-Рахмана испанских мусульман в Испании было больше, чем арабов и берберов, вместе взятых, особенно на юге и востоке полуострова.¹³ Этих местных мусульман испано-римского и вестготского происхождения называли мулади (по-арабски муваллад).

Испанское население, оставшееся христианским, жило зажиточными общинами во всех городах; самые цветущие из них были Толедо, Кордова, Севилья и Мерида. Христиан, живших под мусульманской властью, называли мосарабами (по-арабски мустариб). Они жили и молились в своих цер-

11. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 37; аль-Маккари, т. 3, с. 54.

12. аль-Маккари, т. 1, с. 560.

13. Леви-Провансаль, с. 46.

квах по своим обрядам. Митрополит, или архиепископ, христианской Испании имел кафедру в Толедо, а в каждом большом городе были епископы, окормлявшие паству. Назначение всех этих старших церковных лиц должно было быть утверждено омейядским правителем в Кордове.

Это была счастливая доля христиан Испании, как и иудеев, живших под мусульманской властью, — доля, которой не было у язычников-варваров Западной Европы, подвластных христианам. По закону Карла Великого после сдачи каждый сакс должен был принять крещение, а некрещёных предавали смерти. Пленных саксов он обращал под страхом смерти, но христианство так слабо сидело на этих новообращённых, что позже они восстали и вернулись к поклонению идолам.

Столь страшная участь не постигла христиан Испании. Они вольны были жить, как хотели, верить, как хотели, и молиться, как хотели, и жизнь, и имущество были в безопасности — в большей, чем при готской власти, предшествовавшей приходу мусульман в страну. Эта счастливая и мирная жизнь христиан в мусульманской Испании резко отличалась от положения северной полосы страны, отвоёванной Альфонсо I: он изгладил все следы новой веры в городах и сёлах, которые брал и которые сровнял с землёй.

Когда мусульман в Кордове стало больше, их половина мечети оказалась им мала. Им было тесно. В мечети устроили деревянные галереи под самым потолком, чтобы вместить умножившихся верующих, и на время это решило дело. Затем и этого не стало хватать.

ГЛАВА 24

Сокол Курайшитов

Число молящихся всё росло, галереи прогибались под их тяжестью, а места всё равно не хватало на всех. К тому же вход в мечеть, когда-то достаточно широкий для мусульманского собрания, два поколения спустя оказался тесен: испанских мусульман в городе стало больше, чем сыновей и внуков завоевателей.

Абд ар-Рахман решил, что мусульманам нужно всё здание целиком, чтобы на его месте возвести большую соборную мечеть. В 169 г. х. (785–786) он призвал предводителей христианской общины и попросил продать ему их часть храма. Договор обеспечивал христианам владение их половиной, отнять её было нельзя. Надо было просить, и продавать они отказались. После некоторого торга христиане всё же согласились продать свою часть мусульманам за сто тысяч динаров, с тем чтобы им позволили заново отстроить церкви Кордовы, прежде снесённые. На этих условиях мусульмане получили целиком собор святого Викентия.¹

Год ушёл на то, чтобы сломать старое здание и закончить чертежи и приготовления к постройке новой мечети. Постройку начали в 170 г. х. (786–787). Два года спустя, когда Абд ар-Рахман умер, работы ещё шли; на свою мечеть он успел истратить восемьдесят тысяч динаров.² Мечеть достроил его сын Хишам, а после него к ней прибавляли ещё несколько эмиров, пока она не стала самой большой крытой мечетью в мире и одной из самых прекрасных.

Ещё до смерти, в 172 г. х., Абд ар-Рахман, как мудрый государь неспокойной страны, уже решил вопрос о престолонаследии. Цель была в том, чтобы избежать кровавой схватки за власть; смута после его смерти и вправду случилась, но она была и вполтину не так серьёзна, какой стала бы, не назови старый король наследника при жизни.

Выбирать ему предстояло из двух сыновей: Сулаймана, старшего, и Хишама, второго. Сулайман родился в Сирии за четыре года до бегства царевича с берегов Евфрата. Он оставался в Сирии, пока дела Абд ар-Рах-

1. Дози, с. 239.

2. Ибн Изари (т. 2, с. 58) называет сумму в 100 000.

мана в Испании не устроились. Тогда эмир вызвал сына, и с тех пор тот жил в новой стране с отцом. Хишам родился в Испании на следующий год после того, как Абд ар-Рахман взял Кордову, от невольницы Хулал, которую молодому царевичу подарила дочь побеждённого Юсуфа. Ко времени смерти Абд ар-Рахмана Сулайману было сорок два года, Хишаму — тридцать один (по лунному счёту каждый был на год старше).

Различие двух царевичей было не в одних летах. Это были совсем разные люди. Настоящего образования Сулайман не получил: на востоке после падения династии Омейядов для того не было условий. Присоединившись к отцу, — а было ему тогда, вероятно, начало отрочества, — он не имел случая наверстать учение и, кажется, не очень к тому и стремился. Умом он был вял и равнодушен к таким предметам, как словесность и арабская история, близким сердцу образованного араба. Мало того: он и доволен был оставаться таким.

Хишам, напротив, был человеком живого ума и культуры. Получив основательное образование под руководством эмира, он вырос с живым интересом к искусству правления, к войне, к словесности и истории. О том отец и сын и говорили, оставаясь наедине. Они предавались чтению стихов — забаве, и поныне любимой в добрых мусульманских семьях по всему свету. Абд ар-Рахман произносил стих, Хишам должен был назвать автора и ответить другим стихом, и так они продолжали, к радости и удовольствию обоих. Помимо высокого ума, у Хишама была глубокая вера. Он был мусульманин благочестивый и набожный, и это стяжало ему любовь и уважение тех, кто его знал и кто служил под его началом.

С Сулайманом всё было иначе. Отец старался разговорить его, заинтересовать важными делами политики и войны, но старался напрасно. Интересы Сулаймана были мелки; редко он говорил что-нибудь стоящее. Однажды, когда отец и сын были вместе, Абд ар-Рахман произнёс знаменитый стих знаменитого поэта и спросил Сулаймана, знает ли тот, кто автор. «Какой-нибудь араб, надо думать, — ответил сын. — Мне есть занятие получше, чем заучивать стихи какого-то араба».³ Отец умолк, уязвлённый и разочарованный, но в душе уже решил, кому после него достанется царство. Лучшего решения он принять не мог.

Абд ар-Рахман открыто и всенародно провозгласил Хишама наследником престола. Ни ропота от Сулаймана, ни ропота от его сторонников не было.

Дело было решено: после Абд ар-Рахмана правителем Испании будет Хишам.

Абд ар-Рахман ибн Муавия, основатель династии Омейядов в Испании, испустил дух 24 раби аль-ахира 172 г. х. (30 сентября 788 года). Ему было пятьдесят семь лет, и Испанией он правил тридцать два года и пять месяцев. Его похоронили в саду его дворца в Кордове; на похоронах было всё население города. Погребальную молитву совершил его сын Абдуллах.

Сулаймана и Хишама при том не было. Первый находился в Толедо правителем, второй — в Мериде, тоже правителем. Брат их, известный как Абдуллах Смиранный⁴ и позже прозванный Абдуллахом Валенсийским,⁵ тотчас собрал жителей города и взял с них присягу Хишаму как эмиру. Затем он послал скорого гонца вызвать Хишама из Мэриды. Хишам во весь опор прискакал в Кордову и взял в руки бразды правления как второй омейядский эмир Испании. Рассказ о его жизни и походах будет в следующем томе.

Запад был несправедлив к Абд ар-Рахману: выставлял на вид жестокости и проходил мимо добродетелей и свершений. Дози, один из виднейших арабистов, каких дала Европа, сказал о нём так: «...этот вероломный, жестокий и мстительный тиран; ни один честный человек не пошёл бы к нему на службу».⁶ Суждение это и недоброжелательно, и неверно по существу: на службе у Абд ар-Рахмана было немало честных людей.

Поведение исторического лица надо судить мерками, какие были в ходу в его век и в его краю. Его нельзя судить на фоне этики прав человека конца XX века: двенадцать веков назад она ни к чему не прилагалась. Мерить государя VIII века меркой XX века — значит не отдать ему должного и не послужить истории. Сверх того, его надо судить в сравнении с людьми его времени, особенно с теми, кто соперничает с ним в суде истории. Таким человеком был Карл Великий, король франков и император Рима, его современник и единственный великий его современник на западе.

Западные писатели говорили о Карле Великом самые лестные слова. Они превозносили его добродетели и приветствовали его как первого великого правителя христианской Европы. А между тем он посягал на престол род-

3. аль-Маккари, т. 1, с. 334.

4. Ибн Хальдун, т. 4, с. 270; Абдуллах аль-Мискин.

5. Ибн аль-Асир, т. 6, с. 37; Абдуллах аль-Баланси.

6. Дози, с. 208.

ного брата и сговорился с королём лангобардов свергнуть его, расчётливо женившись на дочери лангобардского союзника, чтобы заручиться его поддержкой. Когда брат умер прежде, чем заговор был приведён в исполнение, он набросился на его королевство, захватил детей брата и предал их смерти, чтобы убрать их со сцены. Он согнал тестя с престола и сам стал королём Лангобардии. Тысячи саксов, бившихся за свою землю и вольность, он хладнокровно перебил в плену. Хотя в 800 году папа венчал его императором Священной Римской империи, он был многоженцем (что не имело бы значения, будь он мусульманином!). За долгое и удачливое царствование, королевское и императорское, он так и не расстался с грубыми повадками. До конца он остался неграмотен, хотя ложился спать, положив под подушку перо и бумагу, в надежде, что умение придёт к нему во сне. В вероломстве и жестокости Абд ар-Рахман рядом с Карлом Великим был легковесом. Карл Великий, без сомнения, был исполином, одним из великих деятелей истории, повернувшим ход событий в Западной Европе; но, воздавая ему должное, следует воздать должное и Абд ар-Рахману.

В возрасте, когда он едва вышел из отрочества, ему пришлось бежать, спасая жизнь, и биться за само существование против сил восходящей власти Аббасидов. Пять долгих лет он брёл по раскалённым пескам многих пустынь, один, без друга, терпя лишения и встречая опасности, какие сложились бы человека поменьше. В двадцать пять лет он высадился на берег Испании, и в бою перед ним стояло само правительство страны. Одолев правительственные силы хитростью и манёвром, равно как и жестоким боем, следующие тридцать два года жизни он провёл, обмениваясь ударами с одним врагом за другим и бившись за своё существование и за новообретённый престол. Он бился едва ли не со всеми — с фихритами, йеменитами, кайситами, берберами, христианами, даже с собственными друзьями и родичами. Он выходил против самых храбрых и самых хитрых из своих противников, побеждал их силой и умом, обманывал обманщиков и самых рослых из них выставлял карликами.

Если удача и улыбалась ему, то скупое. Едва он снимал доспех после одной битвы, как вставал другой соперник и выманивал его из покоя. Не было мятежного вождя, который поднял бы знамя восстания и не встретил бы вызова Абд ар-Рахмана: тот смело шёл на него походом. С неутомимым рвением и неистощимой силой он бился наперекор всем препятствиям и твёрдой поступью шёл к тому, чтобы утвердиться в Испании и создать цар-

ство, которым предстояло править его потомкам. Не останавливаясь перед близкой опасностью, он шёл вперёд, словно ведомый далёкой звездой, на свидание с судьбой.

Противники его разрушили сплочённость некогда цельной мусульманской Испании. Арабские и берберские военные вожди, водившие племенные войска, пеклись о личном честолюбии и об узких интересах своих партий, а не о благе мусульманского братства и не о силе и процветании мусульманского государства. Они бились не за что-либо, а против чего-либо, а именно против сильной центральной власти. Слепые к опасностям внутреннего раздора, ещё слепее к нарастающей угрозе христианского севера, враждующие партии дробили Испанию на куски, и дробление мусульманского государства ускорило бы христианское отвоевание.

Абд ар-Рахман одолел всех этих врагов. Он преодолел все преграды на своём пути и пришёл к той точке, какую избрала ему судьба. Наконец удача улыбнулась. Труды были вознаграждены, усилия увенчались успехом. На долгом пути к спасению и к завоеванию ему приходилось пускать в ход всякое оружие, какое было под рукой, — меч, хитрость, вероломство, убийство. Хитрость и лукавство были частью войны с незапамятных времён и останутся ею как законные средства к желанным целям. Вероломство же и убийство — преступления гнусные, неприемлемые и непростительные в деле Абд ар-Рахмана, как и во всяком ином. Иные скажут, что это орудия политики, какие в ходу и по сей день даже между цивилизованными народами, и что враги Абд ар-Рахмана сами были людьми вероломными и бессовестными и сделали бы с Абд ар-Рахманом то, что он сделал с ними. Как бы то ни было, такими делами образ Абд ар-Рахмана был запятнан, и в истории ему предстоит остаться с этим пятном на в остальном блистательном счёте свершений.

Самый безжалостный удар он нанёс верному Бадру. Ни один человек не был в большем долгу перед другим, чем Абд ар-Рахман перед Бадром: за само спасение, за путь к месту, где он свершил дело своей жизни, за всякий успех и всякое достижение. Всем он был обязан Бадру — бывшему рабу, спутнику, помощнику и советнику, полководцу. Бадр был для него всем, правой рукой, и царевичу отдал всё, готов был отдать и жизнь. Он вправе был ждать, что в старости, после жизни, отданной службе и жертве, его щедро вознаградят богатством и почестями. Но обхождение, какое явил ему

царевич, было, по меньшей мере, недостойно. Чести Абд ар-Рахману это не делает.

И всё же Абд ар-Рахман бывал милостив. Порой, тронутый собственной чуткостью или шуткой, он прощал, если и не забывал. Рассказывают, что однажды он возвращался из похода на мятежников, верхом, а вождь мятежников, закованный в цепи, безутешно сидел на муле неподалёку. Эмир подогнал коня ближе. Тростью он постучал мула по голове и сказал: «О мул, какой груз смуты и раздора ты везёшь!»

Пленный араб несколько мгновений смотрел на коня эмира, потом сказал: «О конь, какой груз милости и сострадания ты везёшь!»

Абд ар-Рахман отпустил его. «Клянусь Аллахом, — сказал он, — не вкусишь ты смерти от моей руки».⁷

Под конец он был всесокрушающим, всепобедным, всевластным королём Испании. Он объединил Испанию. Враждующие и бурные партии арабов и угрюмые, мятежные племена берберов он свёл в одну общину, хотя успех и не был ни полным, ни прочным. Он завоевал всё, кроме узкой полосы в северной середине и на северо-западе страны, где варварские короли цеплялись за независимое, хотя и жалкое, существование. Проживи Абд ар-Рахман дольше, не будет пустой фантазией вообразить, что он уничтожил бы и этот очаг раздора и привёл бы весь полуостров под власть ислама. В Кордове он основал собственную династию, которой предстояло царствовать во славе и блеске два и три четверти века — срок для династии долгий по любой мерке. Он заложил основания омейядского правления в Испании, на которых преемникам предстояло возвести одну из самых блистательных культур мусульманской истории, да и истории европейской и человеческой. Он заслужил себе место среди необыкновенных военных и политических деятелей истории.

Ясный и живой портрет характера и дарований Абд ар-Рахмана рисует историк XI века Ибн Хайян. По его словам, Абд ар-Рахман «...был человеком здравого суждения и быстрого разума... глубоко учёный, он был красноречив и выражался легко и изящно... в размышлении он был неспешен и осторожен, но твёрд, когда приводил задуманное в исполнение... он был чужд всякой слабости, быстр в ответах, скор в действиях... он не предавался покою и не потворствовал прихотям... дел правления он никогда не

7. Ибн Изари, т. 2, с. 59.

вверял другому, а ведал ими сам, в трудных же случаях советуясь с людьми мудрыми и опытными... он был воин храбрый и неустрашимый и всегда первым выходил в поле... он был страшен в гневе и не терпел противодействия своей воле... он был необычайно щедр и сведущ в науке правления... он был хороший поэт и мог слагать стихи экспромтом... словом, это был царевич благодетельный, щедрый и великодушный».⁸

Суждение это верное, хотя и немного хвалебное. Но высшую похвалу, какую когда-либо слышал Абд ар-Рахман Пришелец, воздал ему соперник и злейший враг, Абу Джафар аль-Мансур, аббасидский халиф в Багдаде, напрягавший все жилы, чтобы низложить и погубить омейядского царевича. Во многом двое эти были схожи, при всей взаимной вражде. Оба были людьми решимости и воли, осторожности и проницательности, с даром правления. Оба были проницательны и дальновидны и обладали энергией, умением и мужеством, чтобы победить всех своих врагов, сурово покарать мятежных подданных и взять твёрдой хваткой землю, которой правили. Оба заложили основания славных и долговечных держав (хотя Мансур был вторым, а не первым из Аббасидов); каждый был первым «великим» своей династии. Оба были людьми выдающегося ума и культуры. Оба предали смерти племянников: Мансур казнил сына своего брата ас-Саффаха. У обоих матери были берберки.

Мансур часто думал об Абд ар-Рахмане. Как бы ни ненавидел он далёкого противника, он нехотя им восхищался и восхищения своего не скрывал. В беседах со спутниками он не раз поминал Абд ар-Рахмана, хваля его за предприимчивость и отвагу, за дерзость, с какой тот бросился в дальнюю землю без друзей и без семьи. Халиф восхвалял его за то, что он одолел всякое сопротивление, искусно стравил врагов между собой и стал единовластным господином Испании. «Вот, — говаривал он, — юноша этот истинный витязь; кто хвалит его, не лжёт».⁹

Однажды халиф сидел среди придворных в своём дворце в Багдаде. Ему хотелось говорить об исторических лицах. «Скажите мне, — сказал он, — кто из государей достоин зваться Соколом Курайшитов?» Курайшиты были главным племенем Мекки, к которому принадлежали Пророк и все первые мусульмане, в том числе Бану Умайя и Бану Аббас — роды, соответственно,

8. аль-Маккари, т. 3, с. 37, 49; Гаянгос, т. 2, с. 87, 93.

9. аль-Маккари, т. 1, с. 331; Гаянгос, т. 2, с. 82.

эмира Абд ар-Рахмана и халифа Мансура. Все государи ислама до этой поры были из курайшитов.

Придворные, как и подобает добрым придворным, дали ответ, какой сочли приятным: «Вы сами, о повелитель правоверных. Вы победили всех царей, положили конец всем смутам, сокрушили врагов и вытоптали раздор».

«Вы ничего не сказали», — ответил халиф. Этим он хотел сказать, что они совершенно неправы.

«Тогда Муавия», — предложили придворные. То был Муавия ибн Аби Суфьян, который, будучи наместником Сирии, восстал против законного халифа Али и учредил отдельный халифат в Дамаске. После того как Али погиб от убийцы, он стал правителем всего мусульманского мира, первым халифом династии Омейядов.

«Нет», — сказал халиф.

Придворные подумали и отважились на другую догадку: «Абд аль-Малик ибн Марван». Этот Абд аль-Малик был одним из крупнейших омейядских халифов; он правил мусульманским миром с 685 по 705 год. Его знали по политическому искусству и верности суждения.

Мансур снова покачал головой. «Вы ничего не сказали».

Придворные оставили попытки. «Тогда кто же, о повелитель правоверных?» — спросили они.

Халиф начал: «Муавия преуспел потому, что путь ему выровняли (халифы) Умар и Усман и потому, что за ним стоял его род. Что до Абд аль-Малика, за ним стояла могущественная партия».

«Сокол Курайшитов — Абд ар-Рахман ибн Муавия, тот, кто пересёк пустыни, переплыл море и один бросился в землю, ему неведомую, где основал своё царство, покорил рубежи, истребил смутьянов и унизил самых могущественных мятежников. Он привёл города к процветанию, устроил войска и основал могучую державу, и помогли ему в том лишь превосходство его суждения и сила его стойкости».

«Истинно так, о повелитель правоверных», — согласились добрые придворные.¹⁰

Время от времени ход лет выносит на свет исполина среди людей: путь его усеян трудностями, всякое препятствие заступает ему дорогу, ветры

10. Ибн Изари, т. 2, с. 59–60.

невзгоды бьют его, но он пробивается до конца силой и славой и кладёт свою печать на историю. Таким человеком был Абд ар-Рахман ибн Муавия, Абд ар-Рахман Первый, Абд ар-Рахман Пришелец... Сокол Курайшитов.

Приложение. Главные источники

И собраны сочинения, на которые А. И. Акрам опирается в сносках этой книги. Перечень приведён в том составе, в каком он читается в английском издании. Указатель имён английского оригинала, набранный в две колонки, в это издание не перенесён: на скане колонки смешались, и восстанавливать его наугад было бы неверно.

Ибн Абд аль-Хакам. Футух Миср. Лейден, 1920.

Ибн аль-Асир. аль-Камиль фи-т-тарих.

Ибн Хишам. Сира. Каир, 1955.

Ибн Изари. аль-Байан аль-Мугриб. Лейден, 1948.

Ибн аль-Кардабус. аль-Иктифа фи ахбар аль-хулафа. Мадрид.

Ибн Хальдун. Китаб аль-ибар. Бейрут, 1967.

Ибн Кутайба. аль-Маариф. Каир, 1960. Аль-Имама ва-с-сияса. Каир, 1907.

Ибн аль-Кутийя. Тарих ифтихах аль-Андалус. Мадрид, 1926.

Ибн Руста. аль-Алак ан-нафиса. Лейден, 1892.

Ибн аш-Шабат. Силат ас-симт. Мадрид, 1971.

Абу-ль-Фида. Таквим аль-булдан. Париж, 1840.

Абу Юсуф. Китаб аль-харадж. Каир, 1962.

аль-Бакри. аль-Масалик ва-ль-мамалик. Алжир, 1857.

аль-Балазури. Футух аль-булдан. Каир, 1959.

аль-Маккари. Нафх ат-тиб. Бейрут, 1968.

аль-Масуди. Мурудж аз-захаб. Каир, 1958.

ас-Суйути. Хусн аль-мухадара. 1967.

ат-Табари. Тарих аль-умам ва-ль-мулук. Каир, 1939.

аль-Якуби. аль-Булдан. Лейден, 1892.

Якут. Муджам аль-булдан. Тегеран, 1965.

аз-Захаби. аль-Ибар. Кувейт, 1960.

Инан. Даулат аль-ислам фи-ль-Андалус. Каир, 1960.

Клиссолд. Spain. Лондон, 1969.

Конде. История владычества арабов в Испании. Лондон, 1912.

Дескола. История Испании. Нью-Йорк, 1963.

Дози. История мусульман в Испании. Лондон, 1972.

Фуллер. Решающие битвы западного мира. 1957.

Гаянгос. Перевод «Нафх ат-тиб» аль-Маккари (The History of the Mohammedan Dynasties in Spain). Лондон, 1840.

Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи.

Хитти. История арабов. Лондон, 1953.

Леви-Провансаль. Мусульманская Испания. Мадрид.

Сааведра. Вторжение арабов в Испанию. Мадрид, 1892.

Санчес-Альборнос. Мусульманская Испания. Мадрид, 1974. Королевство Астурия. Овьедо, 1979.

Симонет. История мосарабов Испании. Мадрид, 1897.

Томпсон. Готы в Испании. Оксфорд, 1969.

Вилар. Мусульманская Ориуэла. Мурсия, 1976.

Содержание

Предисловие	3
Об арабских именах	6
О географии Испании.....	7
Введение	9
Глава 1. Война во Франции.....	14
Глава 2. Человек по имени Пелайо	28
Глава 3. Абд ар-Рахман и франки.....	37
Глава 4. Битва при Пуатье.....	48
Глава 5. Междоусобица в Северной Африке.....	59
Глава 6. Междоусобица в Испании	75
Глава 7. Последние вали	93
Глава 8. Начало Реконкисты	104
Глава 9. Беглый царевич.....	112
Глава 10. Цель — Испания.....	121
Глава 11. Приготовления к войне	127
Глава 12. Битва при Мусаре.....	136
Глава 13. Конец Юсуфа и ас-Сумайла	146
Глава 14. Абд ар-Рахман и халиф	155
Глава 15. Война с йеменитами.....	165
Глава 16. Шакна-бербер	175
Глава 17. Абд ар-Рахман и христиане	183
Глава 18. Мятеж на северо-востоке.....	193
Глава 19. Карл Великий.....	199
Глава 20. Завоевание северо-востока	213
Глава 21. Последние фихриты	219
Глава 22. Друзья и родичи.....	222
Глава 23. Абд ар-Рахман и Кордова	229

Глава 24. Сокол Курайшитов	236
Приложение. Главные источники.....	245

О КНИГЕ

А. И. Акрам ведёт рассказ от войн в Септимании и битвы при Пуатье к бегству омейядского царевича Абд ар-Рахмана ибн Муавии. Мусара, Кордова, берберские и арабские междоусобицы, поход Карла Великого и основание эмирата складываются в историю человека, которого Восток назвал Соколом Курайшитов.

ПРОЕКТ MIRAS

Сохраняем и распространяем исламское наследие

Книги · исторические материалы · образовательные проекты

t.me/islamiras